

ISSN 1999-6241

НАУЧНО - ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

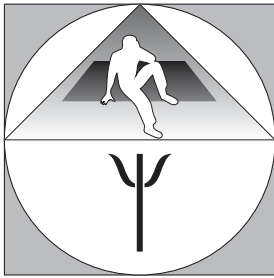

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

№ 3(70)
2017

ОМСКАЯ АКАДЕМИЯ МВД РОССИИ

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ № 3(70) 2017

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук): психологические науки, педагогические науки, юридические науки

СОДЕРЖАНИЕ

Морально-психологическая, профессиональная подготовка и надежность

Гайдамашко И. В., Гожиков В. Я., Караяни А. Г.

Теоретические и прикладные аспекты использования психолого-педагогических технологий краудсорсинга в подготовке курсантов военного вуза 5

Гончарова Н. А., Жидкова О. А. Эмоционально-волевая регуляция как условие обеспечения надежности деятельности сотрудников ОВД. 11

Психологические аспекты воспитательной, правовой и профилактической работы

Бучакова М. А., Дизер О. А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников ОВД 16

Нечепуренко А. А., Куковьякин А. Е. Ограничение судебного усмотрения при переводе смягчающих обстоятельств в статус исключительных в порядке ст. 64 УК РФ. 20

Линевич В. Л. Профилактика риска самоубийства лиц, подлежащих государственной защите 28

Орлова Д. Г. Особенности психологического благополучия будущих офицеров войск национальной гвардии 32

Психокоррекция и регуляция состояний

Нарыков Н. В., Анистратенко Т. Г. Многоуровневый характер социально-личностной рефлексии. 36

Караваяев Ф. Ф., Бадулина Т. А. О причинах наркотической зависимости подростков 40

Теория и методика профессионального образования

Мазнева Ю. А. Об интерактивных формах проведения занятий по английскому языку в Ростовском юридическом институте МВД России. 45

Гараев М. И. Моделирование формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции 50

Зарубежный опыт

Тюфяков Н. А. Изменение вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы в пенитенциарном праве зарубежных стран. 55

Психодиагностика и познание личности

Човдырова Г. С., Кузьмичева Н. А.

Психодиагностическая модель психограммы успешного сотрудника подразделений по делам несовершеннолетних ОВД 61

Горностаев С. В. Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности 67

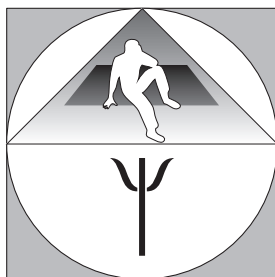
Набока А. А. Межличностное оценивание психолога ОВД в профессиональном окружении в зависимости от профессиональной позиции. 72

Информация о международной конференции, посвященной 15-летию образования Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (30–31 мая 2017 г., г. Москва)

Федотов С. Н., Ульянина О. А. Образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (обзор материалов международной конференции, посвященной 15-летию образования Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя). 77

Информация для авторов и подписчиков 83

Information for authors and subscribers 84

PSYCHOPEDAGOGICS IN LAW ENFORCEMENT NO. 3(70) 2017

Has been published quarterly since 1995

The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences: psychological sciences, pedagogical sciences, juridical sciences

CONTENTS

Morally-psychological

and professional training and reliability

- Gaidamashko I. V., Gozhikov V. Ya., Karayani A. G.** Theoretical and Applied Aspects of Using Psycho-Pedagogical Technologies of «Crowdsourcing» in Higher Military School Cadets' Training 5
- Goncharova N. A., Zhidkova O. A.** Emotional and Volitional Regulation as the Condition of Ensuring Law Enforcement Officer's Professional Reliability 11

Educative, legal and preventive work

- Buchakova M. A., Dizer O. A.** Protection of police officers' honour, dignity and business reputation 16
- Nechepurenko A. A., Kukovyakin A. Ye.** Restriction of Judge's Discretion when Transferring Mitigating Circumstances into the status of Exceptional ones according to Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation 20
- Linevich V. L.** Prevention of Suicidal Risk in People under State Protection 28
- Orlova D. G.** Peculiarities of Future National Guard Officers' Psychological Well-Being 32

Psychological correction and regulation of states

- Narykov N. V., Anistratenko T. G.** Multilevel Character of Social and Personal Reflection 36
- Karavaev F. F., Badulina T. A.** On the Causes of Juvenile Drug-Addiction 40

Theory and methods of professional education

- Mazneva Yu. A.** On Interactive Forms of English Lessons at the Rostov Law Institute of the Russian MIA 45

- Garaev M. I.** Modelling of Formation of Professionally-Ethical Competency of Future Bachelors of Law 50

Foreign experience

- Tyufyakov N. A.** Changing the Type of Correctional Institution for Convicts Sentenced to Deprivation of Liberty in the Penitentiary Law of Foreign Countries.. 55

Personality psychodiagnostics and cognition

- Chovdyrova G. S., Kuzmicheva N. A.** Psychodiagnostical Model of Psychogramme of a Successful Officer of Juvenile Delinquency Units 61
- Gornostaev S. V.** Colour Metaphors Method as the Means of Diagnosing Officer's Loyalty 67
- Naboka A. A.** Interpersonal Evaluation of a Police Psychologist in Professional Environment determined by Professional Position 72

Information on international conference dedicated to 15th anniversary of v. Ya. Kikot Moscow university of the Russian ministry of internal affairs (held on may 30-31, 2017, in moscow)

- Fedotov S. N., Ulyanina O. A.** Law Enforcement Officers' Education. Pedagogy and Psychology of Service: Current State and Prospects (Overview of Materials of the International Conference Dedicated to 15th Anniversary of V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (held on May 30-31, 2017, in Moscow) 77

- Information for authors and subscribers83**

Учредитель издания:
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор
Караваяев Александр Федорович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
кандидат педагогических наук, доцент (Омск, Россия)

Редакционный совет

Асеев Владимир Григорьевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Иркутск, Россия)

Булатов Борис Борисович — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

Вяткин Бронислав Александрович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Пермь, Россия)

Губин Владимир Алексеевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Дерешко Богдан Юльевич — кандидат юридических наук, доцент (Москва, Россия)

Ендржевский Анатолий Альфредович — начальник Управления морально-психологического обеспечения ДГСК МВД России (Москва, Россия)

Иваницкий Анатолий Тихонович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Крук Владимир Михайлович — доктор психологических наук, профессор — **председатель редакционного совета** (Москва, Россия)

Караяня Александр Григорьевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО (Москва, Россия)

Кубышко Владимир Леонидович — кандидат педагогических наук (Москва, Россия)

Лебедев Игорь Борисович — доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)

Маклаков Анатолий Геннадьевич — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Подлипняк Юрий Филиппович — доктор педагогических наук, профессор (Москва, Россия)

Поздняков Вячеслав Михайлович — доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)

Реан Артур Александрович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО (Москва, Россия)

Рыбников Виктор Юрьевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Сухов Анатолий Николаевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Рязань, Россия)

Федотов Сергей Николаевич — доктор психологических наук, профессор (Москва, Россия)

Шаранов Юрий Александрович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

Антилогова Лариса Николаевна — доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)

Астафьев Николай Вениаминович — доктор педагогических наук, профессор (Тюмень, Россия)

Бабушкин Геннадий Дмитриевич — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор педагогических наук, профессор — **зам. главного редактора** (Омск, Россия)

Векленко Василий Владимирович — Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

Вишняков Игорь Августович — доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)

Кильмашкина Татьяна Николаевна — доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Клейменов Михаил Петрович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

Котенев Игорь Олегович — кандидат психологических наук, профессор (Москва, Россия)

Куликов Владимир Борисович — доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Марьин Михаил Иванович — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор — **зам. главного редактора** (Москва, Россия)

Мягих Николай Иванович — кандидат психологических наук (Москва, Россия)

Нечепуренко Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

Петров Вячеслав Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент (Москва, Россия)

Синченко Георгий Чонгарович — Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Омск, Россия)

Сорокотягин Игорь Николаевич — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Тюрин Павел Трофимович — доктор психологических наук, профессор (Рига, Латвийская Республика)

Филиппенко Владимир Ильич — кандидат психологических наук, доцент (Омск, Россия)

Цветков Вячеслав Лазаревич — доктор психологических наук, профессор — **зам. главного редактора** (Москва, Россия)

Четверяков Дмитрий Владимирович — доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (Омск, Россия)

Човдырова Гульшат Сулеймановна — доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор (Москва, Россия)

Шаров Анатолий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор (Омск, Россия)

Щербаков Евгений Павлович — доктор психологических наук, профессор — **ответственный секретарь** (Омск, Россия)

Главный редактор А. Ф. Караваяев
Редактор Ю. А. Прудникова
Корректор М. В. Виноградова
Компьютерная верстка А. В. Евдокимов

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати:
Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.
Тел.: +7-913-971-80-28, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-36632. Выдано Роскомнадзором 18 июня 2009 г.
Выход в свет: 11.09.2017. Тираж 300 экз. Уч.-изд. л. 10,6. Усл. печ. л. 10,5. Заказ № 174.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна
© Омская академия МВД России, 2017

Founder
Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»
Editor-in-chief

Karavaev Aleksandr Fedorovich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Omsk, Russia)

The Editorial Council

Aseev Vladimir Grigorievich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (Irkutsk, Russia).

Bulatov Boris Borisovich — Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Vyatkin Bronislav Aleksandrovich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Perm, Russia)

Gubin Vladimir Alekseevich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, (St. Petersburg, Russia)

Dereshko Bogdan Yulievich — Candidate of Sciences (Law), Associate-professor (Moscow, Russia)

Yendzheyevskiy Anatoly Alfredovich — Chief of the Directorate of moral and psychological support management of the State Service and Personnel Department of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

Ivanitskiy Anatoly Tikhonovich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

Kruk Vladimir Mikhaylovich — Doctor of Psychology, Professor — **chairman of the editorial council** (Moscow, Russia)

Karayani Aleksandr Grigoryevich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Kubysenko Vladimir Leonidovich — Candidate of Pedagogical Sciences (Moscow, Russia)

Lebedev Igor' Borisovich — Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)

Maklakov Anatoly Gennadievich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

Podlipnyak Yuriy Filippovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Pozdnyakov Vyacheslav Mikhaylovich — Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)

Rean Artur Aleksandrovich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Rybnikov Viktor Yurievich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Medical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

Sukhov Anatoly Nikolaevich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (Ryazan, Russia)

Fedotov Sergey Nikolaevich — Doctor of Psychology, Professor (Moscow, Russia)

Sharanov Yriy Aleksandrovich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor (St. Petersburg, Russia)

The Editorial Board

Antilogova Larisa Nikolaevna — Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

Astafiev Nikolay Veniaminovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Tyumen, Russia)

Babushkin Gennady Dmitrievich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor — **Assistant chief editor** — (Omsk, Russia)

Veklenko Vasily Vladimirovich — Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Vishnyakov Igor' Avgustovich — Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

Kil'mashkina Tatiana Nikolayevna — Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Klyemenov Mikhail Petrovich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Kotenev Igor' Olegovich — Professor, Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)

Kulikov Vladimir Borisovich — Doctor of Philosophy, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Mar'in Mikhail Ivanovich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor — Assistant chief editor (Moscow, Russia)

Myagkikh Nikolay Ivanovich — Candidate of Psychological Sciences (Moscow, Russia)

Nechepurenko Aleksey Alekseevich — Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Petrov Vyacheslav Yevgenevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate-professor (Moscow, Russia)

Sinchenko Georgiy Chongarovich — Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor (Omsk, Russia)

Sorokotyagin Igor' Nikolaevich — Honored Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Tyurin Pavel Trofimovich — Doctor of Psychology, Professor (Riga, the Republic of Latvia)

Filippenko Vladimir Ilyich — Candidate of Psychological Sciences, Associate-professor (Omsk, Russia)

Tsvetkov Vyacheslav Lazarevich — Doctor of Psychology, Professor — **Assistant chief editor** (Moscow, Russia)

Chetveryakov Dmitry Vladimirovich — Doctor of Psychology, Candidate of Medical Sciences, Professor (Omsk, Russia)

Chovdyrova Gulshat Suleymanovna — Doctor of Psychology, Doctor of Medical Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Sharov Anatoly Sergeevich — Doctor of Psychology, Professor (Omsk, Russia)

Shcherbakov Yevgeny Pavlovich — Doctor of Psychology, Professor — **Assistant editor** (Omsk, Russia)

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

УДК 159 © И. В. Гайдамашко, В. Я. Гожиков, А. Г. Караяни, 2017

Теоретические и прикладные аспекты использования психолого-педагогических технологий краудсорсинга в подготовке курсантов военного вуза

Игорь Вячеславович Гайдамашко,

член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор,
главный ученый секретарь Президиума РАО
Москва, Россия. e-mail: gaydamashko_rao@mail.ru

Василий Яковлевич Гожиков,

доктор педагогических наук, доцент, доцент Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
Москва, Россия. e-mail: gojickow.v@yandex.ru

Александр Григорьевич Караяни,

член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой психологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
Москва, Россия. e-mail: karayani@mail.ru

Российское военное образование в настоящее время активно развивается. Важнейшим условием такого развития являются поиск, привлечение и создание образовательных технологий, позволяющих достигать требуемого уровня подготовки военных специалистов. К их числу могут быть отнесены краудсорсинговые технологии, которые предполагают вовлечение обучаемых в процесс совместного педагогического творчества и превращения их в «коллективного преподавателя». «Коллективный преподаватель» способен подходить к учебной задаче с различных сторон, использовать многообразный жизненный опыт, понимать потребности обучаемых, говорить на языке, понятном аудитории. Проведенное исследование показало, что обучающиеся предпочитают такие формы учебных занятий, которые позволяют им проявлять активность, добывать и открывать знания, а не получать их в готовом виде. При этом активность становится средством саморазвития курсантов, позволяет перейти от «обучения деятельности» к «обучению деятельностью». Изучение показало, что краудсорсинговые образовательные технологии позволяют разделить ответственность за увлекательность, эмоциональную насыщенность и результативность учебного занятия между преподавателем и обучающимися. Включая участников образовательного процесса во взаимобучающее взаимодействие, краудсорсинговые технологии позволяют ускорить, облегчить, упростить процесс формирования у курсантов военного вуза знаний, навыков, умений и заданных военно-профессиональных компетенций.

Ключевые слова: краудсорсинг, курсанты военного вуза, активные методы обучения, интерактивные методы обучения, психолого-педагогические технологии.

Для цитирования: Гайдамашко И. В., Гожиков В. Я., Караяни А. Г. Теоретические и прикладные аспекты использования психолого-педагогических технологий краудсорсинга в подготовке курсантов военного вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 5–10.

Российское образование, в том числе и психологическое, активно и заинтересованно ищет источники и пути повышения эффективности образовательной деятельности [1; 2; 3; 4; 5]. Психолого-педагогические максимумы ее развития содержат определенные императивы (от школы памяти к школе мышления; от «наполнения сосуда к воспламенению факела»; от передачи знаний к управлению самообразованием; от обучения деятель-

ности к обучению деятельностью; от феноменального к опережающему образованию; от периодичности к непрерывности в образовании; от интерактивных к интра-активным технологиям и др.).

Подчеркнем, что в центре внимания всех заинтересованных субъектов высшей школы находится не только поиск путей действительного превращения обучающихся в соруководителей каждого занятия, но и максималь-

ное использование их творческого потенциала, энергии и мотивации.

В русле такого понимания источников эффективности образования нами был проведен опрос военных психологов-слушателей факультета переподготовки и повышения квалификации (n=24). Вопрос касался только одной темы: какие формы получения знаний для них являются предпочтительными? Обращение к данной выборке обусловлено тем, что указанная категория обучаемых имеет опыт университетского образования, повышения квалификации и прохождения различных семинаров, мастер-классов, курсов. Опрашиваемым был задан вопрос: какие методы получения знаний, на Ваш взгляд, являются наиболее эффективными? Предложены следующие варианты ответов (рис. 1):

- 1) передача знаний от преподавателя обучаемым в процессе лекций и практических занятий;
- 2) получение знаний в процессе самостоятельной работы с литературой;
- 3) получение знаний в процессе взаимодействия с коллегами;
- 4) самостоятельное добывание знаний в процессе проводящихся на занятиях обучающих игр, моделирующих задачи профессиональной деятельности.

Опрашиваемые ранжировали перечисленные варианты по убыванию их приоритетности от 1 (как наиболее эффективный) до 4 (как наименее эффективный). Оценка полученных результатов производилась по следующей шкале: первое место в рейтинге оценивалось в 4 балла, второе — 3, третье — 2, четвертое — 1 балл (рис.).

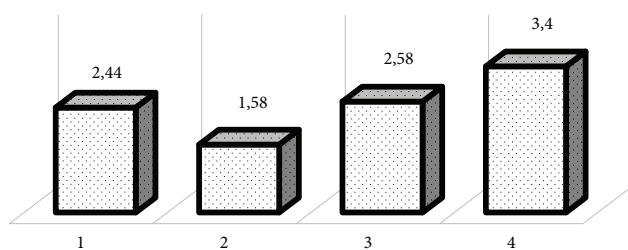

Рис. Оценка обучающимися эффективности предложенных форм получения знаний

Как видно из рис., обучающиеся отдают предпочтение таким формам получения знаний, в которых сочетаются традиционные формы занятий и взаимообучающее общение, где они являются не пассивными потребителями знаний, а активно добывающими, отбирающими, усваивающими их, т. е. те, которые интегрируют интер- и интраактивные технологии.

В этом отношении определенный потенциал эффективности психологического образования содержится, по нашему мнению, в набирающем популярность краудсорсинговом подходе к организации различных видов деятельности.

Краудсорсинг (англ. *crowdsourcing*) может быть определен как способ организации деятельности, при котором организаторы делегируют свои функции ее добровольным участникам в целях привлечения максимально широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта в интересах достижения целей деятельности.

Использование психолого-педагогических технологий краудсорсинга (далее — ППТК) в процессе профессиональной подготовки курсантов (будущих военных психологов) позволяет достичь ряд положительных эффектов. Так, вместо одного организатора и ведущего занятий (преподавателя) появляется несколько соорганизаторов, которые отличаются мироощущением, видением обсуждаемой проблемы, многообразием жизненного опыта. Среди обучающихся есть люди талантливые, творческие, способные придать любому занятию уникальную энергетику. Иначе говоря, в данном случае появляется «коллективный преподаватель». Он способен говорить на языке молодежи без переводчиков, обращаться именно к тем проблемам, рассматриваемым на занятиях, которые интересны обучающимся. Другими словами, вовлеченные в организацию занятий обучающиеся способны переводить высокий стиль учебного занятия на язык, понятный и приятный им.

В контексте такого подхода в первую очередь речь идет о развитии личности обучающегося, а затем — о приобретении им конкретных знаний. Это согласуется с методологическим положением Д. Н. Узнадзе, раскрывающим сущность активного социально-психологического обучения: «Активность, возникающая в процессе учения, имеет не только значение средства, но и свою независимую ценность; основное место в учении занимает не продукт, представляемый... в качестве конкретного навыка или знания конкретного содержания, а развитие в определенном направлении сил учащегося. Основное в учении — не конкретный навык или знание, а развитие сил, участвующих в процессе учения...» [6, с. 359]. Идеей развития личности в качестве приоритетной задачи государственной политики пронизано Послание Президента России Федеральному Собранию 2016 г.¹ Эта идея является одной из центральных Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»².

Отметим, что знание (информация), попадающее посредством интериоризации в поле действия потребностей и жизненных устремлений будущего офицера, представляет собой определенный уровень ценности для становления и развития его личности, а привнесение в процесс занятий духа соревновательности между группами соорганизаторов занятия позволяет создать на занятиях благоприятный эмоциональный фон и усилить интерес к изучаемым проблемам [7].

Анализ научной литературы показывает, что реализация ППТК имеет многосторонние предпосылки: в психолого-педагогическом плане — положение о субъектно-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 01.06.2017).

² Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.06.2017).

субъектном отношении учителя и ученика, об активности обучаемого, о развитии личности курсанта (слушателя) в высшей военной школе; в общепсихологическом — теория деятельности А. Н. Леонтьева, личностно-деятельностного опосредствования, теория развития высших психических функций, теория учебной деятельности.

Императивность ППТК детерминируется тем обстоятельством, что в современных условиях (при переходе от информационно-объяснительного обучения к деятельному, развивающему) подготовка офицеров не может быть сведена ни к чистому обучению, ни к чистому воспитанию, ни к сумме того и другого, а предполагает совершенно особый интегративный механизм всех компонентов образовательного процесса. Важными становятся не только усвоенные в военном вузе знания, но и способы усвоения, мышления и учебной деятельности, развитие познавательных сил и творческого потенциала. Этого можно добиться только при условии инновационных подходов в обучении, раскрепощения и разрушения искусственных барьеров между преподавателями и обучающимися [8].

Следовательно, ППТК способствуют развитию не только чувства компетентности и аффилиации (принадлежности к курсантской группе, военному университету, Вооруженным Силам России) как компонентов собственного достоинства, но в значительной мере чувства уверенности в себе как предпосылки самоактуализации.

Такое поведение курсантов в значительной степени зависит от относительно четких имплицитных правил, определяемых базовыми координатами психолого-педагогической культуры преподавателя. Речь идет и о его синтонической модели общения с будущими офицерами, об умении ощущать и поддерживать обратную связь в общении, о способности не только к педагогической импровизации, но и к применению всего разнообразия средств воздействия, в числе которых убеждение, внушение, заражение, одобрение, совет, юмор, доверие, пожелание и пр.

Отметим, что ППТК выступают механизмом формирования мышления (а не эксплуатации памяти), строятся на единстве эмпирического и теоретического познания, что предполагает переход от типичной для традиционного обучения схемы «услышал — запомнил — пересказал» к схеме «познал путем поиска вместе с преподавателями и товарищами по курсантской группе — осмыслил — запомнил — способен оформить свою мысль словами — сумею применить полученные знания в войсковой практике». Поэтому ППТК создают актуальные ситуации интернализации новых форм, правил, способов и средств военно-профессионально-коммуникативной деятельности, т. е. развитие не только профессиональной компетентности, но и личности офицера в целом.

Это означает, что проблема ППТК с позиций курсанта в дополнение к ППТК с позиций педагога ставит перед образовательным процессом в военном вузе ряд проблем: изменение распространенной позиции преподавателя-информатора, источника знаний, контролера на позиции фасилитатора (модератора, тьютора); снятие барьеров, затрудняющих педагогическое общение, и т. д.

Подчеркнем, что ППТК являются источником формирования и развития рефлексивной культуры курсанта, в основе которой стоят технологии производства собственных мыслей — мыслетехника и мыследеятельность (развивающие мыслетехнические и коммуникативные способности). Рефлексивная культура будущего офицера является систематизирующим компонентом его военно-профессиональной деятельности, основным путем самоорганизующегося развития и противодействия депрофессионализации в условиях нарастания инноваций.

В связи с этим ППТК, предполагая организацию самого процесса обучения как организацию (и управление) учебной деятельностью курсантов, означают переориентацию этого процесса на постановку и решение курсантами конкретных учебных задач (познавательных, исследовательских, преобразующих, проективных и т. д.). Естественно, педагогу предстоит определить номенклатуру учебных задач и действий, их иерархию, форму предъявления и организовать выполнение этих действий.

Для педагога, реализующего ППТК, основным и первостепенным вопросом является формирование не только коммуникативной и учебно-познавательной потребности курсантов в общении с ним, но и их собственной учебной потребности в выработке обобщенных способов и приемов учебной деятельности, в овладении компетенциями в соответствии с требованиями ФГОС ВПО.

Основные функции ППТК (при оптимальном психолого-педагогическом общении):

— *конструктивно-организационная* — (психолого-педагогическое взаимодействие при проектировании и обсуждении содержания занятий в формате краудсорсинга: что должны узнать, понять курсанты на занятии, чему научиться, какие ноу-хау будут применены для достижения целей занятия, какова общая и персональная ответственность за успех; экспресс-диагностика готовности курсантов к диалогическому общению и др.;

— *коммуникативно-стимулирующая* — сочетание индивидуальной, групповой, фронтальной форм учебно-познавательной деятельности, взаимопомощь, сотрудничество и др.;

— *информационно-обучающая* — раскрытие с опорой на наглядно-чувственную сферу содержания темы занятий, ее места в учебной дисциплине, в общей подготовке будущего офицера к служебной деятельности в войсках;

— *эмоционально-корректирующая* — реализация в процессе обучения принципов «открытых перспектив», «победного» обучения, доверительного общения и др.;

— *контрольно-оценочная* — организация взаимоконтроля, совместное подведение итогов, самоконтроль и самооценка.

Ярким примером реализации такой технологии может служить методическая схема проведения семинарского занятия по теме «Психологические особенности характера» старшим преподавателем кафедры психологии Военного университета Л. П. Казаковой. Семинар проводится в форме интерактивной дидактической игры — интеллектуального состязания «Битва характеров».

При реализации ППТК в ходе групповых и индивидуальных консультаций курсантам, помимо обычного задания, выдается план проведения конкурса, содержащий общие требования по техническому обеспечению занятия, по разделению группы на три команды, выбору капитанов, названий и девизов команд. Делегирование курсантам таких полномочий позволяет достичь того, что они относятся к подготовке к семинару как к проекту, при выполнении которого группа самостоятельно распределяет функции и решает поставленные задачи. Разделение обучаемых на команды способствует использованию групповых форм работы на занятии. Для проведения соревнования создается игровое пространство из трех «круглых столов».

В работе на таком занятии используются следующие средства обучения: учебники, конспекты лекций, дополнительные учебные материалы (статьи из научных периодических изданий, материалы Интернета, мультимедийное оборудование для демонстрации презентаций и видеоматериалов). Задания оформляются в виде билетов, которые команды выбирают по жребию.

Состязание включает несколько раундов: «Знакомство», «Разминка», «Домашнее задание», «Конкурс капитанов», «Творческий конкурс», подведение итогов и награждение победителей.

В процессе курсанты становятся активными соучастниками занятия. Они в живой игровой форме добывают знания, презентуют, оценивают и корректируют их. В результате они повторяют, проясняют и закрепляют ряд важных учебных вопросов темы: различные концепции характера; связи между характером и другими психологическими свойствами, состояниями, процессами; соотношение темперамента и характера; связь характера и отношений; метафоры, проясняющие соотношение личности и характера, используемые в психологии; взаимосвязь характера человека и его телесных характеристик.

На одном из этапов занятия оно приобретает форму семинара-исследования, курсанты становятся исследователями, которые пытаются дать ответы на вопросы дискуссии. На другом этапе занятие ведется в форме психологического практикума, когда курсанты составляют (по предложенной схеме) характерологические портреты героев видеофильмов (по предложенным видеофрагментам).

Для повышения творческой активности обучающихся предусматривается эвристическая система оценок и наград. По итогам раундов команды награждаются медалями «Железный характер» (за набранный 1 балл), «Стальной характер» (за 2 балла), «Золотой характер» (за 3 балла). Кроме того, обучающиеся награждались знаком «Талант» за творческое отношение к учебной задаче, выход за рамки формальных требований, развитие идеи, вклад в общий фонд знаний группы, взаимопомощь. Подобное распределение наград должно было подчеркнуть, что для продвижения в обучении требуются различные учебно-важные качества (черты характера, интеллект, креативность), а также то, что при достижении цели можно успешно пользоваться различными стратегиями.

Соревновательный характер занятия, система наград и оценок позволяют включать каждого обучающе-

гося в активную работу, максимально раскрывать и задействовать его знания и опыт, побуждать его выходить за рамки требований преподавателя.

Другим примером использования ППТК является практическое занятие по методу «Шесть шляп мышления» [9]. Метод позволяет всем участникам занятия активно влиять на ход решения учебных задач, входя в один из шести режимов мышления, который символически «включается» при надевании шляпы одного из шести цветов. При этом роль преподавателя состоит в том, чтобы познакомить обучающихся с обсуждаемым методом, а затем выдвигать перед ними конкретные задачи, стоящие перед учебным занятием.

Успешная реализация технологий краудсорсинга возможна при соблюдении ряда психолого-педагогических условий, в числе которых:

— предварительная экспресс-диагностика готовности курсантов к диалогическому общению, их базовых знаний по учебной дисциплине, коммуникативного опыта, установки на восприятие различных точек зрения по содержанию изучаемой темы и др.;

— поиск опорных мотивов, т. е. тех волнующих вопросов и проблем, благодаря которым может эффективно формироваться собственный смысл изучаемого материала для каждого курсанта;

— переработка учебного материала в систему проблемно-конфликтных вопросов и задач, что предполагает намеренное обострение ситуаций полилога на занятии;

— продумывание различных вариантов развития сюжетных линий краудсорсинга, проектирование способов взаимодействия участников дискуссии, их возможных ролей;

— гипотетическое выявление зон импровизации, т. е. таких ситуаций реализации ППТК, которые трудно

Таблица 1. Результаты экспертной оценки основных характеристик обучаемости и активности курсантов, положительно отражающихся на реализации ППТК

Основные характеристики обучаемости и активности курсантов, положительно отражающиеся на реализации ППТК	Доля числа респондентов, %
Сильная и устойчивая мотивация, желание стать личностью, воспитанной на лучших офицерских традициях, обладающей подготовленностью и качествами, уважаемыми в армейском коллективе	31
Стремление учиться с полной самоотдачей, трудолюбиво и упорно; быть достойным членом курсантского коллектива, бескорыстно помогать товарищам, испытывающим трудности; уважать преподавателей	27
Чувство порядочности, воинского долга и ответственности за результаты своей военно-профессиональной подготовки	25
Умение строить курсантскую жизнь, отдавая приоритет учению, извлекая из каждого занятия все, что способствует успеху в служебной деятельности	12
Другие	5

заранее предусмотреть и которые возникают, как правило, только в режиме он-лайн, и т. п.

В ходе исследования мы выяснили мнения экспертов (n = 19) об основных характеристиках обучаемости и активности курсантов, положительно отражающихся на реализации ППТК и других интерактивных технологиях обучения курсантов (табл. 1).

Не менее интересны данные о доминантных негативных условиях, препятствующих процессу активности обучающихся (табл. 2).

Таблица 2. Результаты экспертной оценки доминантных негативных условий, препятствующих реализации ППТК в военном вузе

Доминантные негативные условия, препятствующие реализации ППТК в военном вузе	Доля числа респондентов, %
Вариативность способностей курсантов (низкие когнитивные и другие потенциалы)	39
Личностный диссонанс из-за «несовпадения» требований, предъявляемых к курсантам в военном вузе, и сформировавшихся взглядов, убеждений, нравственно-этических качеств обучающегося	30
Узкая профессионализация (консолидация сил только на профессиональном направлении)	19
Инъектирование в процесс обучения и воспитания курсантов негативных компонентов современного социума (рыночное сознание и т. п.)	5
Другие	7

Перечисленные параметры позволяют констатировать, что, с одной стороны, ППТК дидактически построены как в логике теоретического мышления (ведущая роль теоретических содержательных обобщений, дедукция, содержательная рефлексия и т. д.), осуществляются как целенаправленная учебная деятельность, в которой курсант сознательно ставит личностные цели и задачи самозменения и творчески их достигает. С другой стороны, ППТК имеют выраженный прикладной характер.

При реализации ППТК следует учитывать, что каждый курсант обладает индивидуальными, личностными и деятельностными особенностями (индивидуальнотипологическими предпосылками); особенностями интеллектуальной деятельности и когнитивного стиля, уровня притязаний и самооценки; особенностями работоспособности, выполнения деятельности (планируемость, организация, точность и т. д.).

Опыт проведения занятий в краудсорсинговой парадигме показывает, что она может быть использована как эффективный интерактивный метод организации групповых (практических и семинарских) занятий с будущими психологами. В ходе ее реализации можно сочетать различные методы и приемы учебной работы, активизирующие обучаемых, способствующие углублению знаний, формированию способностей и личностных качеств обучаемых. Преподаватель имеет возможность добиться вовлечения всех обучающихся в работу, выделить интеллектуальных лидеров, способных организаторов. Игровые формы рабо-

ты, составляющие значительную часть краудсорсинговых технологий, способствуют проявлению здоровой конкуренции и сплочению группы.

Грамотное использование ППТК позволяет быстрее достичь поставленных целей, среди которых: углубление знаний о психологических явлениях; развитие у обучающихся познавательного интереса, мотивации учебной деятельности, рефлексии собственной индивидуальности; развитие способности восприятия и понимания человека, его творческих способностей, интеллекта; формирование товарищеских отношений в группе, лидерских качеств [10, с. 127].

Наше исследование показало, что качество реализации ППТК динамично, при этом всегда направлено на постоянное совершенствование, что позволяет курсантам погрузиться в офицерскую профессию, расширить кругозор, стремиться к новому, к саморефлексии военно-профессионального и индивидуального (образ Я; Я в настоящем; Я — будущий российский офицер) и др. [11].

В первую очередь речь идет о том, чтобы через собственную субъектную активность в образовательном процессе военного вуза будущий офицер обретал индивидуальность, развивал интеллект, познавал социальные и общечеловеческие ценности, вырабатывал способность к продуктивной деятельности в военно-профессиональной сфере [12; 13].

Психолого-педагогические технологии краудсорсинга находятся в континууме интерактивных форм обучения — совокупности методов и средств обучения и/или траекторий их применения, в которых знания и опыт не транслируются от педагога к обучаемым, а добываются в ходе взаимообучающего взаимодействия участников образовательного процесса, что позволяет ускорить, облегчить, упростить процесс формирования у курсантов военного вуза знаний, навыков, умений и заданных военно-профессиональных компетенций.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Плоды и плевелы просвещения // Александр Асмолов — о ценности знания и идеальном ЕГЭ. URL: http://www.firo.ru/?page_id=3112 (дата обращения: 23.05.2017).
2. Зинченко Ю. П. Проблемы психологического образования и науки // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 90–92.
3. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Психологическое образование на рубеже веков // Мир образования — образование в мире. 2014. № 3. С. 55–66.
4. Давыдов Н. А., Караяни А. Г., Поляков С. П. Современная подготовка психологов: бакалавров, специалистов и магистров в вузах России : монография. М., 2015. 208 с.
5. Кринчик Е. П. Научно-методическая рефлексия актуального образовательного процесса в отдельном вузе — ответ на вопросы: «Тому ли мы учим?» и «Так ли мы учим?» URL: <http://istina.msu.ru/conferences/presentations/5262551/> (дата обращения: 08.02.2017).
6. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. 441 с.
7. Белоусов А. В., Караяни А. Г. Методика формирования у слушателей и курсантов профессиональных умений и навыков на практическом занятии // Инновации в образовании. 2006. № 2. С. 127–134.

8. Гайдамашко И. В., Жемерикина Ю. И., Пугачева Е. В. Качество гуманитарного образования в современной России // Перспективы развития науки и образования : сб. науч. тр. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. : в 8 ч. М., 2015. С. 98–100.

9. Боно Э. Шесть шляп мышления / пер. с англ. Минск, 2006. 208 с.

10. Караяни А. Г., Цветков В. Л. Психология общения и переговоров в экстремальных условиях. М., 2014. 248 с.

11. Алехин И. А., Караяни А. Г. Проектирование технологии подготовки кадров в системе военно-профессионального

образования // Мир образования — образование в мире. 2012. № 2. С. 146–152.

12. Алехин И. А., Караяни А. Г., Гожиков В. Я. Инновационные ресурсы формирования компетенций курсантов военных вузов: психолого-дидактический контекст // Мир образования — образование в мире. 2015. № 3. С. 179–188.

13. Караяни А. Г., Гожиков В. Я., Сыромятников И. В. Психолого-педагогические факторы качественной реализации в военных вузах инновационных форм обучения курсантов // Инновации в образовании. 2015. № 8. С. 94–107.

Theoretical and Applied Aspects of Using Psycho-Pedagogical Technologies of «Crowdsourcing» in Higher Military School Cadets' Training

Gaidamashko Igor V.,

corresponding member of the Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor, chief scientific secretary of the presidium of the Russian Academy of Education
Moscow, Russia. e-mail: gaidamashko_rao@mail.ru

Gozhikov Vasily Ya.,

Doctor of Pedagogy, Associate-Professor, Associate-Professor, the Military University of the Russian Defence Ministry
Moscow, Russia. e-mail: gojickow.v@yandex.ru

Karayani Aleksandr G.,

the corresponding member of the Russian Academy of Education, the Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Psychology, Professor, head of the Department of Psychology, the Military University of the Russian Defence Ministry
Moscow, Russia. e-mail: karayani@mail.ru

The Russian military education undergoes development. The major condition of such development is search, employment and creation of the educational technologies allowing to achieve the required level of training military specialists. Such technologies can include crowdsourcing technologies. Crowdsourcing technologies assume cadets' involvement into the process of joint pedagogical creativity and their transformation into «a collective teacher». A «collective teacher» is distinguished by the capability to approach an educational problem from various perspectives, use diverse life experience, understand the trainees' requirements and speak the language comprehensible to learners. The conducted research proves that learners prefer such forms of the lessons where they can be more active, «extract» and «discover» knowledge rather than get it ready-made. The cadets' active role becomes the means of their self-development and ensures the transition from «learning activity» to «learning through activity». The study shows that crowdsourcing learning technologies allow dividing responsibility for the interest, emotional fulfillment and productivity of the lesson between the teacher and learners. By engaging participants of the learning process into a mutual learning interaction crowdsourcing technologies can increase and simplify the formation of military cadets' knowledge, skills and abilities as well as the tackled professional military competences.

Keywords: crowdsourcing, higher military school cadets, active learning methods, interactive learning methods, psycho-pedagogical technologies.

Citation: Gaidamashko I. V., Gozhikov V. Ya., Karayani A. G. Theoretical and Applied Aspects of Using Psycho-Pedagogical Technologies of «Crowdsourcing» in Higher Military School Cadets' Training. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70). 2017. P. 5–10.

Эмоционально-волевая регуляция как условие обеспечения надежности деятельности сотрудников ОВД

Наталья Андреевна Гончарова,

кандидат психологических наук, доцент, доцент Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия. e-mail: goncharova_n@bk.ru

Ольга Александровна Жидкова,

преподаватель Санкт-Петербургского университета МВД России
Санкт-Петербург, Россия. e-mail: olgingi@yandex.ru

Эмоционально-волевая регуляция является одной из ведущих в системе компетенций, определяющих профессиональную надежность сотрудников органов внутренних дел, представляет собой совокупность способностей к переработке эмоциогенных воздействий, характерных для правоохранительной деятельности. Объективные показатели нарушения надежности выражены в психофизиологических изменениях отражательных и моторных функций, в снижении самоконтроля эмоциональных состояний и в нарастании количества неконтролируемых ошибок и срывов в деятельности. Субъективные показатели представляют собой не только совокупность нарушений когнитивной оценки опасной или напряженной ситуации, но и отсутствие способностей к волевому усилию для осуществления регуляции, а также недостаток развития необходимых навыков эмоционально-волевой саморегуляции. Способности к эмоционально-волевой саморегуляции являются частью единого интегративного механизма психической регуляции деятельности субъекта. Их непрерывное развитие позволяет избежать ошибок в перцептивной оценке эмоциональных состояний, в оценке степени опасности внешних средовых влияний и поддерживать релевантное психическое отражение эмоциогенных ситуаций. В обеспечении надежности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел развитие ее эмоциональной составляющей должно стать одним из ведущих направлений, позволяющих поддерживать непрерывное становление способностей и интеллектуально использовать перцептивную и когнитивную информацию аффективного содержания в решении внутриличностных проблем и оперативных задач.

Ключевые слова: эмоционально-волевая регуляция, надежность деятельности, эмоциональный интеллект, профессиональные компетенции, эмоциональная надежность, волевые процессы, психическая регуляция.

Для цитирования: Гончарова Н. А., Жидкова О. А. Эмоционально-волевая регуляция как условие обеспечения надежности деятельности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 11–15.

Эмоционально-волевая регуляция относится к сфере компетенций, обеспечивающих способность сотрудника полиции осознанно, адекватно и стабильно действовать в условиях повышенной психической напряженности. Вся специфика правоохранительной деятельности требует от ее субъектов способностей, необходимых для сохранения эмоциональной устойчивости, сознательного самоконтроля, волевого управления. Речь идет о компетенциях высшего уровня, выраженных в способности субъектов обеспечить минимизацию негативного воздействия нестандартных и экстремальных условий среды на собственные психические состояния, позволяющих оптимально решать эмоциональные конфликтные задачи [1]. Современные практические исследования показывают, что характеристика эмоциональных состояний сотрудников органов внутренних дел лежит в плоскости отрицательных значений. Это проявляется в нарушении саморегуляции, агрессивном поведении, избегании инициативных действий, в неспособности к обработке эмоциональной информации в процессе переживания психотравмирующих ситуаций, в профессиональных деформациях личности, нарушении надежности.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел подчинена специфичным требованиям к эмоционально-волевой сфере личности, что является необходимым условием обеспечения надежности при экстремальном характере деятельности, в ситуациях дефицита времени, угрозы жизни, недостаточности отдыха, интенсивности

выполняемых обязанностей. Существенную роль в повышении эмоциональной напряженности труда играет строгая регламентированность профессиональных действий, не всегда предсказуемый аспект деятельности, связанный со сложными ситуациями взаимодействия с лицами различного психологического и социального типа, а также расследование преступлений в условиях информационного и психологического стресса. Напряженность деятельности проявляется и в области коммуникативных отношений с объектом труда, которые характеризуются конфликтностью, борьбой, противостоянием, негативным влиянием на эмоциональную, нравственную и ценностную сферы личности.

В связи с этим неизбежны ошибки, детерминирующие снижение показателей надежности в функционировании психики. Психологический механизм запуска ошибки в эмоциональном реагировании связан с нарушением афферентно-эфферентного синтеза. Эмоциональный ответ на опасное воздействие не успевает подвергнуться осмыслению, предоставляя психике право аварийного разрешения ситуации при помощи произвольных, аффективно-регулятивных процессов. Ошибки в эмоциональном реагировании проявляются в виде неправильных действий, в принятии неадекватных решений, срывах в деятельности, что в целом снижает уровень надежности субъекта. Именно ошибка выступает в качестве главного элемента нарушения надежности эмоциональной сферы личности. По данному

поводу Г. С. Никифоров отмечает, что «ошибки — наиболее характерная форма проявления ненадежности», они представляют собой «нарушения (неправильные действия) в выполнении предписанного ритма деятельности» [2, с. 18].

В анализе ошибочных действий, нарушающих надежность субъекта деятельности, исследователи придерживаются точки зрения, которая была предложена Д. Мейстером и Дж. Рабидо. Рассматривая возможные варианты возникновения ошибок, они отмечают, что таковые могут быть выражены в особом спектре психических явлений [3].

Во-первых, субъект совершает нетребуемые действия.

Во вторых, не выполняет действия, которые от него требуются.

В-третьих, выполняет действия в неверной последовательности.

В-четвертых, выполняет действия неправильно. При этом причины могут быть как организационными, связанными с системой управления и планирования, так и профессионально-психологическими, обеспечивающими самоконтроль, освоение компетенций и саморегуляцию. В эмоционально опасной ситуации ошибки проявляются в виде комплекса нарушений психической деятельности и практических действий, не позволяющих когнитивно оценить ситуацию и совершить целенаправленные волевые действия.

Обращаясь к профессионально-психологическим причинам допущения ошибок, отметим, что вопрос о прямой зависимости надежности субъекта от степени его профессиональной компетентности обсуждается в отечественной психологии давно. Данный факт в своих работах неоднократно подчеркивал В. Д. Небылицын, оценивая значимость таких показателей надежности, как «устойчивость» субъекта, «работоспособность», «выносливость», «сопротивляемость» действию отрицательной среды [4]. В правоохранительной деятельности воздействие среды часто характеризуется внезапностью, интенсивностью и экстремальностью. Поэтому такие условия не предоставляют сотруднику времени для осмысления собственного состояния, провоцируют аффект, агрессию, ошибочные действия, длительные депрессивные явления.

Исследователи в рамках обсуждения надежности нередко ссылаются на точку зрения Б. Ф. Ломова, представленную в его работе «Человек и техника» [5]. Объясняя механизмы обеспечения надежности, он обращает внимание не только на возможности психической регуляции, но и на необходимость сознательной регуляции трудовых действий. При этом высокую надежность человеческого мозга он предлагает искать в специфике его отражательных и регулятивных функций. Именно механизмы психической регуляции определяются Б. Ф. Ломовым в качестве основного «ядра проблемы надежности» [5, с. 407]. В соответствии с такой постановкой вопроса надежность эмоциональных состояний обеспечивается, с одной стороны, регулятивными механизмами психики, с другой — компетентностью, выраженной в способности к эмоционально-волевой саморегуляции. Это позволяет

субъекту когнитивно оценить эмоциональные сигналы и создать волевое усилие, направленное на конструктивное преодоление отрицательной среды.

Интеграция классических воззрений на проблему надежности показывает, что ее обеспечение в сфере деятельности сотрудников органов внутренних дел должно производиться по нескольким направлениям. Одним из ведущих выступает комплекс задач в области формирования необходимых профессионально-психологических компетенций, позволяющих понимать собственные эмоциональные состояния и особенности переживания эмоций другими людьми. Кроме того, сотрудник органов внутренних дел должен знать о качественных характеристиках собственных эмоциональных состояний. По мнению А. Ф. Караваева, эти знания касаются и понимания субъектом «интенсивности воздействующего фактора» [6, с. 57]. Это сложное когнитивное действие, требующее навыков самооценки и самоконтроля. Второе направление включает задачи развития компетенций в сфере знаний комплекса мер самопомощи, формирования умений и навыков эмоционально-волевой саморегуляции и эмоциональной поддержки. Актуальные исследования свидетельствуют, что именно этот уровень формирования компетенций требует пристального внимания. Так, В. М. Крук обращает внимание на значимость «системно-ситуативного анализа» со стороны психологов правоохранительных органов, поскольку подавляющее большинство сотрудников не обладает способностями к регуляции собственных эмоциональных состояний, а часто проявляя к этому откровенный нигилизм, выбирая непродуктивные способы преодоления трудных жизненных ситуаций [7].

Перечисленные направления развития способностей в сфере эмоционально-волевой саморегуляции согласуются с концепцией развития эмоционального интеллекта. В отличие от познавательного интеллекта, эмоциональный проявляется в более широком спектре различных моделей поведения, в том числе и в профессиональной сфере. Комплекс компетенций, связанных с эмоционально-волевой регуляцией, по аналогии с концепцией «эмоционального интеллекта», предложенной Д. Мейером, Д. Карусо и П. Сэловеем, можно представить в виде совокупности нескольких групп способностей [8]. К первой группе относятся перцептивные способности к восприятию эмоций других людей. Это становится возможным при помощи анализа специфичных речевых, мимических, поведенческих маркеров. Существенное значение имеет формирование способности к выражению собственных эмоциональных состояний. Вторая группа представлена способностями, которые в нашей культуре практически не востребованы, так как должны обеспечить использование элемента переживания особой эмоции, которая должна быть вызвана в самом субъекте искусственно, за счет регуляции состояния и самоконтроля. Причем эту вызванную в себе эмоцию необходимо отслеживать в целях обеспечения активности когнитивной деятельности. Третья группа способностей должна обеспечить понимание эмоций, их сложность, ди-

наличность, структурность, функциональность. Четвертая группа представлена способностями, связанными непосредственно с эмоционально-волевой саморегуляцией. Речь идет об умениях управлять собственными эмоциями и чувствами при помощи механизмов самоконтроля, тормозных волевых функций, сдержанности при возникновении негативных эмоциональных состояний.

В данном перечне предложена комплексная программа формирования способностей в сфере эмоционально-волевой саморегуляции. Практическая составляющая ее реализации заключается в том, что уже на стадии профессионального обучения возрастает продуктивность в деятельности, формируется навык позитивного мышления, снижается уровень подверженности аддикциям, улучшается психологический климат в коллективе, возрастает коммуникативная компетентность, способность к сопротивлению и сохранению психического здоровья.

Эмоционально значимые условия деятельности требуют внутренней активности субъекта, направленной на согласование эмоциональных и мыслительных процессов, что предложено в модели эмоционального интеллекта Д. Гоулмена [9]. В анализе структуры интеллекта им отмечается значимость способности к распознаванию и пониманию собственных эмоций и эмоциональных состояний других людей. Особое значение придается умениям, необходимым для управления эмоциями. Регуляция эмоциональных состояний на основе знаний выступает в качестве необходимого условия при достижении личностных целей. Принципиально важным в данном подходе является взаимодействие когнитивной и эмоциональной составляющих, а в критической ситуации мышление занимает подчиненную позицию. Это наиболее ярко проявляется в трудных жизненных обстоятельствах, в экстремальной ситуации, когда активность эмоциональных центров доминирует над процессами принятия сознательных решений, подчиняя их своему влиянию. Для правоохранительной деятельности значимым является положение теории Д. Гоулмена, касающееся самоконтроля, самоуправления и саморегуляции в эмоционально трудных ситуациях, при которых когнитивные и эмоциональные феномены действуют согласованно, выполняя адаптивные функции.

Согласованность эмоциональных и когнитивных элементов психики предполагает высокий уровень осознанности собственных состояний и последующую регулятивную деятельность, обеспечивающую волевой выбор соответствующей стратегии поведения. Данный факт подтвержден в исследованиях А. В. Карпова, в которых установлено, что испытуемые с высоким уровнем эмоционального интеллекта «предпочитают не использовать деструктивные, асоциальные стратегии» [10, с. 308]. Результаты исследования эмоционального интеллекта руководителей показали, чем выше уровень развития личности, тем «более продуктивные модели совладания выбирает руководитель» [10, с. 311].

Следовательно, компетентность в области эмоциональной регуляции определяет надежность поведения личности в профессионально значимых ситуациях.

Наоборот, отсутствие способностей к распознаванию эмоций, недостаток умений управлять ими детерминирует нарастание напряженности, стресса и непродуктивных действий. Это было обосновано и в исследованиях И. Ю. Кобозева, где достоверно установлено, что высокая интенсивность профессионального стресса руководителей-сотрудников органов внутренних дел сопровождается выбором дезадаптивных стратегий его преодоления [11]. В качестве основных в деятельности респондентов выступают стратегии защитного поведения в трудных жизненных обстоятельствах. В стрессовых ситуациях отражение эмоциогенного воздействия сопровождается непроизвольной саморегуляцией, детерминированной природными функциями организма, но это не опосредовано сознательными, когнитивными и волевыми действиями субъекта. При таких способах реагирования надежность эмоциональных состояний остается неустойчивой, а потому может быть обеспечена только развитыми умениями и соответствующими компетенциями в сфере эмоционально-волевой саморегуляции.

Элементы мышления и воли в процессе сознательной саморегуляции выполняют важную контролирующую функцию, которой Е. П. Ильин отводил значимое место в анализе психических механизмов воли [12]. Иначе говоря, эмоциональная регуляция — бессознательная функция психики. И только в совокупности с механизмами воли и мышления психические эмоциональные процессы могут контролироваться, самоорганизовываться, управляться и регулироваться. Эмоциональные реакции представляют собой врожденные формы реагирования, необходимые для адаптации в агрессивной природной среде. Волевые процессы, по мнению Е. П. Ильина, формируются прижизненно, в ходе целенаправленного воспитания [12, с. 71]. В данном случае следует подчеркнуть факт когнитивного принятия решения в ситуациях, требующих эмоционально-волевой регуляции. Эмоция является непроизвольным сигналом, который изначально не зависит от воли человека, но может выполнять информационную и оценочную функцию, необходимую для дальнейшей когнитивной оценки внешних и внутренних условий. В связи с этим волевое управление эмоциями в ситуациях, связанных с напряженностью, является одним из важнейших навыков, который необходимо формировать в целях предотвращения ошибок и срывов в деятельности. В реальных условиях решения оперативных задач скорость эмоциональных реакций индивида опережает возможности когнитивного осмысления ситуации и подчинения действий волевым решениям. Происходит разрыв между эмоциональным реагированием и волевой регуляцией, который детерминирован отсутствием у субъекта соответствующих навыков эмоционально-волевой саморегуляции. Этому аспекту в научных исследованиях уделяется внимание только в рамках формирования стрессоустойчивого поведения. Поэтому актуализируются вопросы непрерывного формирования компетенций в сфере эмоционально-волевой саморегуляции, обеспечивающих возможность подчинить сознательному волевому контролю непроизвольные эмоцио-

нальные проявления и сохранить потенциал надежности в деятельности.

В целом формирование способностей в сфере эмоционально-волевой саморегуляции представляет собой одно из важных направлений обеспечения надежности субъекта труда в правоохранительной деятельности. Однако исследования в данной области представлены, как правило, разработками, в которых внимание концентрируется либо на эмоциональных феноменах, либо на волевых процессах. При этом дискретность их теоретического изучения и практической реализации выступает фактором, детерминирующим негативное отношение к проблеме эмоционально-волевой регуляции сотрудников органов внутренних дел и, соответственно, риски надежности. Обеспечение надежности эмоциональной сферы личности должно представлять собой систему, при которой происходит «постоянное побуждение сотрудника к ответственному принятию мер по устранению имеющихся рисков собственными силами или/и посредством квалифицированной помощи» [13, с. 107]. Развитие способностей в сфере эмоционально-волевой саморегуляции является значимым направлением общего непрерывного развития профессионала, которое, по мнению Ю. А. Шаранова, В. Н. Устюжанина и А. В. Шахматова, выступает в качестве непрерывного транзита, обеспечивающего динамику субъектных свойств, соответствие нормативному уровню профессиональных требований и опережающее развитие [14].

Таким образом, краткий обзор проблемы эмоционально-волевой регуляции, ее роли в обеспечении надежности позволяет сделать некоторые выводы:

1. Нарушение надежности субъекта правоохранительной деятельности часто происходит по причине отсутствия необходимых профессиональных компетенций в сфере эмоционально-волевой саморегуляции. Негативные последствия этого выражены в допущении ошибок и срывов в деятельности, которые сказываются на ее эффективности, производительности, выражается в снижении показателей, нарушении прав личности граждан, профессиональных деформациях, гибели людей и формировании в обществе негативного образа сотрудника.

2. Способности, относящиеся к сфере саморегуляции, представлены не только умениями распознавания эмоциональных состояний, эмоциональных выражений по различным поведенческим характеристикам, но и навыками как управления эмоциями в перцептивно-когнитивной деятельности, так и понимания сложно сочетаемых эмоциональных проявлений, использования полученной информации эмоционального содержания для достижения эффективности, производительности и надежности.

3. Формирование способностей к эмоционально-волевой саморегуляции затрагивает нейрофизиологические структуры психики, которые являются устойчивыми функциональными образованиями. Возможности динамики определенных функций, составляющих эмоциональную компетентность, должны быть реализованы уже в процессе профессиональной подготовки. Развитие способности к эмоционально-волевой саморегуляции

будет не только создавать условия надежности в профессиональном взаимодействии, но и определять благополучие и здоровье личности во всех остальных условиях жизнедеятельности.

4. Формирование профессиональных компетенций в сфере эмоционально-волевой регуляции предстает интегральным комплексом, представленным совокупностью явлений внутренней мотивации и готовности к самоанализу и рефлексии, способностями к осознанной самооценке и самоконтролю, стремлением выйти за рамки специфической профессиональной деятельности в освоении психологических знаний и умений.

5. Эффективность развития навыков эмоционально-волевой саморегуляции сотрудников органов внутренних дел проявляется при условии осознаваемых и произвольно контролируемых субъектом эмоциональных состояний, при осуществлении рефлексии, преодолении когнитивной ограниченности и систематической и непрерывной тренировке значимых для обеспечения надежности деятельности функций.

Список литературы

1. Ходова Е. А., Гончарова Н. А. Прогноз успешности деятельности руководителей вневедомственной охраны различного уровня на основе технологии оценки профессиональных компетенций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2(70). С. 199–202.
2. Никифоров Г. С. Надежность профессиональной деятельности. СПб., 1996. 176 с.
3. Мейстер Д., Рабидо Дж. Инженерно-психологическая оценка при разработке систем управления. М., 1970. 344 с.
4. Небылицын В. Д. К изучению надежности работы человека-оператора в автоматизированных системах // Вопросы психологии. 1961. № 6. С. 9–18.
5. Ломов Б. Ф. Человек и техника: Очерки инженерной психологии. М., 2012. 464 с.
6. Караваев А. Ф., Караваева Т. А. Эмоциональные состояния сотрудников и методы их коррекции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 1(36). С. 54–57.
7. Крук В. М., Федотов А. Ю. Системно-ситуативный анализ в практической деятельности должностных лиц психологической службы: учеб.-метод. пособие. М., 2016. 120 с.
8. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. Models of Emotional Intelligence In R. J. Sternberg. Handbook of Human Intelligence. New York, 2000. P. 396–420.
9. Гоулмен Д., Болицис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / пер. с англ. А. Лисицыной. М., 2005. 301 с.
10. Карнов А. В., Петровская А. С. Психология эмоционального интеллекта: теория, диагностика, практика: монография. Ярославль, 2008. 344 с.
11. Кобозев И. Ю. Профессиональный стресс руководителей органов внутренних дел и его психопрофилактика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 25 с.
12. Ильин Е. П. Психология воли. СПб., 2009. 368 с.
13. Караваев А. Ф., Крук В. М., Носс И. Н., Виноградов М. В. Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органы внутренних дел и оценки надежности сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 106–113.
14. Шаранов Ю. А., Устюжанин В. Н., Шахматов А. В. Юридическая акмеология: монография. СПб., 2016. 248 с.

Emotional and Volitional Regulation as the Condition of Ensuring Law Enforcement Officer's Professional Reliability

Goncharova Natalia A.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor (academic rank),
Associate-Professor, the Saint-Petersburg University of the Russian MIA
Saint-Petersburg, Russia. e-mail: goncharova_n@bk.ru

Zhidkova Olga A.,

lecturer at the Saint-Petersburg University of the Russian MIA
Saint-Petersburg, Russia. e-mail: olgingi@yandex.ru

Emotional and volitional regulation is a primary competence in the system of competences determining the professional reliability of a law enforcement officer and comprises a set of abilities to process emotiogenic influences typical for law enforcement activity. Objective indicators of reliability failures are manifested in psychophysiological changes of reflective and motor functions, decrease of self-control over emotional state and increase in uncontrolled mistakes and disruption in work. Subjective indicators are a set of disorders in cognitive estimate of dangerous or tense situation, lack of abilities to make a volitional effort to carry out regulation and lack of development of necessary skills in emotional and volitional self-regulation. Abilities in the sphere of emotional and volitional self-regulation are a part of a unified integrative mechanism of a psychic regulation of a subject's activity. Their continuing development allows avoiding mistakes in perceptive estimate of emotional states, estimate of danger of external environment influences and ensures the support of relevant psychic reflection of emotiogenic situations. In maintaining law enforcement officers' professional reliability development of its emotional component must become one of the priorities which will facilitate continuing development of abilities, intellectually employ perceptive and cognitive information of affective content for solution of intrapersonal problems and operative tasks.

Keywords: emotional and volitional regulation, reliability of activity, emotional intelligence, professional competences, emotional reliability, volitional processes, psychic regulation.

Citation: *Goncharova N. A., Zhidkova O. A. Emotional and Volitional Regulation as the Condition of Ensuring Law Enforcement Officer's Professional Reliability. Psychopedagogy in Law Enforcement. No. 3(70). 2017. P. 11–15.*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ, ПРАВОВОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

УДК 342.9 © М. А. Бучакова, О. А. Дизер, 2017

Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников ОВД

Марина Александровна Бучакова,

доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного
и международного права Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: bm290163@mail.ru

Олег Александрович Дизер,

кандидат юридических наук, доцент, докторант Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: dizer77@mail.ru

В процессе решения служебных задач, связанных с охраной общественного порядка и с обеспечением общественной безопасности, полицейские нередко сталкиваются не только с непосредственной угрозой жизни и здоровью, но и с фактами дискредитации их чести и достоинства, деловой репутации. С учетом имеющихся фактов дискредитации сотрудников полиции для необходимой защиты их чести и достоинства был издан ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России. Сотрудники полиции при разрешении в суде дел о защите чести и достоинства обладают равными правами с другими гражданами. Защита чести, достоинства, деловой репутации, основанная на конституционных положениях, осуществляется посредством гражданского судопроизводства. В отношении деловой репутации сотрудника органов внутренних дел она представляет собой комплексную, целенаправленную деятельность, включающую работу с личным составом, формирование положительного имиджа полицейского на основе гласности и открытости деятельности полиции, а также оказание поддержки сотруднику при обращении в суд по защите чести, достоинства и деловой репутации.

Ключевые слова: честь, достоинство, репутация, полицейский, органы внутренних дел, публичная власть, доверие населения.

Для цитирования: Бучакова М. А., Дизер О. А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 16–19.

Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы. На законодательном уровне установлены особые требования и обязанности к сотрудникам, проходящим службу в органах внутренних дел, к их личным качествам. В соответствии со ст. ст. 10 и 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти¹.

Сотрудники полиции добровольно возлагают на себя обязанность соответствовать предъявляемым требованиям, добросовестно исполнять установленные обязанности

и соблюдать запреты. Однако в процессе решения служебных задач, связанных с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности, полицейские нередко сталкиваются не только с непосредственной угрозой жизни и здоровью [1, с. 124], но и с фактами дискредитации их чести и достоинства, деловой репутации.

Честь, достоинство, репутация — важные качества для сотрудника правоохранительных органов, по своему содержанию являются категориями нравственного, этического характера. Деятельность полиции основана на нравственных принципах гуманизма, законности, справедливости, объективности, что предъявляет определенные требования к личным качествам сотрудника, необходимые в его профессиональной деятельности. Полицейский постоянно находится в тесном контакте с представителями гражданского общества. Результативность деятельности полиции определяется эффективностью такого взаимодействия, основу которого составляет уровень доверия населения к власти. Данные проведенных исследований свидетельствуют, что отношение к ор-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020.

ганам внутренних дел у большинства респондентов положительное (41% опрошенных граждан доверяют органам внутренних дел; 32% скорее относятся с недоверием; 12% — определенно доверяют; 10% — определенно относятся с недоверием; 5% затруднились ответить) [2, с. 56]. Негативное отношение к полицейским создается в силу коррупционных проявлений, низкого культурного уровня отдельных сотрудников, их личностных качеств, влияющих на уровень профессионализма.

Формирование положительного имиджа полицейского — процесс длительный и непростой, многое делается органами внутренних дел для его создания и поддержания [3, с. 59]. Он включает наличие у сотрудников органов внутренних дел ценностных установок профессионального общения. Под ними, как отмечает И. С. Скляренко, следует понимать «состояние готовности к осуществлению профессионального общения с ориентацией на ее значимые характеристики, определяющие эффективность, идеал, нормы и эталоны должного поведения в профессиональном общении, регламентированном документами» [4, с. 18]. Поэтому появление в средствах массовой информации, в сети Интернет сведений, порочащих честь и достоинство, деловую репутацию полицейского, не только наносит урон конкретному сотруднику органов внутренних дел, но и сказывается на имидже всей службы.

В соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Возможность такой защиты связана с конституционным положением о праве обращаться для обеспечения и восстановления нарушенных прав в соответствующие органы, в том числе в суд (ст. 47). Эти конституционные нормы являются основополагающими в системе гарантий правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, представляют собой предусмотренные законодательством юридические средства, механизмы и процедуры, обеспечивающие эффективное исполнение сотрудниками полиции возложенных на них обязанностей на высоком профессиональном уровне.

Защита чести, достоинства, деловой репутации осуществляется посредством гражданского судопроизводства. Как следует из п. 1 ст. 152 ГК РФ, «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. При этом опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом».

При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации следует не только руководствоваться нормами российского законодательства, но и в силу ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»² учитывать правовую позицию Европейского Суда по правам человека, выраженную

в его постановлениях, касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции. Используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать, распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и вне зависимости от государственных границ.

Принимая во внимание эти конституционные положения, суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами — свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. ст. 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации) — с другой.

В последние годы число обращений в судебные органы за защитой чести и достоинства личности, деловой репутации увеличилось, появились иски о защите чести и деловой репутации сотрудников правоохранительных органов [5, с. 299]. Обращения в судебные органы за защитой нарушенного права выявили ряд проблем, связанных с разрешением данной категории дел, например, как быть, если неизвестно лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, а установить его не представляется возможным.

Практика разрешения судами споров по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации также свидетельствует о том, что существует неопределенность относительно того, что понимать под формулировкой «порочащие сведения» [6, с. 31]. Категории «честь», «достоинство», «репутация» имеют моральный, этический характер. Гражданское законодательство не определяет эти понятия, относя их к нематериальным благам, подлежащим защите в порядке, установленном ст. 152 ГК РФ. Кроме того, в процессе должно быть доказано, что эти сведения умаляют честь и достоинство личности, являются порочащими и одновременно не соответствуют действительности.

Согласно правовой позиции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» «несоответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Пороча-

² *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998. № 14, ст. 1514.

щие — это сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправомерном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица»³.

Полагаем, что разъяснения высшего судебного органа в определенной мере оценочны, так как только суд при оценке всех представленных доказательств может ответить на вопрос: имело ли место неэтичное поведение, нечестный поступок, умаляющие честь и достоинство? Согласно ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Кроме того, при рассмотрении дел о защите чести и достоинства одним из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, является характер распространенной информации (т. е. эта информация — утверждение о фактах либо оценочное суждение, мнение, убеждение).

Так, в районном суде г. Омска в марте 2016 г. был рассмотрен гражданский иск полковника полиции К. о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда. До обращения в суд была проведена служебная проверка, по результатам которой информация, порочащая К., не подтвердилась. В обоснование исковых требований К. указал, что в феврале 2015 г. на сайте еженедельного журнала «Бизнес-Курс» была опубликована статья «Скажется ли на карьере К. странная гибель его подчиненного?». К указанной статье был оставлен ряд комментариев, некоторые из них порочат, по мнению истца, его честь, достоинство и деловую репутацию, являясь оскорбительными для него. В них содержалась информация о том, что К. принимает деньги, материальные ценности от лиц, занимающихся нелегальным бизнесом, связанным с алкогольной продукцией, с маршрутными перевозками и с материнским капиталом, за оказание им содействия. В обоснование законности требований истца было представлено заключение эксперта относительно оценки указанных комментариев. Экспертом было проведено лингвистическое исследование текста в целях установления его смыслового содержания, в результате чего сделан безусловный вывод об отсутствии оценочного суждения, мнения, убеждения. Данные комментарии, по заключению специалиста, являются утверждением фактов⁴.

Суд при разрешении споров о защите чести и достоинства исходит из основного принципа права — юридического равенства всех перед законом и судом, независимо от того, осуществляет субъект публичные функции либо нет. Это связано с тем, что Гражданский кодекс Российской Фе-

дерации не проводит дифференциацию субъектов по критерию выполнения ими функциональных обязанностей, по осуществлению деятельности, имеющей публичный характер. В обзоре практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации подчеркивалось, что публичность не влияет на позицию суда при разрешении вопросов о правах, обязанностях и ответственности, закрепленных нормативными правовыми актами Российской Федерации⁵.

Таким образом, сотрудники полиции при разрешении в суде дел о защите чести и достоинства обладают равными правами с другими гражданами. В силу ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации истец обязан доказать распространение ответчиком указанных сведений и их порочащий характер, а ответчик должен доказать их соответствие действительности.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова» разъяснил, что «в соответствии со статьей 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (пункт 1); гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе, наряду с опровержением таких сведений, требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением (пункт 5); если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, лицо, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности»⁶.

С учетом имеющихся фактов дискредитации сотрудников полиции и необходимости защиты их чести и достоинства был издан приказ МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России»⁷.

В соответствии с данным нормативным документом руководителям подразделений центрального аппарата предписано:

— проводить мониторинг размещенных в СМИ и в сети Интернет публикаций, содержащих сведения о подчиненном подразделении, о сотрудниках и других подчиненных;

— при необходимости проводить проверку обнаруженных сведений;

— при установлении, что распространены не соответствующие действительности сведения либо иные сведения, ущемляющие права и законные интересы подчиненных, принимать меры правовой защиты по опро-

³ Рос. газета. 2005. 15 марта.

⁴ Архив Кировского районного суда г. Омска за 2016 г. Дело № 2-684/2016.

⁵ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 12. С. 27–30.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 29, ст. 4019.

⁷ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вержению распространенной в отношении подчиненного подразделения недостоверной информации.

Кроме того, документ предусматривает оказание методической и практической помощи подразделениям в подготовке и направлении в СМИ материалов, опровергающих недостоверные публикации, в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁸.

Анализ судебной практики свидетельствует, что по выявленным фактам дискредитации сотрудники часто не обращаются в суд для опровержения порочащих сведений. Причины различны: малозначительность деяния, громоздкость и длительность процедуры, необходимой для судебного рассмотрения и разрешения спора, загруженность сотрудника, не имеющего свободного времени, неприятность самой процедуры, в ходе которой выясняются моральные качества, деловая репутация сотрудника, соответствие порочащих сведений действительности.

Существо гражданско-правовой защиты таких личных нематериальных благ, как честь, достоинство и деловая репутация, заключается в восстановлении прежнего правового состояния личности и этической реабилитации потерпевшего.

В большинстве случаев при обращении в суд за защитой чести и достоинства судебные решения выносятся в пользу сотрудников с последующим опровержением порочащих сведений в средствах массовой информации. Например, 19 мая 2015 г. на сайте «БК55» размещена информация, не соответствующая действительности, порочащая честь и достоинство сотрудника полиции В. В редакцию «БК55» 25 мая 2015 г. обратился В. в целях опровержения. Редакция сайта не отреагировала должным образом,

поэтому 29 июня 2015 г. В. обратился в районный суд г. Омска с исковым заявлением. По результатам рассмотрения судом гражданского дела 20 августа 2015 г. достигнуто мировое соглашение, редакцией сайта размещено опровержение и выплачена денежная компенсация⁹.

Таким образом, организация защиты чести, достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел представляет собой комплексную целенаправленную деятельность, включающую работу с личным составом, формирование положительного имиджа полицейского, оказание поддержки сотруднику при обращении в суд по защите чести, достоинства и деловой репутации.

Список литературы

1. *Караваев А. Ф.* Психолого-педагогическое обеспечение профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел : монография. Омск, 2005. 284 с.
2. *Ревягин А. В., Бойко О. А., Жайворонок А. В., Тохаров А. К.* Обеспечение криминологической безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 54–58.
3. *Бучакова М. А., Дизер О. А.* Взаимодействие полиции и общества // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2(43). С. 58–63.
4. *Скляренко И. С.* Экспериментальное исследование по формированию ценностных установок профессионального общения у курсантов образовательных организаций МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1(64). С. 18–23.
5. *Бекетов О. И., Бучакова М. А., Водяная М. Ю., Дизер О. А.* [и др.]. Административная деятельность полиции. Часть Общ. : учеб. пособие. Омск, 2015. 310 с.
6. *Александров А. Н., Бучакова М. А., Дизер О. А.* Теория и практика судебной защиты чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 42. С. 28–33.

⁸ Рос. газета. 1992. 8 февр.

⁹ URL: <http://Bk55.ru/news/article/46781> (дата обращения: 20.01.2017).

Protection of Police Officers' Honour, Dignity and Business Reputation

Buchakova Marina A.,

Doctor of Law, Associate-Professor, Chief of the Department of Constitutional and International Law, the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russia. e-mail: bm290163@mail.ru

Dizer Oleg A.,

Candidate of Sciences (Law), Associate-Professor, Doctorate Degree Student,
the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russia. e-mail: dizer77@mail.ru

In the process of performing their duties related to the protection of public order and maintaining public security, police officers often face not only the immediate threat to life and health, but also the facts of discrediting their honour, dignity and business reputation. Taking into account the existing facts of discrediting police officers and the need to protect their honour and dignity, a departmental normative legal act regulating the organization of protection of honour and dignity, as well as business reputation in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, was issued. Despite the public nature of the activity, police officers have equal rights with other citizens when they try to defend their honour and dignity in court. The protection of honour, dignity, business reputation, based on constitutional provisions is carried out through civil law proceedings. As for the business reputation of a law enforcement officer it is a complex, purposeful activity involving work with personnel, the formation of a positive image of a policeman, which implies publicity and openness of the police activity, as well as the support given to an officer when he applies to the court for the protection of honour, dignity and business reputation.

Keywords: honour, dignity, reputation, policeman, law enforcement bodies, public authority, public trust.

УДК 343.35 А. А. Нечепуренко, А. Е. Куковьякин, 2017

Ограничение судейского усмотрения при переводе смягчающих обстоятельств в статус исключительных в порядке ст. 64 УК РФ

Алексей Алексеевич Нечепуренко,

доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела
Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: nechepurenko_oma@mail.ru

Александр Евгеньевич Куковьякин,

адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: aekukovyakin@mail.ru

Авторами дается анализ действующей редакции ст. 64 УК РФ, на основании которого делается вывод, что неудачное законодательное регулирование исключительного смягчения наказания породило феномен широкого судейского усмотрения. На практике любые обстоятельства, признанные судом смягчающими, могут быть переведены в статус исключительных без какой-либо мотивировки, послужить основанием для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление. При этом применение ст. 64 УК РФ даже после констатации наличия исключительных обстоятельств является правом, а не обязанностью суда. Более того, законодатель считает допустимым применение исключительного смягчения при наличии любых отягчающих обстоятельств. В законе половинчато решен вопрос о категориях осужденных, к которым исключительное смягчение применено быть не может. Авторами приводятся данные анализа 310 приговоров с применением ст. 64 УК РФ и опроса 108 судей по проблемам практики и законодательного регулирования исключительного смягчения. По результатам указанного исследования формулируются предложения по совершенствованию применения действующего уголовного законодательства, а также определяются направления, по которым оно должно быть изменено. В соответствии с этими направлениями предлагается теоретическая модель ст. 64 УК РФ.

Ключевые слова: смягчающие обстоятельства; исключительные обстоятельства; назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление; исключительное смягчение; ограничение судейского усмотрения.

Для цитирования: Нечепуренко А. А., Куковьякин А. Е. Ограничение судейского усмотрения при переводе смягчающих обстоятельств в статус исключительных в порядке ст. 64 УК РФ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 20–27.

Законодатель предоставляет суду достаточное количество инструментов для индивидуализации уголовной ответственности в сторону ее смягчения. В соответствии с УК РФ при наличии определенных оснований осужденный может быть освобожден от отбывания наказания безусловно или под определенными условиями (ст. ст. 73, 80¹, 81, 82, 82¹, 83 УК РФ) либо наказание ему может быть существенно смягчено (ст. ст. 62, 64, 65, 66 УК РФ). Одним из таких оснований, позволяющих назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено в санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, является назначение наказания при наличии исключительных обстоятельств в соответствии с требованиями ст. 64 УК РФ.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, с 2000 г. по 2016 г. удельный вес осужденных, которым назначено наказание с применением ст. 64 УК РФ, от общего числа осужденных сократился в 1,8 раза (в 2000 г. — 45 224 из 1 011 782 чел., т. е. 4,47%, в 2016 г. — 17 621 из 723 560 чел., т. е. 2,44%)¹.

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что, несмотря на существенное сокращение, суды продолжают широко использовать возможность назначения более

мягкого наказания в соответствии со ст. 64 УК РФ. Причем из трех способов смягчения наказания, предусмотренных в ч. 1 ст. 64 УК РФ, стабильно наиболее востребованным в судебной практике является назначение наказания ниже низшего предела, определенного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Так, в 2000 г. этим способом было смягчено наказание 87,2% осужденных, в отношении которых применялась ст. 64 УК РФ (39 417 из 45 224 чел.), в 2016 г. — 82,7% (14 579 из 17 621 чел.).

Несколько более взвешенным выглядит и применение судами ст. 64 УК РФ в зависимости от категорий преступлений. Существенно сократилась доля тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе преступлений, за которые применено особое смягчение (с 78,7% в 2000 г. до 53,8% в 2016 г.). В целом более частое применение ст. 64 УК РФ к лицам, совершившим преступления повышенной общественной опасности, позволяет согласиться с высказываемым в научной литературе мнением о том, что суды, осуществляя исключительное смягчение наказания с учетом всех обстоятельств дела и личности осужденного, тем самым компенсируют своим решением слишком суровый, по их мнению, подход законодателя к установлению минимальных пределов санкций за отдельные виды преступлений [1, с. 25; 2, с. 86; 3, с. 100].

¹ Здесь и далее, если не указано иное, показатели рассчитаны по: *Форма № 10.1* «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 12 месяцев 2000 г. и за 12 месяцев 2016 г.; *Форма № 10.2* «Особенности применения реальных мер наказания» за 12 месяцев 2000 г. и *Форма № 10.2* «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» за 12 месяцев 2016 г. (сводный по всем судам Российской Федерации общей юрисдикции).

Данный тезис убедительно подтверждается статистически. Например, в 2000 г. с применением ст. 64 УК РФ 57,2% (25 880 из 45 224 чел.) приходилось только на осужденных за преступления против собственности (ст. ст. 158–168 УК РФ). На тот период все санкции за квалифицированные виды хищений имели высокий нижний предел наказания в виде лишения свободы. В настоящее время в результате внесения (с 8 декабря 2003 г.) ряда изменений в уголовное законодательство нижние пределы в большинстве санкций статей за указанные преступления убраны и минимальное лишение свободы в них установлено в виде двух месяцев. Это решающим образом отразилось на применении ст. 64 УК РФ при осуждении за преступления против собственности. В 2016 г. доля осужденных за такие преступления среди всех осужденных с применением ст. 64 УК РФ сократилась по сравнению с 2000 г. в 5,4 раза и составила всего 10,5% (1844 из 17 621 чел.). Обратная ситуация наблюдается с вынесением приговоров за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (ст. ст. 228–233 УК РФ). В связи с нацеленностью законодателя на усиление ответственности за данные преступления нижние пределы санкций соответствующих статей Особенной части УК РФ в названный период неоднократно повышались, что существенным образом отразилось на расширении практики применения ст. 64 УК РФ. Так, в 2000 г. удельный вес осужденных за указанные преступления от всех осужденных с применением ст. 64 УК РФ был равен 18,1% (8180 из 45 224 чел.), а уже в 2016 г. этот показатель вырос в 1,9 раза и составил 34,8% (6130 из 17 621 чел.). Сложно признать оптимальной ситуацию, когда законодатель пытается осуществить определенную корректировку уголовной политики, а суды с ним в массовом порядке не соглашаются.

Поскольку отнесение смягчающих обстоятельств к исключительным основывается на правосознании и опыте судей, то в сложившихся условиях при применении ст. 64 УК РФ имеет место чрезмерное усмотрение в оценке смягчающих обстоятельств в качестве исключительных. Часто исключительными признаются смягчающие обстоятельства, не указанные в ч. 1 ст. 61 УК РФ, причем некоторые из них сформулированы таким образом, что фактически речь идет лишь об отсутствии какого-либо отягчающего обстоятельства; исключительными признаются все перечисленные в приговоре смягчающие обстоятельства в совокупности без какой-либо мотивации такого решения.

Подчеркнем, что создавшаяся негативная ситуация с применением исключительного смягчения наказания сложилась вследствие неудачного законодательного определения основания назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено в законе. Остановимся на этих изъянах уголовного закона подробнее.

Расплывчатая формулировка открытого перечня исключительных обстоятельств дает право одним ученым выделять четыре группы исключительных обстоятельств

[2, с. 86–90], а другим (наряду с исключительными обстоятельствами) к основаниям назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено в законе, относить иные обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления, но исключительными, на их взгляд, не являющиеся [4]. Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой в ч. 1 ст. 64 УК РФ никакие обстоятельства, кроме исключительных, не представлены и их отличительной чертой является то, что они существенно уменьшают степень общественной опасности преступления [5, с. 57]. Это же следует и из более взвешенной (по сравнению с российской) позиции белорусского законодателя, который в ч. 1 ст. 70 УК РБ указывает, что назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, осуществляется «при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями, мотивами, ролью лица и его поведением во время или после совершения преступления, которые существенно уменьшают степень общественной опасности деяния»².

Напомним, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» сказано: «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)»³. В связи с этим логичен, на наш взгляд, вывод ряда ученых, что существенно уменьшать общественную опасность преступления могут лишь обстоятельства, относящиеся к поведению виновного во время или после совершения преступления [6, с. 7; 7, с. 164]. Эти обстоятельства, на наш взгляд, должны понижать степень общественной опасности преступления значительно, чем предусмотрено в ст. 62 УК РФ, поскольку даже наличие отягчающих обстоятельств не блокирует применения исключительного смягчения. Более последовательным выглядело бы решение, согласно которому законодатель, характеризуя основание применения ст. 64 УК РФ, вел бы речь не об отдельно взятом, а о двух и более смягчающих обстоятельствах, которые относились бы не только к поведению осужденного после совершения преступления, о чем уже сказано в чч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ, но и к его поведению в период совершения преступления.

Сложно признать оптимальным предоставление суду права даже после констатации наличия основания для исключительного смягчения не применять ст. 64 УК РФ. Примером более взвешенного подхода в подобных ситуациях является установленная законодателем обязанность назначить условное наказание, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ), или освободить

² Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1 (дата обращения: 20.04.2017).

³ Рос. газета. 2015. 29 дек.

от уголовного наказания, если вследствие изменения обстановки лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными (ст. 80¹ УК РФ).

Широкие дискреционные полномочия суда породили ошибочные, на наш взгляд, но формально признаваемые вышестоящими судебными инстанциями законными судебные решения, когда применяется одновременно несколько способов исключительного смягчения [8, с. 11]. Доводы тех ученых, которые на протяжении ряда лет называют такой подход противоречащим смыслу уголовного закона, судей не убеждают [9, с. 38–39; 10, с. 379; 11, с. 143; 12, с. 71]. Как следует из судебной практики, допустимым считается и назначение наказания ниже низшего предела не только применительно к основному, но и к дополнительному наказанию, поскольку какого-либо ограничения на этот счет закон не содержит [8, с. 11–12].

Не требует закон и мотивировки принятия судом решения об особом смягчении. Видимо, считается достаточным наличие общего указания законодателя в п. 4 ст. 307 УПК РФ на то, что описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания. Судя по тому, что в приговорах судов практически отсутствует обоснование необходимости применения ст. 64 УК РФ с указанием на исключительность (экстраординарность, уникальность) стечения тех или иных обстоятельств дела, которые существенно снижают степень общественной опасности данного конкретного преступления, и просто перечисляются все обстоятельства, признанные смягчающими, их совокупность объявляется исключительными обстоятельствами, указание в данном случае на обязательность мотивировки повысило бы ответственность судов за принимаемые решения. Напомним, что такое указание содержалось в аналогичной норме УК РСФСР 1960 г. (ст. 43 «Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом»)⁴.

В законе половинчато решен вопрос и о категориях осужденных, к которым исключительное смягчение применено быть не может. Помимо запрета на применение ст. 64 УК РФ к осужденным за террористическую деятельность, логичным было бы исключить особое смягчение наказания осужденным за преступления экстремистской направленности, как тесно взаимосвязанные с терроризмом [13, с. 20–24], а также некоторым другим категориям осужденных с учетом анализа законодательных ограничений на применение ст. 73 УК РФ.

Учитывая изложенное, в целях совершенствования практики применения и законодательного регулирования исключительного смягчения наказания нами проанализированы 310 приговоров, вынесенных судами во всех субъектах Российской Федерации в период с 2007 г. по 2016 г., по которым с применением ст. 64 УК РФ осуждено 342 чел., а также проведено анкетирование 108 судей Тюменской, Омской и Кемеровской областей, Алтайского края, а также Ханты-Мансийского автономного округа.

Анализ приговоров позволил выделить смягчающие обстоятельства, которые суды признают в качестве исключительных (табл. 1).

Комментируя приведенные выше данные, отметим, что в ч. 1 ст. 64 УК РФ законодатель делает акцент на том, что исключительными могут признаваться только те обстоятельства, которые существенно снижают степень общественной опасности преступления, связаны с поведением виновного во время или после совершения преступления.

Из перечисленных в ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельств, уменьшающих степень общественной опасности преступления, можно рассматривать семь. Три оставшихся смягчающих обстоятельства, предусмотренных пп. «б», «в» и «г» («несовершеннолетие виновного», «беременность» и «наличие малолетних детей у виновного» соответственно), характеризуют социальное положение подсудимого до совершения преступления и вне причинной связи с иными смягчающими обстоятельствами получать статус исключительных не должны. Часто в совокупности обстоятельств, признаваемых исключительными, фигурирует такое смягчающее обстоятельство, как наличие малолетних детей у подсудимого (39%). При этом ни в одном приговоре не указано, как это обстоятельство связано с другими смягчающими обстоятельствами, характеризующими поведение подсудимого во время совершения преступления (например, совершение кражи в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств в конкретном случае может быть связано с нахождением на иждивении у подсудимого малолетних детей, но наличие этого обстоятельства у лица, впервые совершившего хулиганство или истязание, никак не может снизить общественную опасность названных преступлений).

Это относится и к ряду иных обстоятельств, признаваемых судом смягчающими, но не отраженных в ст. 61 УК РФ. Показательно, что в этой группе из двадцати одного отмеченного выше смягчающего обстоятельства пятнадцать характеризуют социальный статус подсудимого, который сам по себе не влияет на снижение степени общественной опасности преступления. В первую очередь это относится к таким обстоятельствам, часто приводимым в приговорах для обоснования исключительного смягчения в порядке ст. 64 УК РФ, как положительная характеристика (70,0% изученных приговоров) и плохое состояние здоровья (35,8%). Только шесть из данной категории смягчающих обстоятельств, признаваемых в совокупности с другими исключительными, с достаточной долей условности с положительной стороны характеризуют обвиняемого во время или после совершения преступления. При этом три из них часто упоминаются в приговорах, но фактически смягчающими обстоятельствами не являются, а лишь констатируют отсутствие какого-либоотягчающего обстоятельства («отсутствие тяжких последствий», «отсутствие судимости», «совершение преступления впервые»). Еще два наиболее часто упоминаемых смягчающих обстоятельства представляют

⁴ Уголовный кодекс РСФСР : с изменениями и дополнениями на 15 марта 1996 г. Новосибирск, 1995. С. 33–34.

Таблица 1. Смягчающие обстоятельства, признанные судом исключительными

Содержание смягчающего обстоятельства	Количество приговоров	Доля от общего числа приговоров, %
1. Явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления	249	80,32
2. Признание вины	230	74,20
3. Раскаяние в содеянном	228	73,50
4. Положительная (удовлетворительная) характеристика	217	70,00
5. Наличие малолетних детей у виновного	121	39,03
6. Плохое состояние здоровья	111	35,80
7. Отсутствие судимости	67	21,60
8. Совершение преступления впервые	53	17,10
9. Наличие иждивенцев у подсудимого (престарелые родители, больные близкие родственники, инвалиды и др.), единственный кормилец в семье	47	15,16
10. Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему	42	13,55
11. Возраст (престарелый, молодой) осужденного	41	13,23
12. Отсутствие тяжких последствий	34	10,97
13. Наличие работы (занятие общественно полезным трудом)	26	8,40
14. Особые заслуги перед государством и обществом (участник боевых действий, имеет государственную награду, ликвидатор аварии на Чернобыльской АЭС и др.)	26	8,40
15. Совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств	18	5,80
16. Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления	12	3,90
17. На учете в психиатрическом и наркологическом диспансере не состоит	13	4,19
18. Наличие семьи	7	2,26
19. Трудное материальное положение	6	1,94
20. К административной ответственности не привлекался	6	1,94
21. Совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания	4	1,30
22. Наличие ходатайства администрации (старейшин, командования войсковой части) о смягчении наказания	4	1,30
23. Беременность	3	0,97
24. Смерть родственника	3	0,97
25. Ни в чем предосудительном замечен не был	2	0,64
26. Отсутствие материальной выгоды (корыстных мотивов и целей)	2	0,64
27. Несовершеннолетие виновного	1	0,32
28. Отсутствие работы	1	0,32
29. Роль виновного в преступлении (пособник)	1	0,32

Примечание. Обстоятельства расположены в порядке убывания частоты их упоминания в приговорах, полужирным шрифтом выделены обстоятельства, смягчающие наказание, не перечисленные в ст. 61 УК РФ.

собой необходимые, но недостаточные элементы такого полноценного смягчающего обстоятельства, относящегося к деятельному раскаянию, как явка с повинной («признание вины», «раскаяние в содеянном»).

Из приведенного анализа приговоров можно констатировать, что суды в перечень обстоятельств, признаваемых в совокупности исключительными, более склонны включать смягчающие обстоятельства, не предусмотренные в законе и в основной своей массе не влияющие на уменьшение степени общественной опасности преступления, что является негативной тенденцией в применении ст. 64 УК РФ. В свете сказанного справед-

ливой, на наш взгляд, выглядит позиция тех ученых, которые аргументированно приходят к выводу о несостоятельности придания судами абсолютному большинству обстоятельств, не закрепленных в ч. 1 ст. 61 УК РФ, статуса смягчающих. При этом в зону обоснованной критики попадают часто указываемые в приговорах, но отсутствующие в законе обстоятельства: «чистосердечное раскаяние», «признание вины», «отсутствие судимости», «положительная характеристика с места жительства, работы или учебы», «участие осужденного в боевых действиях», «пенсионный возраст», «просьба потерпевшего о снисхождении» [14; 15]. Тем более недопустимо, по на-

шему мнению, признание таких сомнительных смягчающих обстоятельств исключительными.

Отметим, что в 309 из 310 проанализированных нами приговоров с применением ст. 64 УК РФ суд назначал наказание, принимая во внимание не одно смягчающее обстоятельство, а их совокупность. Причем, как правило, никакое из перечисленных в приговоре смягчающих обстоятельств из этой совокупности не исключается. Неудивительно, что в абсолютном большинстве приговоров исключительными признаны совокупности из пяти и более смягчающих обстоятельств (230 приговоров, что составляет 74,2% от всех изученных приговоров). Четыре смягчающих обстоятельства указаны в 46 приговорах (14,8%), три — в 30 приговорах (9,7%), два — в трех приговорах (0,9%). Только в одном случае для смягчения наказания в порядке ст. 64 УК РФ суду оказалось достаточно сослаться на единственное смягчающее обстоятельство, отмеченное в приговоре, и признать его исключительным («противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления»). Такой выработанный практикой подход признавать все установленные по делу смягчающие обстоятельства исключительными свидетельствует о формализации в обосновании необходимости применения ст. 64 УК РФ.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о допустимости применения ст. 64 УК РФ при наличии обстоятельств, отягчающих наказание. Законодатель, в отличие от условий смягчения наказания в порядке ст. 62 УК РФ, не запрещает в этом случае применять исключительное смягчение. В то же время анализ приговоров свидетельствует, что, как правило, ст. 64 УК РФ суды применяют, специально указывая при этом на отсутствие отягчающих обстоятельств (83,9% приговоров). Однако в 38 приговорах, по которым с применением ст. 64 УК РФ были осуждены 70 человек, речь шла либо о совершении преступления при таком квалифицирующем обстоятельстве, как «группа лиц по предварительному сговору» (36 приговоров), либо об аналогичном отягчающем обстоятельстве, предусмотренном п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ (2 приговора по ст. 228 УК РФ). Рецидив преступлений как отягчающее обстоятельство был указан в 46 приговорах, по которым осуждены 47 человек. Наличие рецидива было констатировано у 29 из них, у 18 — опасного рецидива. Еще в двух приговорах с применением исключительного смягчения отягчающим обстоятельством признавалось совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения. Полагаем, такого рода отягчающие обстоятельства суды справедливо не относят к препятствиям для применения ст. 64 УК РФ. Относительно первого из отягчающих обстоятельств законодатель прямо указывает на такое основание применения ст. 64 УК РФ, как активное содействие участника группового преступления раскрытию этого преступления. Очевидно, что рецидив учитывается не механически, а исходя из обстоятельств и тяжести вновь совершенного преступления. Не случайно законодатель на этот счет четко обозначил свою позицию в ч. 3 ст. 68 УК РФ, указав, что правила назначения наказания при наличии исключительных обстоятельств, предусмотренных ст. 64 УК РФ, имеют приоритет по сравнению с правилами

назначения наказания при любом виде рецидива преступлений. Применительно к состоянию алкогольного опьянения как факультативному отягчающему обстоятельству суду логичнее воспользоваться правом не признавать его таковым, если речь идет о применении ст. 64 УК РФ. Показательно, что в изученных приговорах иные отягчающие обстоятельства отсутствуют, поскольку они так существенно повышают степень общественной опасности преступления, что исключительное смягчение в этом случае суды, по-видимому, применять считают неуместным.

Из 108 опрошенных судей 94 (87,0%) имели дело с применением ст. 64 УК РФ, а большинство из них (73,2%) неоднократно. При этом первый, предусмотренный в законе способ смягчения преобладал в практике опрошенных, но не являлся единственным. Так, назначали наказание ниже нижнего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, 86 из 94 судей (90,5%); назначали более мягкий вид наказания, чем предусмотрено этой статьей, 20 судей (21,3%); не применяли дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного, 30 судей (31,9%).

Интересны и ответы судей на вопрос анкеты: «Есть мнение, что, исходя из обстоятельств дела, любому из смягчающих обстоятельств суд может придать статус исключительного. Согласны ли Вы с этим?» Положительно ответили на данный вопрос 54,63% респондентов (56 чел.), отрицательно — 42,59% (46 чел.), не ответили — 2,78% (3 чел.). Утвердительный ответ большинства опрошенных наводит на мысль о том, что в судебной среде распространён облегченный подход к изучению основания для применения ст. 64 УК РФ. В определенной степени это обусловлено отсутствием в действующем уголовном законодательстве указания на обязательную мотивировку особого смягчения.

Судьям, считающим, что не всем смягчающим обстоятельствам может быть придан статус исключительных, было предложено указать те смягчающие обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 61 УК РФ, которые при определенных условиях могут быть признаны исключительными. Ответы 46 судей размещены ниже в таблице в порядке уменьшения значимости смягчающих обстоятельств для перевода их в статус исключительных (табл. 2).

Как следует из таблицы 2, все три смягчающие обстоятельства, относящиеся к социальному статусу подсудимого, опрошенные по данному вопросу судьи меньше всего склонны признавать исключительными. Среди наиболее желательных смягчающих обстоятельств, которые могут стать исключительными, указаны: совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости. В приговорах с применением ст. 64 УК РФ на первое обстоятельство имеется ссылка лишь в четырех случаях, а на второе судьи вообще не ссылались. Нет ссылок в исследованных приговорах и на группу смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Такое существенное расхождение между желаемым и дей-

Таблица 2. Значимость смягчающих обстоятельств для перевода их в статус исключительных

Пункт ч. 1 ст. 61 УК РФ	Содержание смягчающего обстоятельства	Доля от общего числа ответивших на этот вопрос, %
д	Совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания	47,83
е	Совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости	43,48
к	Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему	36,96
и	Явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления	36,96
з	Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления	36,96
ж	Совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения	36,96
а	Совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств	34,78
б	Несовершеннолетие виновного	26,09
в	Беременность	23,91
г	Наличие малолетних детей у виновного	10,87

ствительным при признании смягчающих обстоятельств исключительными позволяет усомниться в целесообразности сохранения в уголовном законе формулировок, позволяющих применить ст. 64 УК РФ практически в любом случае. Узаконенное широчайшее судебское усмотрение не только подрывает действие принципа справедливости, но и объективно создает благоприятную среду для коррупционных проявлений.

Опрошенным задавался и такой вопрос: «Требует ли совершенствования законодательная конструкция назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ)?» Отрицательно ответили 72 респондента (66,67%), утвердительно — 32 (29,63%), затруднились ответить четверо (3,7%).

Судьи, считающие целесообразным совершенствование ст. 64 УК РФ, отметили следующие желательные изменения в ее содержании (часть опрошенных предложили несколько вариантов решения проблемы):

- указать, что при назначении наказания в соответствии со ст. 64 УК РФ необходимо отсутствие отягчающих обстоятельств (43,75% опрошенных);

- дать исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут быть признаны исключительными (40,63%);

- в части 3 ст. 64 УК РФ расширить перечень обстоятельств, препятствующих назначению более мягкого наказания по типу перечня обстоятельств, при наличии которых не назначается условное осуждение (ч. 1 ст. 73 УК РФ) (37,5%);

- указать, что назначение наказания при исключительных обстоятельствах не применяется к лицам, имеющим судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления (21,88%);

- указать, что можно применить одновременно только одну разновидность смягчения (12,5%);

- указать, что наказание ниже низшего предела может быть назначено только в том случае, если в санкции статьи нет более мягкого наказания (9,38%);

- указать, что исключительными могут быть признаны только те смягчающие обстоятельства, которые перечислены в ч. 1 ст. 61 УК РФ (6,25%);

- указать, что исключительными обстоятельствами могут быть признаны только те, которые свидетельствуют о деятельном раскаянии виновного (пп. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ) (6,25%).

Очевидно, что судьи, определившие приоритетность смягчающих обстоятельств для признания их исключительными и указавшие на желательные изменения в редакции ст. 64 УК РФ, выразили свои предпочтения в случае реального применения ими исключительного смягчения.

По мнению большинства опрошенных, имеется еще одно существенное препятствие для применения ст. 64 УК РФ. Был задан вопрос: «Целесообразно ли, по Вашему мнению, применение ст. 64 УК РФ к условно осужденному, совершившему преступление в период испытательного срока?» Утвердительно ответили только 27 судей (25,0% от всех опрошенных), отрицательно — 76 (70,37%), воздержались от ответа пятеро.

В условиях неопределенности законодательного регулирования назначения наказания при исключительных обстоятельствах и при отсутствии четких разъяснений на этот счет высшей судебной инстанции можно предложить судейскому сообществу следующие рекомендации по применению ст. 64 УК РФ:

1. Вопрос об исключительном смягчении наказания следует рассматривать только в том случае, если даже нижний предел самого мягкого наказания, предусмотренного в санкции применяемой статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, представляется судье несправедливым, если альтернатива в виде менее сурового наказания в санкции отсутствует либо имеется законодательный запрет на применение альтернативного менее сурового наказания к данной категории осужденных.

2. Из всей совокупности установленных по делу смягчающих обстоятельств статус исключительных следует придавать лишь тем, которые действительно существенно уменьшают степень общественной опасности данного конкретного преступления, разъясняя в приговоре мотивы такого решения.

3. Смягчающие обстоятельства, характеризующие личность подсудимого до совершения преступления, уместно включать в совокупность обстоятельств, признаваемых исключительными, только в том случае, если они находятся в причинной связи с иными смягчающими обстоятельствами, относящимися к поведению подсудимого во время или после совершения преступления.

4. По смыслу закона не допускается одновременное применение к обвиняемому нескольких способов исключительного смягчения наказания. При этом два первых способа могут применяться для смягчения только основного наказания.

В перспективе целесообразно ограничить судебское усмотрение при применении ст. 64 УК РФ путем внесения изменений в уголовное законодательство по следующим принципиальным позициям:

1. Отказаться от неудачной формулировки примерного перечня обстоятельств, которые суд может признать исключительными.

2. Определить, что исключительными могут быть признаны только те смягчающие обстоятельства, которые перечислены в ч. 1 ст. 61 УК РФ и в совокупности характеризуют поведение виновного как во время, так и после совершения преступления.

3. Указать, что смягчающие обстоятельства только в том случае могут перейти в статус исключительных, если суд придет к выводу, что в совокупности они существенно уменьшают степень общественной опасности данного преступления.

4. Признать, что после констатации наличия в деле исключительных обстоятельств применение ст. 64 УК РФ не право, а обязанность суда.

5. Суд должен не только перечислить все обстоятельства, признаваемые им исключительными, но и изложить мотивы принятия такого решения.

6. Уточнить, что из трех предусмотренных в законе способов исключительного смягчения наказания первые два относятся только к основным видам наказания.

7. Расширить перечень оснований неприменения исключительного смягчения в ч. 3 ст. 64 УК РФ, кроме имеющегося запрета на применение исключительного смягчения к лицам, занимающимся террористической

деятельностью. К таким основаниям следует отнести совершение преступлений экстремистской направленности; совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста; совершение преступления в период отбывания наказания или прохождения испытания, а также наличие отягчающих обстоятельств, кроме рецидива и совершения группового преступления.

Редакция ст. 64 с учетом изложенного могла бы иметь следующий вид:

«Статья 64. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление

1. При наличии исключительных обстоятельств суд назначает основной вид наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса или более мягкий основной вид наказания, чем предусмотрено этой статьей, или не применяет дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

2. Исключительными признаются два и более смягчающих обстоятельства из числа указанных в части первой статьи 61 настоящего Кодекса, если они связаны с поведением виновного не только во время, но и после совершения преступления и существенно уменьшают степень общественной опасности данного преступления.

3. При применении настоящей статьи суд должен указать все обстоятельства, признанные им исключительными, и изложить мотивы такого решения.

4. Настоящая статья не применяется:

а) к осужденным за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста;

б) к осужденным за террористическую деятельность и за преступления экстремистской направленности;

в) к осужденным, совершившим преступление в период отбывания наказания или прохождения испытания при условном осуждении, условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, отсрочке отбывания наказания и отсрочке отбывания наказания большим наркоманией;

г) при наличии отягчающих обстоятельств, за исключением обстоятельств, предусмотренных пунктами «а» и «в» части первой статьи 63 настоящего Кодекса».

Список литературы

1. Дядькин Д. Правила учета исключительных обстоятельств для назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Уголовное право. 2006. № 2. С. 21–25.

2. Фаргиев И. А. Чрезмерное смягчение уголовного наказания // Уголовное право. 2016. № 4. С. 85–92.

3. Непомнящая Т. В. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 4. С. 99–104.

4. Благов Е. В. Об обстоятельствах, учитываемых при назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Вестник Ярославского государственного университета. 2007. № 5. С. 59–63.

5. Агильдин В. В. Особенности назначения наказания более мягкого, чем предусмотрено за данное преступление //

Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : мат-лы V междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Иркутск, 2016. Т. 2. С. 55–60.

6. Николаева Т. В. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 24 с.

7. Авдеев В. А. Правовое регулирование назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за данное преступление // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2011. № 2. Вып. 15. С. 162–167.

8. Артеменко Н., Шимбарева Н. Верховный суд о правилах смягчения уголовного наказания // Уголовное право. 2016. № 5. С. 4–12.

9. Рарог А. И., Степалин В. Н. Судейское усмотрение при назначении наказания // Гос-во и право. 2002. № 2. С. 36–42.

10. Благов Е. В. Применение уголовного права. СПб., 2004. 505 с.

11. Степалин В. М. Назначение наказания при исключительных обстоятельствах // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 3. С. 137–145.

12. Звечаровский И. Э. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление. М., 2012. 81 с.

13. Куковьякин А. Е. Унификация законодательных ограничений на смягчение уголовной ответственности за террористическую деятельность и преступления экстремистской направленности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2. С. 20–24.

14. Куриц А. Следует ли перечень обстоятельств, смягчающих наказание, оставлять открытым // Уголовное право. 2004. № 2. С. 38–39.

15. Скрипченко Н. Ю. Анализ правоприменительной практики признания судами обстоятельств, смягчающих наказание, не указанных в законе // Рос. юстиция. 2016. № 4. С. 27–29.

Restriction of Judge's Discretion when Transferring Mitigating Circumstances into the status of Exceptional ones according to Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation

Nechepurenko Alexey A.,

Doctor of Law, Professor, chief of Editorial and Publishing Department, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: nechepurenko_oma@mail.ru

Kukovyakin Alexandr Ye.,

post-graduate student, the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Omsk, Russia. e-mail: aekukovyakin@mail.ru

The analysis of the current version of Article 64 of the Russian Criminal Code given in the article allows the authors to conclude that failed legislative regulation of exceptional mitigation of punishment gave rise to a phenomenon of broad judge discretion. In practice any circumstances accepted by the court as mitigating can be transferred into the status of exceptional without any motivation and serve as the reason for the punishment more lenient than the law provides for this crime. And even after establishing exceptional circumstances application of Article 64 of the Russian Criminal Code is the right but not the duty of the court. Moreover, the legislator admits applying exceptional mitigation with any aggravating circumstances available. The law gives a halfway solution to the issue of categories of convicts against whom exceptional mitigation cannot be applied. The authors give the data of investigating 310 sentences where Article 64 of the Russian Criminal Code was applied and 108 surveys conducted among judges on the problems of practice and legislative regulation of exceptional mitigation. The results of the mentioned research enable the authors to frame their suggestions for improvement of using the current criminal legislation and identify the directions of its changes. According to these directions a theoretical model of Article 64 of the Russian Criminal Code is provided.

Keywords: mitigating circumstances, exceptional circumstances, imposing a more lenient punishment than the law provides for this crime, exceptional mitigation, restriction of judge discretion.

Citation: *Nechepurenko A. A., Kukovyakin A. Ye.* Restriction of Judge's Discretion when Transferring Mitigating Circumstances into the status of Exceptional ones according to Article 64 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70). 2017. P. 20–27.

Профилактика риска самоубийства лиц, подлежащих государственной защите

Владимир Леонтьевич Линевиц,

кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России
Уфа, Россия. e-mail: linevich100266@mail.ru

В целях изучения профессиональных знаний, навыков и направлений профилактики суицидального риска у лиц, подлежащих государственной защите, корректировки программ обучения проведено анкетирование сотрудников полиции, осуществляющих меры по защите лиц, подлежащих государственной защите. Выявлено, что значительное число респондентов, обучающихся на курсах повышения квалификации на базе Уфимского юридического института МВД России, не знают методов диагностики, задач и путей профилактики риска суицида. Разработанная обучающая программа профилактики суицидальных намерений позволяет повысить уровень информированности и сформировать навыки сотрудников в части принятия мер превенции, интервенции и поственции суицидентов. Предлагаются основные направления деятельности сотрудников органов внутренних дел по первичной, вторичной и третичной профилактике самоубийств у лиц, подлежащих государственной защите.

Ключевые слова: превенция самоубийств; виды и формы профилактики суицидов; профилактика самоубийств у лиц, подлежащих государственной защите; программа защиты свидетелей; первичная, вторичная и третичная профилактика самоубийств; структура и содержание профилактики суицида.

Для цитирования: Линевиц В. Л. Профилактика риска самоубийства лиц, подлежащих государственной защите // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 28–31.

Проблема изучения самоубийств, а также факторов, приводящих к формированию суицидального поведения в современном обществе, остается острой, многогранной, недостаточно изученной и понятой [1]. Отечественными и зарубежными исследователями предпринимаются попытки разработать, апробировать и внедрить адекватные меры превенции, интервенции и поственции суицидентов [2, с. 9–13]. Данная проблема актуальна и для сотрудников полиции, осуществляющих обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Существует ряд специфичных проблем, с которыми приходится сталкиваться в ходе обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, в том числе и в ситуациях экстренной психологической и правовой помощи, социальной поддержки. Для проведения мер безопасности сотрудникам полиции, обеспечивающим государственную защиту, необходимы опыт, психологические знания, готовность осуществлять психологическую помощь различным категориям лиц, подлежащих государственной защите: потерпевшим, свидетелям преступлений и членам их семей, обвиняемым, переходящим в статус свидетеля в процессе судопроизводства [3].

Реализация мер безопасности требует анализа и учета индивидуально-личностных особенностей защищаемых лиц, которые, как правило, находятся в стрессовом состоянии и нуждаются в экстренной психологической помощи. Необходимо учитывать особенности психического и физического состояния защищаемого лица, что является немаловажной составляющей эффективного применения мер безопасности. Важно изучать, анализировать и применять эффективный зарубежный опыт работы психолога с защищаемыми лицами (в рамках взаимодействия с защищаемым лицом).

Например, при реализации аналогичной программы в США предполагаются следующие виды деятельности психолога:

— участие в определении защищаемого лица, так называемая оценка риска свидетеля (запугивание свидетелей — исследование степени непосредственной близости с обвиняемым и сравнительный социально-психологический статус);

— оказание психологической поддержки защищаемому лицу на всех этапах уголовного процесса;

— помощь в адаптации защищаемого лица к новой социальной роли [4, с. 18–22].

Так, федеральная программа по защите свидетелей США (WITSEC), действующая с 1970 г., разработанная Д. Шура, предполагает сотрудничество трех государственных структур: службы маршалов США (непосредственно обеспечивает меры безопасности), министерства юстиции (принимает решения о включении (исключении) лица в программу), федерального бюро тюрем (исполняет защиту свидетелей, находящихся в заключении). Объем и содержание программы для свидетелей, не находящихся под следствием или в местах лишения свободы, существенно отличаются, в том числе и по психологическому сопровождению [5]. При явных различиях программ защиты свидетелей, реализуемых в различных странах, выделяют сходные психологические особенности лиц, подлежащих государственной защите. Данная категория свидетелей, находясь в вынужденной изоляции, повышает риск возникновения кризисных состояний, пограничных нарушений психики и суицидальных тенденций, а это отражает актуальность диагностики суицидального риска у названной категории лиц. Профилактика самоубийств предполагает комплекс мер по диагностике суицидального риска и проведение превентивных мероприятий.

Отметим, что превенция суицида осуществляется по двум основным направлениям:

— профилактика самоубийств;

— реабилитация и адаптация суицидентов и их окружения.

Под профилактикой суицидального поведения принято понимать систему государственных, социально-экономических, медицинских, психологических, педагогических и иных мероприятий, направленных на предупреждение развития суицидального поведения (суицидальных тенденций, суицидальных попыток и завершенных суицидов) [6].

Профилактика самоубийств в России:

- организация специализированных суицидологических служб (телефоны доверия, кабинеты социально-психологической помощи, кризисные отделения);
- обучение специалистов распознаванию суицидальных тенденций;
- ограничение доступа населения к средствам суицида;
- контроль за содержанием сообщений о самоубийствах в средствах массовой информации.

Можно определить следующие составные части системы в практике превенции суицидов:

Направления деятельности:

- 1) круглосуточная доступность для суицидентов;
- 2) активный поиск людей из групп суицидального риска;
- 3) выявление и наблюдение за лицами, совершавшими попытки самоубийства.

Органы и структуры:

- 1) консультативные службы для населения;
- 2) службы неотложной телефонной помощи;
- 3) службы суточной госпитализации;
- 4) амбулаторные службы;
- 5) дневной стационар для суицидентов, программы частичной госпитализации в вечернее время, позволяющие пациентам ходить на работу;
- 6) неотложные службы психиатрической помощи, включающие превенции и интервенции суицидов;
- 7) программы неотложных отсылок к врачам, юристам, в агентства по различным видам помощи;
- 8) массовые образовательные программы, направленные на изучение феноменологии суицида, и др.

Кроме того, современная профилактика суицидального риска объединяет кабинеты неотложной психиатрической помощи в больницах общего профиля, центры психического здоровья, психиатрические клиники, церковные консультативные центры, антисуицидальные бюро, службы телефонной психологической помощи и центры лечения отравлений. Каждая из этих служб свойственными ей средствами оказывает важную помощь лицам, склонным к суициду.

Для оценки знания навыков профилактики суицидального риска у лиц, подлежащих государственной защите, для соответствующей корректировки программ обучения и психологической подготовки нами было проведено анкетирование сотрудников полиции, осуществляющих меры по защите лиц, подлежащих государственной защите, обучающихся на курсах повышения квалификации на базе Уфимского юридического института МВД России.

Исследование включало анкетирование в двух группах испытуемых и анализ результатов исследования. Первую группу респондентов в количестве 18 человек представляли сотрудники оперативного состава центров

(групп) по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, МВД ГУ(У) МВД России по субъектам Российской Федерации. Вторая группа испытуемых (16 человек) включала сотрудников подразделений физической защиты МВД по республикам, ГУ(У) МВД России по иным субъектам Российской Федерации. Анкета, предлагаемая респондентам обеих групп, содержала 9 вопросов, позволяющих оценить уровень знаний по психологической диагностике и профилактике суицидов лиц, подлежащих государственной защите.

Опрос показал, что респонденты первой группы указали более двух методик психологической диагностики суицидального риска, включая признаки депрессивного состояния, — 78% (14 человек), затруднились ответить 22% (4 человека). Из числа опрошенных лишь 50% указали на знание видов и сущности профилактики суицидов, а на основные задачи превенции, интервенции и поственции суицидального поведения указали 61%, т. е. 11 опрошенных (рис. 1).

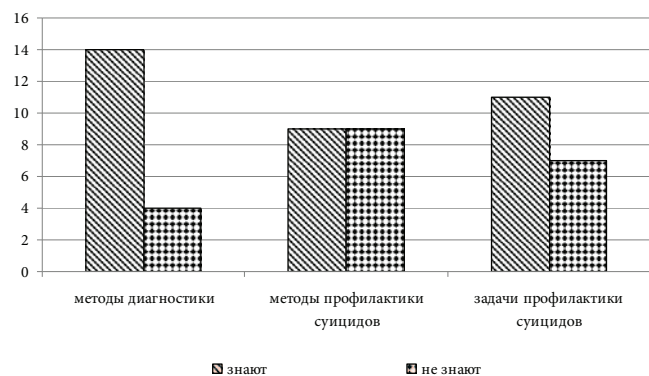

Рис. 1. Уровень знаний методов диагностики и профилактики риска суицида защищаемых лиц сотрудниками подразделения государственной защиты

Анализ результатов опроса второй группы показал, что 56% респондентов (девять человек) при анкетировании указали методики психологической диагностики суицидального риска, включая признаки депрессивного состояния, затруднились ответить 44% (7 человек). В первой группе 56% респондентов (9 человек) полностью указали виды и сущность профилактики суицидов. При этом 62% опрошенных (10 человек) смогли указать основные задачи превенции, интервенции и поственции суицидального поведения, в том числе и лиц, подлежащих государственной защите, а также порядок оказания им психологической помощи (рис. 2).

Опрос выявил, что профессиональная психологическая подготовка сотрудников подразделений государственной (физической) защиты для оказания психологической диагностики и превенции суицидального риска диагностируется на низком уровне. Значительный процент из числа этих сотрудников не знают методов диагностики, задач и способов профилактики риска суицида. Нами была предложена специальная обучающая программа, включающая методы диагностики, профилактики суицидальных намерений и суицидов. После обучения и сдачи зачетов были проведены выходное тестирование и опрос обучающихся

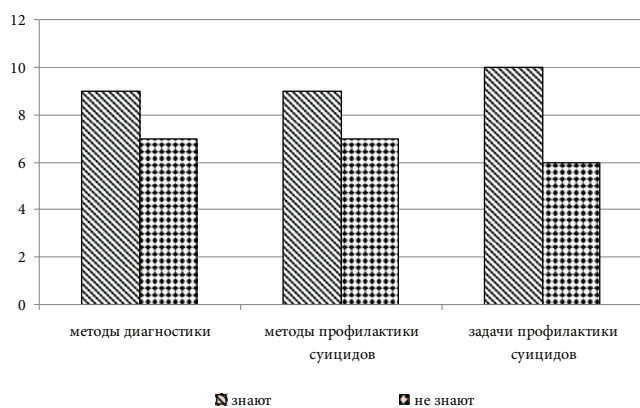

Рис. 2. Уровень знаний методов диагностики и профилактики риска суицида защищаемых лиц сотрудниками подразделения физической защиты

сотрудников. Результаты показали, что после проведенных занятий по специальной программе 90% сотрудников продемонстрировали хорошие знания методов диагностики и профилактики суицидов, средний выходной балл составил 4,6 (сравним с входным контролем, где средний балл был 3,1). Достоверность различий — 0,5%.

Основные психологические приемы профилактики суицидальных намерений, которые может использовать сотрудник до вмешательства профессионального психолога:

- выслушивание (эмпатическое слушание суицидента о его проблемах, предоставление возможности выговориться);
- снятие синдрома исключительности жизненной ситуации (предоставление фактов о подобных жизненных затруднениях у других людей);

- напоминание о родных и близких (фиксация внимания на последующих после самоубийства переживаниях родственников и близких);
- обесценивание сложившейся ситуации в масштабах жизни;
- контрастирование положения суицидента с худшим положением других людей;
- использование опыта суицидента самостоятельного решения проблем;
- высказывание уверенности в потенциале и возможности суицидента справиться с трудностью самостоятельно;
- терапия надеждой (убеждение суицидента в обязательном разрешении трудностей либо снижении их остроты со временем);
- расширение круга контактов и интересов потенциального суицидента.

Основная задача сотрудника в данной ситуации — сохранение жизни лица до прибытия психолога. При выявлении признаков суицидального риска у лица необходимо проинформировать об этом руководство и психолога (специалиста). Вызвать штатного психолога, организовать психологическую помощь на базе медицинских учреждений, психологических центров, частных психологов, психотерапевтов, суицидологов [7, с. 98–111].

Для профилактики суицида важно учитывать следующие разработанные мероприятия (табл.).

Первичное звено направлено на все общество и нацелено на профилактику факторов суицидального риска.

Вторичное звено заключается в помощи непосредственно суицидентам.

Таблица. Структура и содержание профилактики суицида

Первичная профилактика	Вторичная профилактика	Третичная профилактика
Цель		
Предупреждение развития суицидальных тенденций в обществе	Предотвращение суицидальных действий, снятие острого кризиса	Реабилитация людей, переживающих утрату близкого вследствие суицида
Субъект		
Учреждения социальной сферы, средства массовой информации	Учреждения системы здравоохранения	Учреждения системы здравоохранения и социального обслуживания
Объект		
Население региона, группы повышенного суицидального риска	Суициденты, лица с повышенным уровнем тревоги или депрессии	Члены семьи, ближайшее окружение суицидента
Задачи		
1) профилактика алкоголизма, наркомании 2) диагностика групп суицидального риска 3) организация регулярного мониторинга уровня тревоги и депрессии среди населения 4) коррекция семейных взаимоотношений и профилактика социального неблагополучия 5) информирование населения о деятельности психологических служб 6) развитие служб «телефон доверия» и «телефон здоровья»	1) создание сети суицидологических учреждений 2) подготовка специалистов по работе с людьми, находящимися в ситуации суицидального кризиса 3) диагностика ситуаций повышенного риска парасуицида 4) определение антисуицидальных факторов и вариантов снятия кризисного напряжения 5) совершенствование технологий психотерапии и фармакотерапии, а также методов коррекции деструктивных личностных установок	1) организация механизма реабилитационного процесса 2) диагностика восстановительного потенциала (благоприятствующие реабилитации факторы) выживших жертв суицида 3) организация механизма взаимодействия суицидологов с работниками сфер культуры, досуга, трудоустройства, социального обеспечения и т. д. 4) коррекция семейных взаимоотношений 5) профессиональная реабилитация

Третичная профилактика — реабилитация суицидента после выведения его из критического состояния, а также помощь близким и родственникам суицидента, которые являются представителями группы суицидального риска [8; 9].

Список литературы

1. Гроллман Э. Суицид: превенция, интвенция, поственция // Суицидология: прошлое и настоящее. М., 2001. С. 280–282.
2. Бурькин В. М. Профилактика самоубийств в органах и подразделениях внутренних дел : метод. пособие. М., 2004. 144 с.
3. Марьин М. И., Смирнова М. В. Личностные факторы суицидального риска сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 2(41). С. 34–37.
4. Петров В. Е. Проблемы осуществления мер безопасности в отношении защищаемых лиц, имеющих социально-

личностные и психические расстройства (психологический аспект) : метод. пособие. Домодедово, 2014. 44 с.

5. Slabe, Risdon N. The federal Witness Protection Program: it's evolution and continuing growing pains // Criminal Justice Ethics. 1997. 22 Jun.

6. Корехова М. В., Соловьев А. Г., Новикова И. А. Профилактика психологической дезадаптации сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 1(48). С. 66–70.

7. Васерман Д. Напрасная смерть. Причины и профилактика самоубийств : учеб. пособие / пер. с англ. Е. Ройне. М., 2005. 310 с.

8. Линевиц В. Л. Индивидуальная суицидальная превенция // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3(46). С. 58–61.

9. Линевиц В. Л. Психологическая диагностика суицидального риска у лиц, подлежащих государственной защите // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 79–82.

Prevention of Suicidal Risk in People under State Protection

Linevich Vladimir L.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, Chief of the Department of Pedagogy and Psychology in Law Enforcement, the Ufa Law Institute of the MIA Ufa, Russia. e-mail: linevich100266@mail.ru

To examine professional knowledge, skills and profiles of prevention of suicidal risks in persons under state protection and correct the syllabus a poll was conducted among police officers who guard the people under state protection. The study revealed that a large number of the respondents among advance and further education trainees at the Ufa Law Institute of the Russian MIA are not aware of diagnostic methods, tasks and means used to prevent suicidal risks, their level of knowledge in the field is low. The developed training programme of prevention of suicide intentions ensures a higher level of awareness and formation of officers' skills in suicide prevention, intervention and post-suicidal assistance. The author presents the prior activities of police officers for primary, secondary and tertiary prevention of suicides among people under state protection.

Keywords: prevention of suicides, types and forms of suicide prevention, prevention of suicides among people under state protection, witness protection programme, primary, secondary and tertiary prevention of suicides, structure and content of suicide prevention.

Citation: Linevich V. L. Prevention of Suicidal Risk in People under State Protection. Psychopedagogy in Law Enforcement. No. 3(70). 2017. P. 28–31.

УДК 159.923.3 © Д. Г. Орлова, 2017

Особенности психологического благополучия будущих офицеров войск национальной гвардии

Дарья Григорьевна Орлова,

старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной психологии
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
Пермь, Россия. e-mail: 13-orlova@mail.ru

Актуальность данного исследования обусловлена сложностями переходного периода как в сфере военного образования (реформирование внутренних войск МВД России в войска национальной гвардии Российской Федерации), так и в области высшего образования в целом. Представлен обзор основных теорий психологического и субъективного благополучия в зарубежной и отечественной психологии, в современных исследованиях, выполненных на выборках курсантов высших военных учебных заведений. В эмпирическом исследовании принимали участие 102 человека (51 курсант и 51 студент). Для оценки показателей психологического благополучия была использована диагностическая методика «Шкалы психологического благополучия К. Рифф» (в адаптации Д. Г. Орловой). В результате сравнительного анализа были получены статистически значимые различия между выборками. Курсанты военного института продемонстрировали более высокие показатели по всем шкалам психологического благополучия (за исключением показателя «Автономия»). Данные результаты могут свидетельствовать о том, что юноши, обучающиеся в военном вузе, характеризуются более позитивной оценкой себя и собственной жизни в целом, более уверены в своих возможностях и в дальнейшей самореализации.

Ключевые слова: психологическое благополучие, военное образование, курсанты, войска национальной гвардии.

Для цитирования: Орлова Д. Г. Особенности психологического благополучия будущих офицеров войск национальной гвардии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 32–35.

В условиях стремительного развития современного общества и в результате постоянных изменений во внешнеэкономической и внутриэкономической среде вопрос психологического благополучия личности актуален как никогда. Безусловно, свою значимость он не теряет и в сфере военного образования. Трудности переходного периода, переживаемого системой высшего образования России, многократно усиленные проблемами, испытываемыми военной организацией общества в целом, в полной мере коснулись высших военно-учебных заведений [1].

Научное исследование вопроса психологического благополучия обусловлено требованиями, предъявляемыми к личности и деятельности офицера войск национальной гвардии РФ современными ФГОС. Данные требования отражены в широком списке компетенций (в том числе личностные качества, соотносимые со структурой психологического благополучия), которые необходимы в условиях реформирования внутренних войск МВД России в войска национальной гвардии Российской Федерации.

При исследовании феномена психологического благополучия в зарубежной и отечественной психологии собрано и проанализировано достаточное количество теоретической и эмпирической информации. Теоретическую основу для понимания данного феномена в 1969 г. заложил американский психолог Н. Бредберн [2]. Немного позднее в работах Э. Динера [3–5] было охарактеризовано семантически близкое понятие «субъективное благополучие», которое тоже получило большое распространение в зарубежной психологии.

Еще одним автором, внесшим вклад в изучение психологического благополучия, стала американская исследовательница К. Рифф [6, 7]. Опираясь на учение Н. Бредберна, она разработала собственную структуру благополучия и выделила шесть основных компонентов: самопринятие, позитивные отношения с окружающими,

ми, автономию, управление окружающей средой, цель в жизни и личностный рост. К. Рифф были предложены оригинальный метод психотерапии и опросник «Шкалы психологического благополучия». Последний активно применяется на практике.

Среди отечественных авторов данной тематики наиболее известны А. В. Воронина, Т. Д. Шевеленкова и П. П. Фесенко [8–10]. А. В. Воронина разработала уровневую модель психологического благополучия. Суть ее в том, что на разных уровнях пространства бытия человека, формируемых в разных типах деятельности, закладываются внутренние интенции (сознательные и бессознательные ресурсные установки). Они и составляют качественные своеобразно-иерархические уровни психологического благополучия человека: социальной адаптации, психосоматического, психического и психологического здоровья. Автор полагает, что каждый новый уровень, формирующийся в процессе развития и воспитания, дает человеку иное видение себя, мира и своего места в мире, т. е. новые возможности для реализации замыслов, творческой активности; большую степень свободы в выборе путей адекватного реагирования.

Основываясь на концепции психологического благополучия, созданной К. Рифф, отмечая вслед за Е. Динером, что исследование психологического благополучия должно учитывать не только непосредственно измеряемый уровень благополучия, но и внутреннюю индивидуальную систему координат, с которой человек соотносит собственное психологическое благополучие, Т. Д. Шевеленкова и П. П. Фесенко определяют психологическое благополучие как интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностный рост, самопринятие, управление средой, автономия, цели в жизни, позитивные отношения

с окружающими), а также показатель степени реализованности этой направленности, субъективно выражающийся в ощущении счастья, удовлетворенности собой и своей жизнью [9; 10].

В рамках данного исследования особый интерес представляют работы отечественных авторов, посвященные благополучию субъектов военного образования. Так, П. П. Фесенко пришел к выводу, что психологическое благополучие курсантов военной академии связано не с объективным положением индивида в группе, с его представлениями о собственном статусе, а больше с самопринятием личности [10]. А. А. Шадрин с помощью регрессионного анализа выявил основные социально-психологические предикторы субъективного благополучия курсантов военного института (локус контроля «Я», «процесс жизни, т. е. интерес и эмоциональная насыщенность жизни», эмоциональная лабильность и спонтанная агрессивность, ценности — свобода (как независимость в поступках и действиях), познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, а также интеллектуальное развитие), убеждение в доброте людей) [11]. В кандидатской диссертации С. В. Оспенникова особое внимание уделено вопросу психолого-педагогического сопровождения личностного роста курсантов (как необходимое условие полноценного военного образования) [12].

Однако при всем разнообразии исследований за рамками научного анализа осталось изучение особенностей психологического благополучия курсантов в сравнении со студентами невоенных специальностей.

Целью данного исследования является сравнительный анализ показателей психологического благополучия курсантов военного института войск национальной гвардии и студентов гражданских вузов.

Эмпирический этап исследования проводился в 2016–2017 учебном году на базе четырех высших учебных заведений г. Перми: Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, Пермской государственной фармацевтической академии Минздрава России, Пермского национального исследовательского политехнического университета и Пермского военного института войск национальной гвардии РФ. Выбор данных образовательных учреждений объясняется стремлением охватить выборкой студентов различной профессиональной направленности — гуманитарной, естественнонаучной, технической и военной.

Общая выборка — 102 человека (51 чел. из Пермского военного института войск национальной гвардии РФ и 51 чел. из остальных вузов). Все участники являются курсантами и студентами 2–3 курсов обучения в возрасте от 18 до 23 лет. Участие в исследовании юношей, обучающихся исключительно на 2–3 курсах, позволило минимизировать такие побочные факторы, как процесс адаптации (процесс вхождения первокурсников в новую образовательную среду), предэкзаменационный стресс и повышенное чувство неопределенности в связи с итоговой аттестацией и сменой основного вида деятельности.

Для эмпирического исследования проблемы психологического благополучия в данной работе была выбрана концепция психологического благополучия К. Рифф. Использование «Шкал психологического благополучия» К. Рифф в модификации Д. Г. Орловой [13] позволило оценить 6 показателей психологического благополучия: позитивные отношения, автономию, управление средой, личностный рост, цели в жизни и самопринятие.

Для определения статистически значимых различий в показателях психологического благополучия между выборками был применен Т-критерий Стьюдента [14] для независимых выборок, результаты которого отражены в таблице.

Таблица. Статистические показатели курсантов военного института и студентов невоенных вузов

Показатели психологического благополучия	Среднее значение (курсанты)	Среднее значение (студенты)	Т-критерий	Уровень значимости, р
Позитивные отношения	57,3	49,1	4,3	<0,001
Автономия	52,2	53,9	-0,8	>0,001
Управление средой	59,2	48,6	5,4	<0,001
Личностный рост	58,0	50,1	3,7	<0,001
Цели в жизни	57,0	47,7	4,7	<0,001
Самопринятие	57,2	49,6	3,8	<0,001

Проведенный сравнительный анализ результатов психологического благополучия курсантов и студентов показал, что выделенные выборки значимо отличаются по всем показателям психологического благополучия (на уровне значимости $p < 0,001$), кроме показателя «Автономия».

Из таблицы видно, что курсанты военного института более высоко оценивают способности быть открытыми для общения, по успешному овладению различными видами деятельности, свою компетентность, стремление развиваться, учиться и воспринимать новое, а также ощущение собственного прогресса. Курсанты могут характеризоваться и большей осмысленностью собственного существования, более высокой самооценкой себя и своей жизни в целом.

Вероятно, основанием для данных результатов является совокупность сразу нескольких факторов:

- специфика абитуриентов, поступающих в военный вуз (юноши, делающие свой профессиональный выбор в пользу военной сферы, могут обладать определенными особенностями личностной сферы);
- особенности организации учебной и внеучебной работы в военных вузах;
- высокий статус будущей профессии;
- субъективное ощущение стабильности в процессе обучения и дальнейшей профессионализации и т. д.

Отметим, что перечень данных факторов носит предположительный характер и требует дополнительной эмпирической проверки.

Отдельного внимания заслуживает факт отсутствия статистически значимых различий по показателю «Автономия». Это может говорить о том, что курсанты военного института и студенты невоенных специальностей идентичны в ощущении собственной независимости. Вероятно, это объяснимо тем, что нестандартное мышление и поведение, а также противопоставление собственного мнения позиции большинства не воспитываются, а в некоторой степени даже порицаются в рамках обучения в военном образовательном учреждении.

Результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, могут свидетельствовать, что выбор военного вуза, а также его образовательная среда впоследствии более благоприятны для психологического благополучия юношей (по сравнению с невоенными вузами). Юноши, обучающиеся в военном институте, могут быть охарактеризованы как личности более осознанные, позитивно оценивающие себя и собственную жизнь (по сравнению со сверстниками, получающими невоенное образование).

Причина в особенностях военного образования: четкость и прозрачность системы требований и вознаграждений, высокий социальный статус и перспективность будущей профессии, карьерный рост, что позволяет курсантам военных вузов демонстрировать более высокие показатели психологического благополучия.

В соответствии с поставленной целью исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Юноши, обучающиеся в военном институте национальной гвардии, демонстрируют более высокие значения показателей психологического благополучия («Позитивные отношения», «Управление средой», «Личностный рост», «Цели в жизни» и «Самопринятие») по сравнению со сверстниками, получающими образование в гражданских вузах. Курсанты наиболее положительно оценивают себя, свои способности, собственную жизнь и дальнейшие перспективы.

2. Курсанты военного института национальной гвардии не отличаются от студентов гражданских вузов по показателю «Автономия», т. е. не проявляют более выраженного стремления выделиться из окружения и руководствоваться только собственным видением ситуации.

Перспективами данного исследования являются: рассмотрение особенностей психологического благополучия

курсантов в динамике от младших до выпускных курсов, подробный анализ соотношения и взаимосвязей показателей психологического благополучия курсантов с различными внутренними и внешними факторами (например, личностными и темпераментальными особенностями, социальным статусом в группе, успеваемостью и т. д.).

Список литературы

1. Денисенко П. А. К постановке проблемы парадигмальности военного образования. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-postanovke-problemy-paradigmality-voennogo-obrazovaniya> (дата обращения: 30.05.2017).
2. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. Chicago, 1969. 320 p.
3. Diener E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 68. P. 653–663.
4. Diener E. Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. № 95. P. 542–575.
5. Diener E., Suh E. M., Lucas R. E., Smith H. L. Subjective Well-being: Three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125(2). P. 276–302.
6. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 57. P. 1069–1081.
7. Ryff C. D. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 719–727.
8. Воронина А. В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы : дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2002. 172 с.
9. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
10. Фесенко П. П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 206 с.
11. Шадрин А. А. Социально-психологические предикторы субъективного благополучия курсантов военных вузов. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-prediktory-subektivnogo-blagopoluchiya-kursantov-voennykh-vuzov> (дата обращения: 30.05.2017).
12. Осипников С. В. Психолого-педагогическое сопровождение личностного роста курсантов военно-образовательного учреждения войск национальной гвардии РФ : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2017. 27 с.
13. Орлова Д. Г. Оценка психометрического качества и модификация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2016. № 3. С. 53–62.
14. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб., 2004. 392 с.

Peculiarities of Future National Guard Officers' Psychological Well-Being

Orlova Darya G.,

senior lecturer of the department of Theoretical and Applied Psychology,
Perm State Pedagogical University
Perm, Russia. e-mail: 13-orlova@mail.ru

The relevance of the attempted research is determined by the difficult transition period in both military education (reorganization of internal troops of the Russian Ministry of Internal Affairs into Russian National Guard troops) and higher education in general. The author reviews the main theories of psychological and subjective well-being in foreign and domestic psychology and in current researches conducted among higher military school cadets. The empirical research was done sampling 102 male youths (51 cadets and 51 students). To estimate the indicator of psychological well-being the diagnostical method of K.Ryff Psychological Well-Being Scale (D.Orlova's version) was used. The comparative analysis resulted in statistically significant differences between the samples. The military institute cadets show higher scores in all scales of psychological well-being (except that of "Autonomy"). The obtained results can indicate that male youths studying at a military institute are characterized by a more positive self-assessment and estimate of their life in general, they are more confident in their opportunities and further self-realization.

Keywords: life-long education, police higher educational institution, designing educational activity, process of upbringing.

Citation: *Orlova D. G. Peculiarities of Future National Guard Officers' Psychological Well-Being. Psychopedagogy in Law Enforcement. No. 3(70). 2017. P. 32–35.*

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

УДК 130.132 © Н. В. Нарыков, Т. Г. Анистратенко, 2017

Многоуровневый характер социально-личностной рефлексии

Николай Владимирович Нарыков,
доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России
Краснодар, Россия. e-mail: nikkuban@mail.ru

Татьяна Григорьевна Анистратенко,
кандидат политических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и
регионоведения Южного федерального университета
Ростов-на-Дону, Россия. e-mail: tanis63@list.ru

В статье рассматривается социальная рефлексия как многогранное и многоуровневое индивидуально-личностное и социальное явление, обусловленное сложностью и многогранностью индивидуального и массового сознания, многоуровневостью групповых, социетальных и социальных отношений, в которых реализуется социальная рефлексивность, уровнями ее индивидуального, социально-группового и массового проявления, социальными функциями и ее присущностью социальным процессам. Исследование социальной рефлексивности и ее субъектно-личностного качества проведено под углом зрения практически-деятельностного характера и творческой социально-познавательной целостности. Авторами обозначено, что как личностное и социальное качество она предстает выражением соответствия личностных ценностей социальным ценностям, в этом плане она становится маркером отношения к социальной действительности и критерием социальной осмысленности любого действия. Социальная рефлексия служит основой для выработки стратегий как индивидуального, так и группового поведения, становится мерилем самовыражения и саморазвития, базой присвоения индивидами общих социальных смыслов.

Ключевые слова: социальная рефлексивность, уровень социальной рефлексии, коммуникативная рефлексия, ретроспективная рефлексия, избирательная рефлексия, конструктивная рефлексия, контрольная рефлексия, профессиональная рефлексия.

Для цитирования: Нарыков Н. В., Анистратенко Т. Г. Многоуровневый характер социально-личностной рефлексии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 36–39.

Понятие уровня рефлексии ввел в психологическую теорию В. А. Лефевр, обосновав это тем, что у личности должно быть столько уровней рефлексии, сколько самопознавательных и познавательных действий (этапов познания и самопознания) ему требуется совершить, чтобы полностью выразить ресурсный потенциал самопознания себя и предмета приложения своих познавательных действий [1; 2; 3].

В современной психологии формулируются и описываются пять таких уровней социально-личностной рефлексии. На первом уровне рефлексия зарождается в форме первичного выделения себя как субъекта самопознания и самооценки, на втором уровне осуществляется фиксация ситуации в виде некоторого действия (речедействия, мыследействия), на третьем уровне — осознание или так называемая объективация на основе установки, которую ввел еще Д. Н. Узнадзе [4]. Она реализуется как некая субъективная норма объективного правила (моя норма, мой прием, правило моего действия и т. п.), на четвертом уровне осуществляется субъективное обобщение

объективированного содержания, а на пятом — осмысление всех предыдущих уровней.

К пониманию того, как реализуется рефлексия на разных уровнях, в современной исследовательской литературе нет единого общепринятого подхода, а представлено много разных точек зрения. Так, С. Ю. Степанов и И. Н. Семенов, характеризуя социальную рефлексия, считают необходимым выделить следующие уровни и формы рефлексии: личностную рефлексия, коммуникативную рефлексия, кооперативную рефлексия и интеллектуальную рефлексия [5]. При этом личностная рефлексия связана с поведением человека, основана на оценке и самооценке индивидом своих слов, мыслей, намерений и поступков, в целом ее анализ укладывается в рамки психологической теории Я-образа. Указанные авторы акцентируют внимание на нескольких этапах осуществления и реализации личностной рефлексии: это переживание психологического тупика и осмысление эвристической задачи как нерешаемой ситуации; апробирование собственных личностных стереотипов (шаблонов действия) и их фальсификация, опровер-

жение или дискредитация; переосмысление личностных стереотипов, проблемно-конфликтной ситуации и себя в ней заново.

Соответственно, процесс переосмысления, опровержения и переоценки выражается в изменении отношения не только к проблемной ситуации в трудной эвристической задаче, но и к себе самому. Процесс переосмысления и переоценки выражается в виде определенных решений, действий и поступков, а также в изменении отношения к своим знаниям, поведенческим шаблонам, стереотипам действий, к своим умениям и к своему личному, психологическому и социальному опыту. Он выражает создание конфликта, оценку причин конфликта и мобилизацию собственных ресурсов для его разрешения.

С точки зрения отечественного исследователя Ю. М. Орлова, личностный тип рефлексии характеризует самоопределение личности, а это всегда связано с личностным развитием и ростом, с формированием и развитием индивидуальности. Ю. М. Орлов называет это «сверхличностным образованием» [6, с. 44–46]. Коммуникативная рефлексия выделяется как особый феномен, имеющий отношение к общению в широком смысле. Коммуникативная рефлексия — это необходимая самооценка субъекта в любом виде коммуникативного взаимодействия, связана с проблемами социальной перцепции и социальной эмпатии в общении.

Коммуникативную перцепцию А. А. Бодалев характеризует как специфический метод познания в теории и практике коммуникации и в коммуникативистике вообще [7, с. 134–136]. Г. И. Давыдова выделяет два вида (уровня) интеллектуальной рефлексии: формальную и содержательную. Первая характеризует выяснение и оценки того, как, каким способом производится то или иное действие, вторая выражает обобщенное представление о собственном действии [8]. Ю. М. Орлов предлагает выделять такие разновидности рефлексии, как экзистенциальная, культуральная и саногенная [7, с. 44–46]. С экзистенциальной рефлексией связаны глубинные, экзистенциальные смыслы жизни личности. Социально-личностная рефлексия, характеризующая экзистенциальные механизмы адаптации, как пишет автор, возникает в виде реализации воздействия «эмоциогенных ситуаций», которые ведут к психическому переживанию стресса, страха, чувств вины, стыда, обиды и т. п. Экзистенциальная рефлексия способствует снижению уровня негативных эмоций, порожденных указанными чувствами. Значит, экзистенциальная рефлексия — выражение социально-психического механизма регулирования и саморегулирования различных эмоциональных состояний человека.

Культуральная и саногенная рефлексии касаются глубинных основ человеческого существования, переплетаются с достижением эмоционального благополучия, эмоционального комфорта и удовольствия. Как отмечает Л. И. Адамян, саногенная рефлексия также характеризует различные деструктивные и угрожающие личности тенденции развития событий, связана с выработкой, оценкой различных стратегий противостояния неблагоприятному положению дел [9, с. 16].

Свою лепту в различении разных уровней социально-личностной рефлексии внесла и экспериментальная психология. Так, Н. И. Гуткина экспериментально установила, что есть смысл выделять самостоятельные уровни рефлексии (логическая рефлексия, личностная рефлексия, межличностная рефлексия) [10, с. 34–36]. При этом логическая рефлексия трактуется как рефлексия рациональная, ориентированная на осмысление рациональных действий человека. Личностная рефлексия характеризует социально-психические феномены в аффективно-потребностной сфере, связана с проблемами мотивации действий и с осознанием последствий действий человека. Она характеризует, по мнению автора, процессы функционирования самосознания индивида. Межличностная рефлексия направлена на понимание и оценку своего места и роли по отношению к другому человеку или к другим людям. Раскрытие механизмов межличностной рефлексии показывает, что она применима в межличностной коммуникации.

Такие исследователи, как Б. П. Ковалев, С. В. Кондратьева, Л. А. Семчук, в анализе разновидностей социально-личностной рефлексии упор делают на рефлексию, которая реализуется в процессе обучающего общения [11, с. 23–25]. Они выделяют различные уровни социально-личностной рефлексии: социально-перцептивный, коммуникативный и личностный. Социально-перцептивная рефлексия выражается, по их мнению, в процессах переосмысления, переоценки, перепроверки и переформатирования собственных представлений, знаний и мнений, которые уже у индивида сформировались до возникновения обучающей ситуации. Коммуникативная рефлексия выражает осознание индивидом того, как в процессе коммуникации и межличностного общения он воспринимается другими. Личностная рефлексия заключается в осмыслении себя, своего сознания и мира своей психики. Ее характерной направленностью является самопознание.

Применительно к коммуникативной рефлексии имеют место различные ее уточнения и дополнения. Е. В. Лушпаева характеризует такой тип рефлексии, как «рефлексия в общении», который, по ее мнению, есть система рефлексивных отношений, возникающих лишь в процессе межличностного коммуникативного взаимодействия. Автор выделяет несколько компонентов в структуре коммуникативной рефлексии: так называемую личностную коммуникативную рефлексию своего «Я», социально-перцептивную коммуникативную рефлексию (рефлексия другого «Я»), рефлексию коммуникативной ситуации, рефлексию коммуникативного взаимодействия [12, с. 14]. Есть смысл различать различные уровни социально-личностной рефлексии с точки зрения темпоральных параметров, тогда явным образом нужно выделять ретроспективную, ситуативную и перспективную рефлексию.

Ретроспективная рефлексия — это осознание, оценка, осмысление и переосмысление своих поступков в прошлом, которые производятся в соответствии с тем, что субъект данной переоценки смотрит на свой собствен-

ный прошлый мир другими глазами, с учетом другого опыта и багажа знаний. Шкала оценок и самооценок личности во многом зависит от того, какие мерила оценок и самооценок сложились у человека и прошли практическую апробацию во множестве ситуаций. В этом плане ситуативная рефлексия — форма социально-личностной психической адаптации к множеству возникших различных ситуаций. Ситуативная рефлексия выражается в различных формах мотивации и обоснований такой мотивации, что дает возможность обеспечивать адекватную включенность человека в возникающие ситуации, осмысливать их, давать оценку себе, самой ситуации, рассматривать применительно к данной ситуации свой опыт. Ретроспективная и ситуативная рефлексии формируют перспективную рефлексию как перенесение опыта социально-личностной психической адаптации из прошлого и настоящего в будущее.

При характеристике различных уровней социально-личностной рефлексии необходимо учитывать, что субъектом оценки и самооценки может быть не только отдельный индивид, но и социальная группа. В исследованиях этой проблемы можно проводить разграничение данных уровней рефлексии. И. С. Ладенко предлагает выделять внутрисубъектные и межсубъектные уровни рефлексии. Согласно такому подходу, на внутрисубъектном уровне он различает корректирующую, избирательную, дополняющую, кооперативную, состязательную и противодействующую рефлексии [13, с. 67–69]. В этом плане корректирующая рефлексия — метод адаптации избранного способа действия применительно к конкретным условиям или ситуации. Избирательная рефлексия, по мнению автора, дает возможность выбора определенного способа разрешения возникшей проблемы. Дополняющая рефлексия характеризует такую форму адаптации, которая свойственна для решения сложных, многофакторных задач. Тогда для разрешения возникшей ситуации требуются дополнительные средства, ресурсы и способности.

Кооперативная рефлексия дает возможность соединить несколько агентов действия для разрешения той или иной проблемы. В этом случае действует коллективный субъект, который может ориентироваться на корректирующую, избирательную или дополняющую рефлексии. Состязательная рефлексия — это особая форма рефлексивной групповой (коллективной) адаптации и самоорганизации. Она используется для увеличения эффективного действия рефлексивных механизмов посредством соревнования, конкуренции или соперничества. При этом выбирается лучшая стратегия — стратегия победителя. Противодействующая рефлексия является формой существования состязательной рефлексии и выражается в виде противоборства или борьбы двух или более агентов за доминирование собственной стратегии адаптации к сложной ситуации.

Осмысление различных форм социально-личностной рефлексии дает возможность условно выделить два основных вида рефлексии как первичные мета-понятия, связанные с синтезом конкретных дисциплинарных под-

ходов: внутрисубъектную рефлексию и предметную. Первая характеризует внутрисубъектные механизмы саморегуляции и самооценки: личностную, интеллектуальную, сверличностную, экзистенциальную, логическую, самообучающую и социально-перцептивную рефлексии. Указанные уровни внутриличностной рефлексии имеют интравертивную направленность. Предметная рефлексия характеризует экстравертивную направленность социально-личностной психической саморегуляции и адаптации, направленность на предмет и объект, связана с направленностью на необходимость ситуационного анализа, на предметные составляющие собственной деятельности. Она включает в себя ретроспективную, ситуативную, перспективную, коммуникативную, межличностную, межсубъектную, дополнительную, кооперативную, состязательную и противодействующую рефлексии. Обе основные формы социально-личностной рефлексии могут быть реализованы на двух уровнях: на уровне повседневной научной рефлексии.

Повседневная рефлексия основывается на обычном личном опыте, она не проверена социальными практиками, не связана с теоретическими обобщениями и лишена четкого понятийного аппарата. Научная рефлексия, в отличие от повседневной, — теоретическое обоснование социальных практик рефлексии, теория социальной рефлексии. Она основывается на системном подходе и эксплицируется в системе понятий и принципов. Как подчеркивает И. Н. Болдырева, научная рефлексия может реализовываться на социально-личностном уровне при условии научного подхода к анализу субъектного поведения и объективной научной оценки предметных ситуаций, а также быть формой самосознания той или иной формы общественного сознания, например, науки в виде науковедения [14; 15, с. 10].

Формы и уровни социально-личностной рефлексии можно множить в зависимости от конкретного авторского подхода. Необходимо перейти к смысловому подходу в характеристике различных уровней социально-личностной рефлексии. В этом направлении тоже существует много различных дисциплинарных методов. М. К. Тутушкина, характеризуя смысл социально-личностной рефлексии, считает необходимым отталкиваться от осмысления функций рефлексии. Она выделяет две основные функции социально-личностной рефлексии: конструктивную и контрольную [16, с. 10].

Конструктивная функция рефлексии — это процесс эвристического поиска, выявления, установления и осмысления связей между существующей или возникшей ситуацией и мировоззренческим и интеллектуальным багажом личности, который применим к данной ситуации. Конструктивная рефлексия (как способ эффективной адаптации) — форма активизации рефлексивных механизмов саморегуляции в деятельности, общении и поведении. Контрольная рефлексия характеризует процесс отладки, экспликации, проверки и использования обнаруженных связей, которые имеют место между существующей (или возникшей) ситуацией и интеллектуальным багажом личности.

И. С. Ладенко, И. Н. Семенов и С. Ю. Степанов выделяют три формы социально-личностной рефлексии: рефлексии в области самосознания, рефлексии образа действия и рефлексии профессиональной деятельности [17, с. 98–99]. Первые две формы социально-личностной рефлексии являются основой для развития и формирования третьей формы социально-личностной рефлексии. Рефлексия в области самосознания — это такой социально-личностный психический феномен, который является основой формирования сензитивных способностей человека. Рефлексия в области самосознания реализуется на трех уровнях:

- отражения с последующим самостоятельным конструированием личностных смыслов;
- осознания себя как отдельной, самостоятельной и автономной личности, которая отличается от других;
- осознания себя как актора, агента и субъекта коммуникативных взаимоотношений. На этом уровне осуществляется анализ собственного влияния на окружающих.

Таким образом, социальная рефлексия — это многогранное и многоуровневое индивидуально-личностное и социальное явление. Это обусловлено сложностью и многогранностью индивидуального и массового сознания, многоуровневостью тех групповых, социальных и социальных отношений, в которых реализуется социальная рефлексивность.

Список литературы

1. Лефевр В. А. Формула человека. М., 1991. 108 с.
2. Лефевр В. А. Алгебра совести. М., 2003. 426 с.
3. Лефевр В. А. Рефлексия : сб. М., 2003. 490 с.
4. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. 381 с.
5. Степанов С. Ю., Семенов И. Н. Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач // Вопросы психологии. 1982. № 1. С. 100–101.
6. Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности : кн. для учителя. М., 1991. 287 с.
7. Бодалев А. А. Психология общения. Воронеж, 1996. 256 с.
8. Давыдова Г. И. Методы рефлексивно-диалогического развития мышления и личности // Рефлексивные процессы и управление (7–9 окт. 2003 г.) : тезисы 4-го междунар. симпозиума. М., 2003. С. 33–36.
9. Адамян Л. И. Саногенная рефлексия как фактор психической устойчивости личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 29 с.
10. Гуткина Н. И. Психологическая готовность к школе. М., 2000. 184 с.
11. Ковалев Б. П., Кондратьева С. В., Семчук Л. А. Психология школьного конфликта: социально-перцептивные и рефлексивные аспекты. Гродно, 2001. 171 с.
12. Лушпаева Е. В. Развитие рефлексии в общении средствами социально-психологического тренинга : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1989. 31 с.
13. Ладенко И. С. Социализация идей генетической логики и становление интеллектики. Новосибирск, 1993. 83 с.
14. Болдырева И. Н. Специфика социальной рефлексии в реформаторской деятельности. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-6-2011/sociology/boldyreva.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).
15. Болдырева И. Н. Философский анализ рефлексии в социальных процессах : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 27 с.
16. Тутушкина М. К. Практическая психология : учебник. СПб., 2001. 368 с.
17. Ладенко И. С., Семенов И. Н., Степанов С. Ю. Философские и психологические проблемы исследования рефлексии. Новосибирск, 1989. 147 с.

Multilevel Character of Social and Personal Reflection

Narykov Nikolay V.,

Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Sociology, the Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar, Russia. e-mail: nikkuban@mail.ru

Anistratenko Tatyana G.,

Candidate of Sciences (Politics), Professor at the Department of Regional Science and Eurasian Research, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia. e-mail: tanis63@list.ru

The article considers social reflection as a multifaceted and multilevel individual-personality and social phenomenon determined by the complexity and multi-facet character of individual and mass consciousness, the multilevel character of group, societal and social relations in which social reflexivity is realized, by the levels of its individual, social group and mass manifestation, social functions and its belonging to social processes. The study of social reflexivity and its subject-personality quality was conducted from the point of view of practical activity and creative social-cognitive integrity. The authors stress that as a personal and social quality, it is an expression of the correspondence of personal values to social values and in this respect it indicates the attitude to social reality and a criterion of social reasoning of any action. Social reflection serves as the basis for developing strategies for both individual and group behaviour; it measures self-expression and self-development, and is the basis for acquiring general social meanings by individuals.

Keywords: social reflexivity, level of social reflection, communicative reflection, retrospective reflection, selective reflection, constructive reflection, control reflection, professional reflection.

Citation: Narykov N. V., Anistratenko T. G. Multilevel Character of Social and Personal Reflection. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70). 2017. P. 36–39.

О причинах наркотической зависимости подростков

Федор Федорович Караваяв,

почетный работник общего и специального образования, преподаватель высшей категории
Саянской гимназии № 1 им. В. А. Надькина
Саянск, Россия. e-mail: karavaev@mail.ru

Татьяна Алексеевна Бадулина,

почетный работник общего и специального образования, преподаватель высшей категории
Саянской гимназии № 1 им. В. А. Надькина
Саянск, Россия. e-mail: karavaev@mail.ru

Возможными предпосылками начала потребления наркотиков могут быть как социальные причины (неблагополучная семья, отсутствие реальной программы досуга и занятости несовершеннолетних), так и индивидуально-психологические факторы (подражание старшим или авторитетным сверстникам, попытка нейтрализовать отрицательные эмоции, любопытство, подчинение давлению и угрозам). Среди объективных причин, порождающих наркотизм у несовершеннолетних, важными являются деформация семейного воспитания (алкоголизм или наркотизация родителей, культ вседозволенности, насаждаемый в отдельных семьях, недооценка родителями пагубного пристрастия ребенка к наркотикам), провоцирующая роль СМИ, влияние неформальной группы, дефекты педагогической ситуации, отсутствие жизненной перспективы, мода на наркотики, негативное воздействие на несовершеннолетних со стороны взрослых, потребляющих наркотики. К субъективным причинам наркотизма несовершеннолетних относят: эмоциональную незрелость, низкую устойчивость к психическим перегрузкам, повышенную тревожность, неуверенность в себе, низкую самооценку, осознание своей ущербности, импульсивность поведения, дефекты самоконтроля, дефектность оценки ценностей, духовное невежество, повышенную внушаемость, склонность к самоутверждению.

Ключевые слова: молодежная среда, насилие в семье, наркотическая зависимость, дефекты педагогической системы.

Для цитирования: Караваяв Ф. Ф., Бадулина Т. А. О причинах наркотической зависимости подростков // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 40–44.

Актуальность работы обусловлена теоретической и практической значимостью изучения вопросов, связанных с состоянием, структурой и динамикой наркотической преступности.

Анализ причин наркоманийной виктимизации населения в России предполагает выявление как общих, так и особенных факторов, ее обуславливающих. При этом речь идет о комплексе факторов, способствующих виктимизации вообще и наркоманийной виктимизации населения в частности [1, с. 140].

Подчеркнем, что проведение радикальных экономических реформ вызвало интенсивные процессы маргинализации, которые приняли массовый характер. При этом наиболее уязвимым в нынешней социально-экономической ситуации оказалось молодое поколение [2, с. 103].

Виктимизация юношества в условиях дезорганизации общественной жизни связана с поляризацией экономического и социального положения детей и подростков из разных слоев населения. Виктимогенность подростков берет начало в контрастах их материального положения. Дети из бедных слоев общества могут быть лишены достаточного питания, одежды и иных благоприятных для социализации условий жизни. Это объективные обстоятельства виктимизации подростков, следующие из самого факта нахождения семьи на низком материальном уровне. Они и формируют в личности подростка виктимогенные качества, повышающие для него риск стать жертвой наркотизма [2, с. 104].

Отметим и то, что в современном российском обществе ребенок из материально благополучной семьи тоже виктимизируется контрастом экономического положения семей. Во-первых, такие подростки становятся

жертвами криминальных посягательств со стороны подростков, входящих в различные делинквентные группировки. В значительной мере этим объясняется, например, школьный рэкет, жертвами которого часто являются дети, имеющие карманные деньги, модные и престижные в подростково-молодежной среде вещи и прочие аксессуары благополучия. Во-вторых, у таких подростков на фоне недоступности многих материальных благ для значительной части своих сверстников формируется стереотип вседозволенности, который увеличивает возможность нарушения моральных и правовых норм, что также делает данного подростка уязвимым для криминальных посягательств [3, с. 354].

В подростково-молодежной среде отмечается тенденция к падению социальной ценности труда, престижа важных для общества профессий. В трудовой мотивации молодежи приоритет отдается не содержанию труда, а материальной выгоде.

Критичная ситуация складывается с использованием труда подростков, не достигших трудоспособного возраста. Идет рост неформальной занятости несовершеннолетних в теневых структурах, где есть возможность получать большие (пусть даже криминальные) доходы. Один из таких способов — торговля наркотиками в подростково-молодежной среде. При этом подростки, с одной стороны, попадают в растущую зависимость от оптовых наркоторговцев, с другой — формируют социальную базу для сбыта наркотиков в подростковой среде, расширяя как сферу зависимости несовершеннолетних от наркодилеров, так и сферу их виктимизации.

Общая виктимизация несовершеннолетних обусловлена снижением роли молодого поколения в общественной жизни. Причины кроются не только в со-

циальной дезорганизации и крушении идеалов, но и в благоприятных возможностях, которые открывает делинквентное поведение, если оно сулит реальные блага. Подростки все больше усваивают ролевые модели преуспевающих делинквентов, участвующих в организованной или профессиональной преступности, которые получили влияние, престиж и высокое положение в обществе. В результате кризис социальной невостребованности молодежи повлек интенсивную криминализацию и, как следствие, виктимизацию подростково-молодежной среды [4, с. 53].

Существенным фактором, способствующим росту наркотизации, выступает безработица. В настоящее время найти работу трудно даже дипломированным специалистам с большим стажем. Что говорить о молодых людях, получивших (в лучшем случае) среднее образование? Учеба в вузах с каждым днем становится уделом избранных. Возможность устроиться на работу у подростков фактически отсутствует, поскольку повсеместно идет последовательное сокращение рабочих мест на предприятиях и в организациях. Получается, что в 16–17 лет подростки не имеют возможности занять себя каким-либо полезным делом, фактически остаются предоставлены сами себе [5, с. 50].

Невостребованность со стороны общества отрицательно сказывается на становлении личности несовершеннолетних, развивает у последних чувство собственной никчемности, приводит к изоляции от окружающих и к психическим расстройствам, вызывает внутренний протест против подобного отношения.

Одним из самых существенных факторов, влияющих на поведение несовершеннолетнего, является стремление к объединению со сверстниками. Группа дает то, чего не могут или не умеют дать родители или школа: эмоциональную поддержку, одобрение, ощущение безопасности и собственного признания. Занять определенное положение среди сверстников, общаться именно с ними — одна из целей психического развития подростка. Удовлетворяя в группе различные потребности, подросток связывается с ее участниками неформальными узами солидарности (отсюда и часто употребляемый термин «неформальные группировки»), принимает господствующий в ней стиль взаимоотношений и выступает против любых нападков на привитые в ней нормы.

Потребность в наркотиках часто реализуется именно в подростковой группе, структура и направленность деятельности которой во многом определяют становление наркомании. Такие группы вовлекают тех несовершеннолетних, воспитанием которых родители занимаются мало, не контролируют их поведение в свободное время. У подростков из подобных семей, с одной стороны, оказываются неудовлетворенными их основные эмоциональные потребности, с другой — сложившаяся у них при таком отношении со стороны родителей система ценностей характеризуется примитивностью, упрощенностью, нередко аморфностью и может быть названа системой лишь с большой натяжкой. Им присущи дефицит интересов и увлечений, отсутствие личной перспективы,

неумение занять свободное время и т. д. Тем самым образуется двойной вакуум, который с легкостью может быть заполнен асоциальными формами поведения. Часто лица, вовлеченные в группы с отрицательной направленностью поведения, совершают действия, которые они не совершили бы в одиночку [6].

Серьезным фактором, способствующим развитию наркотизма среди несовершеннолетних, стала относительная доступность наркотиков. Еще десять лет назад приобрести наркотики можно было с трудом и в ограниченных количествах, а для несовершеннолетних это было еще большей проблемой. В настоящее время приобрести наркотики без особых сложностей может практически любой желающий, в любом необходимом количестве. Например, только в г. Омске ежегодно выявляются свыше 720 точек сбыта наркотиков, а в г. Новосибирске — более 1000 [7, с. 40]. К таким местам можно отнести рынки, коммерческие киоски, места компактного проживания лиц определенных этнических групп, активно занимающихся торговлей наркотиками; вокзалы, крупные торговые точки и другие места большого скопления людей, включая бары, дискотеки, и т. д.

Одним из ведущих факторов виктимизации несовершеннолетних является насилие в семье. В России в 40% из 23 млн семей с детьми так или иначе имеет место насилие. По данным аналитического центра Государственной Думы России, 30–40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семьях. Около 95% всех пострадавших от насилия в семье — это женщины и дети. До 70% случаев нанесения тяжких телесных повреждений происходит в результате семейных конфликтов. Почти 38% от общего числа убитых на почве семейно-бытовых отношений являются дети, инвалиды, женщины. В большинстве случаев преступления, связанным с бытовыми причинами (ревность, хулиганство, алкоголизм и наркомания), предшествуют длительные семейные конфликты [8, с. 28–29].

По причине насилия в семье более 50 тыс. детей убегают из дома, а 25 тыс. несовершеннолетних находятся в розыске. Сейчас в России более 2 млн беспризорников, каждый год регистрируется более 2500 фактов лишения родительских прав, около 200 тыс. детей воспитываются в детских домах [9, с. 100]. Нет ничего странного в том, что сложившаяся обстановка представляет собой благоприятную почву для развития наркотизации общества.

К семейным факторам наркоманий виктимизации следует отнести и низкий уровень информированности родителей о способах противодействия наркомании, неумение родителей создать в семье благоприятный психологический климат. Реакции родителей обычно сводятся к попыткам убеждения ребенка перестать принимать наркотические средства, порвать с этой средой, довольно часто угрозы. Однако это не приносит положительных результатов, подросток уходит в себя, контакт с родителями нарушается еще больше. На фоне высокого доверия детей к родителям такая ситуация может сыграть негативную роль при выборе методов профилактики.

Растущая наркоманийная виктимизация несовершеннолетних связана и с неудовлетворительной инфор-

мированностью подростков о последствиях употребления наркотиков и их незаконного оборота. Около 30% не знают о медицинских последствиях злоупотребления наркотиками. Почти 23% не обладают необходимой информацией о СПИДе, не знают о роли наркомании в его распространении [10].

Большинство детей, уходящих из дома, из семей, занимаются бродяжничеством, воровством, проституцией. Они находят приют в различных притонах, где усваивают различные образцы девиантного поведения. Одним из распространенных атрибутов девиантных подростково-молодежных субкультур являются наркотики. Их потребление подростком становится необходимым для принадлежности к девиантным группам. По экспертным оценкам, около трети таких подростков эпизодически или систематически употребляют наркотики, практически все из них становятся жертвами различных посягательств [10].

Риск наркотизации объективно возрастает в случае распада семьи. Подростки, как правило, тяжело переживают развод родителей, особенно когда он происходит в обстановке взаимных упреков и оскорблений. М. И. Буянов отмечает: «Родители, даже пребывая в разводе, должны сохранять хотя бы внешне неплохие отношения друг с другом, чтобы у ребенка не нарастало зависти или ожесточения, чтобы ему не приходилось становиться в позицию обвинителя отца или матери. Если же родители порочат друг друга в глазах подростка, то потом он сможет перенести неприязнь или недоверие к ним на весь род людской, может стать террористом или циником, расчетливым тираном или потерявшим всякое самоуважение наркоманом» [11, с. 38].

В среде подростков, начавших потреблять наркотические средства, немало тех, которые подобным образом пытаются доказать взрослым, что они тоже личности. Данное поведение возникает тогда, когда несовершеннолетним кажется, что родители ущемляют их права на самостоятельность, независимость. Несовершеннолетние в ответ восстают, родители сталкиваются с упрямством, своеволием, действиями наперекор. Подросток пытается отстоять право самому решать возникшие проблемы. И не столь важно, что его решения не очень обдуманные или удачные. Доказать свое «Я» — это главное. Родители запрещают общаться с «плохими» ребятами, употреблять спиртное, наркотики, а молодой человек показывает: «Я хочу и буду, хотя это и плохо».

Формированию взглядов на потребление наркотических средств (как на допустимую норму поведения в несовершеннолетнем возрасте) в значительной мере способствуют средства массовой информации. Можно утверждать, что они активно навязывают так называемую наркотическую идеологию, основу которой составляет пропаганда потребления возбуждающих и одурманивающих средств как неотъемлемого атрибута современной молодежной субкультуры [12, с. 11]. Не так часто можно услышать слова осуждения в адрес наркомании с экранов телевизоров, причем нередко речь идет не о том, что наркотические средства вредны сами по себе, а о том, что вредно лишь их чрезмерное потребление. Даже если СМИ освещают

какую-либо акцию, направленную против наркомании (например, «Рок против наркотиков»), то материал подается особым образом, что приводит к диаметрально противоположному эффекту (в клубе обычно толпы беснующихся подростков с признаками наркотизации).

Нередко СМИ впадают и в другую крайность, происходит запугивание несовершеннолетних негативными последствиями потребления наркотических средств на фоне сенсационного материала. Это не только не сдерживает, но и излишне разжигает интерес к наркотическим средствам.

Мотивация начала потребления наркотических веществ зависит не только от внешних факторов, но и от внутренних, личностных качеств самого человека.

Мотивация употребления наркотических веществ имеет несколько форм:

1) атарактическая мотивация заключается в стремлении применения веществ в целях смягчения или устранения явлений эмоционального дискомфорта. В данном случае вещество, вызывающее опьянение, используется как лекарственный препарат, снимающий негативные феномены и симптомы душевного неблагополучия. Среди симптомов, которые подталкивают человека к употреблению таких веществ, оказываются страх, тревога, депрессия и их разновидности. Повышенная эмоциональная насыщенность, негативный фон настроения способствуют выбору в пользу наиболее легкого решения проблем. Снятие симптомов происходит химическим путем, т. е. через употребление наркотиков;

2) гедонистическая мотивация выступает продолжением и развитием атарактической, но отличается от нее по качеству. Атарактическая мотивация приводит эмоциональное состояние в норму из сниженного настроения, а гедонистическая способствует повышению нормального (несниженного). Гедоническая направленность проявляется в получении удовлетворения, в испытании чувства радости от приема наркотиков на фоне обычного ровного настроения, в поиске необычного действия веществ (резкое превращение серого существования в праздник жизни). К веществам, используемым при гедонистической мотивации, относят марихуану, опий, морфин, кокаин, ЛСД;

3) субмиссивная мотивация применения веществ отражает неспособность человека отказаться от приема наркотических веществ. Неспособность противостоять давлению идет из характерологических или личностных особенностей человека. Нередко это обусловлено зависимыми чертами характера (робость, застенчивость, конформность, осторожность в общении), когда несовершеннолетний старается избегать ситуации осуждения. Страх оказаться вне группы, быть изгнанным из нее, стать белой вороной является важным для субмиссивной мотивации употребления наркотических веществ;

4) псевдокультурная мотивация основывается на мировоззренческих установках и эстетических пристрастиях. Человек рассматривает употребление дурмана как изысканность вкуса, причастность к кругу избранных. В большей степени здесь важно не само употребление вещества, а демонстрация этого процесса окружающим.

Говоря о причинах первой пробы наркотика, не надо забывать о том, что несовершеннолетний в возрасте 12–15 лет — личность глубоко незрелая, во многом дисгармоничная. Сознание оторвано от реальности, представление о людских взаимоотношениях, оценки своих и чужих поступков несоразмерны действительным отношениям людей. Подросток, например, часто судит по принципу «все или ничего», его внутреннее зрение носит контрастный характер, не различая сложности мира, его полутонов и переходных ступеней. При всем стремлении к самостоятельности и взрослости, при внешнем упрямстве юноша сам не осознает, чего именно хочет, каких конкретных жизненных целей ожидал бы достичь. Отсюда ложное понимание товарищества, основанное на неправильном противопоставлении интересов, склонностей, намерений узкой группы людей, направленности всего общества. Часто именно под давлением приятелей несовершеннолетние совершают действия и поступки, а иногда и правонарушения, хорошо осознавая их неправильность или даже вред, но при этом они считают своей обязанностью или приятельским долгом следовать примеру [13, с. 56]. Поэтому хвалебные рассказы сверстников о полученном в результате потребления наркотического средства удовольствии нередко приводят к тому, что у подростка возникают желание и потребность их проверить, испытать все самому.

Раннее начало наркотизации связано и с депрессивным состоянием несовершеннолетнего, которое проявляется в унынии, тревожности, сильной тоске, заторможенности. Депрессивное состояние возникает из-за увеличивающейся интеллектуальной, эмоциональной и сенсорной нагрузки на ребенка, роста числа дистрессов, действующих на психику подростка (стихийные бедствия, терроризм, различные катастрофы, войны и др.).

В настоящее время общество переживает период становления новых ценностей. Старые идеалы полностью не исчезли, но и новые (свобода, демократия, рыночная экономика и т. п.) еще не всеми поняты, приняты.

В обществе возник своеобразный вакуум, который тяжело заполнить даже взрослым и зрелым людям. Молодым всегда труднее определиться с ценностями, они падки на соблазны, которых в настоящее время становится все больше, что создает благоприятные условия для наркотизации.

Таким образом, из числа объективных причин, порождающих наркотизм среди несовершеннолетних, можно выделить деформацию семейного воспитания (алкоголизм или наркотизация родителей, культ вседозволенности, насаждаемый в отдельных семьях, недооценка родителями

пагубного пристрастия к наркотикам их ребенка), провоцирующую роль СМИ, влияние неформальной группы, дефекты педагогической ситуации, безработицу, невостребованность со стороны общества, отсутствие жизненной перспективы, моду на наркотики, негативное воздействие на несовершеннолетних со стороны взрослых, употребляющих наркотики.

К субъективным причинам наркотизма несовершеннолетних относят эмоциональную незрелость, низкую устойчивость к психическим перегрузкам, повышенную тревожность, неуверенность в себе, низкую самооценку, осознание своей ущербности, импульсивность поведения, дефекты самоконтроля, дефектность оценки ценностей, духовное невежество, повышенную внушаемость, склонность к самоутверждению.

Список литературы

1. Осина О. Н. Подростковый наркотизм как угроза национальной безопасности государства // Правовая культура. 2009. № 1. С. 140–147.
2. Романова Л. И. Наркомания и наркотизм. СПб., 2003. 481 с.
3. Плешаков А. А. Наркомания в молодежной среде и ее взаимосвязь с иными девиантными проявлениями среди молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 4. С. 354–360.
4. Осипова Р. Г. Наркомания в молодежной среде: причины распространения и возможные методы профилактики // Молодой ученый. 2011. № 7. С. 53–59.
5. Неупокоева И. А. Наркомания и безработица: криминологический аспект проблемы // XXI век и наркотики: пути решения проблемы : мат-лы науч.-практ. конф. (декабрь 2005 г.). Омск, 2005. Вып. 4. 92 с.
6. Зяидова Д. З. Криминальная романтика школьников // Следователь. 2002. № 11. С. 41–42.
7. Панова Е. В. Актуальные вопросы наркоситуации в России // Российский следователь. 2004. № 8. С. 39–43.
8. Ермаков Ю. М., Исаков С. А., Новиков В. П., Симоненко А. В. Наркомания и незаконный оборот наркотиков. Вопросы теории и практики противодействия : учеб. пособие. М., 2006. 303 с.
9. Омигов В. И. Актуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Экономическая безопасность России. 2004. № 4. С. 97–101.
10. Целинский Б. П. Современная наркоситуация в России: тенденции и перспективы // Наркология. 2004. № 5. С. 8–10.
11. Буянов М. И. Размышления о наркомании. М., 1990. 80 с.
12. Панов С. Л. Проблема наркомании среди несовершеннолетних // Подходы к решению проблемы законоотворчества и правоприменения : межвуз. сб. науч. тр. Омск, 1995. С. 8–11.
13. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. 160 с.

On the Causes of Juvenile Drug-Addiction

Karavaev Fedor F.,

Honorable Worker of General and Special Education, Teacher of Higher Category
at V.A. Nadk'in Sayansk Gymnasium No. 1
Sayansk, Russia. e-mail: karavaev@mail.ru

Badulina Tatyana A.,

Honorable Worker of General and Special Education, Teacher of Higher Category
at V.A. Nadk'in Sayansk Gymnasium No. 1
Sayansk, Russia. e-mail: karavaev@mail.ru

Possible prerequisites of drug use can be both social reasons – problem family, lack of actual juvenile leisure and employment programme, and individual psychological factors – imitating the elder or authoritative peers, attempt to neutralize negative emotions, abnormal personal traits, curiosity, submission to pressure and threats. Objective causes of juvenile drug-addiction include deformation in family upbringing (parents' alcoholism or drug-addiction, cult of total permissiveness imposed in some families, parents' undervaluation of the child drug abuse), provocative role of mass media, informal group influence, pedagogical situation defects, lack of life prospects, fashion of drugs, adult drug-users' negative influence on juveniles. Subjective causes of juvenile drug-addiction involve emotional immaturity, weak resistance to psychic overloads, increased anxiety, lack of self-confidence, low self-estimate, awareness of their own deficiency, impulsiveness of behaviour, defects in self-control, value estimate deficiency, moral ignorance, increased suggestibility, proneness to self-assertion.

Keywords: youth environment, domestic violence, drug-addiction, defects in pedagogical system.

Citation: *Karavaev F. F., Badulina T. A. On the Causes of Juvenile Drug-Addiction. Psychopedagogy in Law Enforcement. No. 3(70). 2017. P. 40–44.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 005:37 © Ю. А. Мазнева, 2017

Об интерактивных формах проведения занятий по английскому языку в Ростовском юридическом институте МВД России

Юлия Александровна Мазнева,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных языков
Ростовского юридического института МВД России
Ростов-на-Дону, Россия. e-mail: julimazneva81@yandex.ru

Для решения воспитательных и учебных задач на занятиях по английскому языку в институте широко используются следующие интерактивные формы: круглый стол, мозговой штурм, презентации, дискуссии, конкурсы практических работ с их обсуждением, практические групповые и индивидуальные упражнения, обсуждение специальных видеозаписей, групповые работы с авторскими пособиями и иллюстративными материалами, деловые и ролевые игры. Деловая игра — это средство моделирования условий профессиональной деятельности, имитирующее разные аспекты человеческой активности и социального взаимодействия. Метод деловых игр представляет собой специально организованную деятельность по актуализации знаний, полученных при изучении профильных дисциплин, активизации теоретических знаний, по их переводу в деятельностный контекст, формированию коммуникативной компетенции. Сценарий ролевой игры «Детективы», представленный на обсуждение, является базовым элементом и основным документом для ее проведения, позволяет рассмотреть практически все этапы уголовного судопроизводства. Представленные интерактивные методы проведения занятий предполагают активное участие каждого курсанта в учебном процессе и повышают уровень профессионального владения английским языком.

Ключевые слова: интерактивные формы обучения, английский язык, сценарий ролевой игры, юридическая лексика, методика преподавания английского языка.

Для цитирования: Мазнева Ю. А. Об интерактивных формах проведения занятий по английскому языку в Ростовском юридическом институте МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 45–50.

В последнее время активно происходят процессы, связанные с модернизацией образования и интеграцией образовательного пространства разных стран. Обращаясь к Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2016 г., В. В. Путин отметил, что для хорошего образования нужна профессиональная, мотивированная работа педагога, прорывные новые обучающие технологии¹. Одним из требований Федерального государственного образовательного стандарта является реализация основных образовательных программ бакалавриата (подготовки специалиста) с учетом использования в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в целях формирования профессиональных компетенций обучающихся.

Количество занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью основной образовательной программы, во многих направлениях подготовки они не должны превышать 20%. Согласно документам кафедры иностранных языков (планы прак-

тических занятий и рабочие программы дисциплины «Английский язык» для курсантов очной формы обучения по направлениям подготовки 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности и 40.05.02 Правоохранительная деятельность) количество практических занятий с использованием интерактивных методов составляет 30%.

Мы проанализировали труды российских и зарубежных авторов, в которых изучаются вопросы, связанные с:

- проблемой формирования профессиональных коммуникативных умений студентов — работы Л. В. Абдрахмановой, О. Ю. Левченко, М. Blalock [1–3];
- применением интерактивных форм в неязыковом вузе — работы М. В. Конышевой, М. П. Нечаева, В. Г. Павленко [4–6];
- трудностями оценивания студентов на занятиях [7];
- поиском путей активизации познавательной деятельности студентов [8–11].

¹ URL: <http://2016-god.com>>...presidenta-federalnomy-sobraniyu-na... (дата обращения: 02.03.2017).

Характерной чертой почти всех зарубежных исследований является рассмотрение инновационных методов преподавания как способов повышения мотивации к изучению английского языка — средства мировой коммуникации с другими языками и культурами [12–14].

На основе анализа методического материала можно утверждать, что интерактивные формы обучения английскому языку в неязыковом высшем образовательном учреждении не рассматриваются в контексте будущей современной профессиональной деятельности сотрудника полиции.

Социальная значимость и недостаточная изученность проблемы интерактивного обучения будущих офицеров полиции в высшем образовательном учреждении определили выбор темы данной статьи.

Считаем целесообразным рассмотреть интерактивные формы и методы обучения, обеспечивающие развитие познавательных мотивов и активизацию мыслительной деятельности курсантов и слушателей Ростовского юридического института.

Интерактивные методы обучения являются одним из важнейших средств совершенствования профессиональной подготовки студентов в высшем учебном заведении. Преподавателю недостаточно знать свой предмет и обучить курсантов произношению и интонации, лексике, грамматике, аудированию, монологической речи, диалогической речи, чтению, письму. Необходимо несколько иначе подходить к современному учебному процессу. Интерактивные методы обучения нацелены на активное взаимодействие курсантов не только с преподавателем, но и друг с другом. Преподаватель перестает быть центральной фигурой, он лишь регулирует процесс, дает задания, отвечает на вопросы, формулирует цели занятия, контролирует время, процесс усвоения материала и выполнения поставленной задачи. Цель интерактивного обучения заключается в создании благоприятных условий, при которых обучаемый чувствует свою успешность, интеллектуальную состоятельность. Достижение данной цели осуществляется посредством следующих задач: повышения мотивации к обучению; эффективного усвоения учебного материала; самостоятельного поиска учащимися путей и вариантов решения поставленной учебной задачи, ответов на сложные теоретические вопросы; умения работать в команде, формирования жизненных и профессиональных навыков.

Для решения воспитательных и учебных задач на занятиях по английскому языку в Ростовском юридическом институте МВД России широко используются следующие интерактивные формы: круглый стол, мозговой штурм, деловые и ролевые игры, презентации, дискуссии, конкурсы практических работ с их обсуждением, практические групповые и индивидуальные упражнения, обсуждение специальных видеозаписей, групповая работа с авторскими пособиями и иллюстративными материалами.

При подготовке занятия педагог определяет тему и форму интерактивного занятия, которая может быть эффективной для конкретной учебной группы, учитывая возраст участников занятия, их интересы, будущую

специальность. Определив цель занятия, преподаватель готовит программу занятия, раздаточные материалы, презентацию, материал для аудирования.

Рассмотрим подробно основные интерактивные методы, применяемые в указанном вузе на занятиях по английскому языку.

Круглый стол, дискуссия, дебаты

Круглый стол — метод активного обучения, одна из организационных форм познавательной деятельности учащихся, позволяющая расширить знания, а также закрепить и систематизировать полученные ранее знания, сформировать умение решать проблемы, укрепить позиции, научить культуре ведения дискуссии, повысить интерес к изучению английского языка, развивать логическое мышление и быстроту реакции, воспитывать трудолюбие, активность.

Основные цели проведения круглого стола — выработка у обучающихся профессиональных умений излагать мысли, аргументировать свои соображения, обосновывать предлагаемые решения и отстаивать свои убеждения².

При проведении круглого стола важно, чтобы курсанты не ограничивались докладами, обзорами, а высказывали свое мнение, используя доказательства, аргументы, наглядные материалы (схемы, диаграммы, презентации, видеозаписи, фотодокументы).

При проведении круглого стола необходимо расположить парты в виде круга, чтобы процесс коммуникации происходил глаза в глаза. Психологами доказано, что расположение участников лицом друг к другу приводит к возрастанию активности, увеличению числа высказываний, повышает мотивацию курсантов. Важно, чтобы преподаватель располагался внутри круга как равноправный член группы. В таком случае участники круглого стола адресуют свои высказывания друг другу, а не преподавателю, как это происходит в условиях обычного практического занятия, когда преподаватель обращен к курсантам, а они смотрят в затылок друг другу.

Круглый стол целесообразно проводить на завершающем этапе работы над темой или разделом (юнитом) и организовать следующим образом:

1. Преподаватель, учитывая интересы курсантов, формулирует вопросы, обсуждение которых позволит всесторонне рассмотреть проблему. Например, на первом курсе при изучении юнита «Подготовка офицеров полиции» курсанты знакомятся с историей создания Полицейской академии в США, с особенностями профессиональной подготовки полицейских в США, с требованиями, предъявляемыми к абитуриентам, желающим обучаться в полицейской академии. Курсанты знакомятся также с системой профессиональной подготовки офицеров полиции Великобритании и России. Трое наиболее подготовленных курсантов выступают по данным темам и отвечают на вопросы слушателей.

2. Вопросы, затрагивающие разные аспекты подготовки офицеров полиции Великобритании, США, России, распределяются по подгруппам и раздаются участникам

² URL: magistr.tstu.ru/upload/29_12_2012-13_42_00.doc (дата обращения: 10.03.2017).

для целенаправленной подготовки. В первую очередь вопросы адресуются выступающим, но ответить на них может любой слушатель, если он относится к другой подгруппе. В дискуссии принимают участие все курсанты.

3. Для освещения и разъяснения некоторых вопросов в качестве экспертов могут быть приглашены преподаватели кафедр криминалистики, теории государства и права, уголовного права, уголовного процесса. Отметим, что обсуждение вопросов на английском языке может усложнить понимание озвученной информации преподавателями, приглашенными с других кафедр. В помощь гостям преподаватель назначает из числа наиболее подготовленных курсантов «переводчика».

4. В ходе занятия вопросы раскрываются в заданной последовательности. Курсанты рассказывают о подготовке офицеров полиции США, Великобритании, а потом об образовании в России. На примере Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации курсанты повествуют о направлениях подготовки офицеров полиции, о структуре учебного заведения, о его научном потенциале, представляя сравнительную характеристику программ подготовки будущих офицеров полиции в данных вузах.

При проведении круглого стола в форме дискуссии курсанты воспринимают не только новую информацию, мнения коллег, но и речь, а также поведение преподавателя. Поэтому целесообразно конкретизировать основные качества и умения, которыми должен обладать организатор.

1. Высокий профессионализм, хорошее знание материала по обсуждаемой теме.

2. Речевая культура, свободное владение английским языком.

3. Наличие коммуникативных умений, позволяющих найти индивидуальный подход к каждому курсанту, проявляя требовательность и педагогический такт.

4. Умение анализировать и корректировать ход дискуссии.

5. Прогностические способности, позволяющие предусмотреть все трудности усвоения материала, результаты педагогического воздействия, последствия своих действий.

Круглый стол в виде дискуссии формирует у курсантов необходимые навыки для ведения диалога: организационные и аудитивные, развивает коммуникативную культуру, критическое мышление.

Мозговой штурм

Мозговой штурм (брейнсторм) — это оперативный способ решения проблемы, при котором участникам обсуждения предлагается высказать максимальное количество вариантов решения проблемы, даже фантастичных. Считаем, что мозговой штурм — один из популярных способов стимулирования не только творческой активности, но и дедукции — логического мышления курсантов. Например, на занятиях по внеаудиторному чтению курсантам предлагается прочитать детективную историю,

повествующую о тщательно спланированном ограблении. Отметим, что текст не представляет для курсантов языковых трудностей и прост для понимания. Преподаватель предлагает раскрыть преступление, т. е. найти ключ к разгадке и ответить на вопрос: что пошло не так и почему главный герой рассказа (преступник) был арестован и признан виновным? Поставленный вопрос ненадолго озадачивает курсантов. Через мгновение мы слышим в ответ некоторые гипотезы, предположения, иногда звучат неожиданные и даже шокирующие умозаключения и идеи. Но в итоге самые внимательные, выслушав и проанализировав все мнения, «раскрывают преступление», выстраивая логическую цепочку из фактов и рассуждений.

Данный метод позволяет курсантам расслабиться и пофантазировать, получить высокую оценку своих способностей, что повышает их активность и мотивацию к обучению.

Деловые и ролевые игры

В образовательном процессе Ростовского юридического института МВД России важное место занимают деловые и ролевые игры. Деловая игра — это средство моделирования разнообразных условий профессиональной деятельности, имитирующее различные аспекты человеческой активности и социального взаимодействия. В деловой игре обучение участников происходит в процессе совместной деятельности. При этом каждый решает свою задачу, исполняя роль, приближенную к будущей практической деятельности. Это достигается путем использования в играх моделей реальных социально-экономических отношений.

По методологии проведения деловые игры делятся на ролевые, имитационные, организационно-деятельностные, инновационные, ансамблевые.

Метод деловых игр представляет собой специально организованную деятельность по активизации полученных теоретических знаний, по переводу их в деятельностный контекст³. Происходит не механическое накопление информации, а деятельностное распрямление какой-то сферы человеческой реальности. Активизация познавательной и творческой деятельности курсантов, повышение их заинтересованности обеспечивается благодаря использованию в игре вспомогательного наглядного материала: образцов документов, видеоматериалов, фотографий, игровых инструкций.

В Ростовском юридическом институте МВД России на занятиях по английскому языку регулярно проводятся обучающие ролевые игры. Цель подобных занятий — проверить уровень подготовленности курсантов в определенном виде профессиональной деятельности, актуализация знаний, полученных при изучении профильных дисциплин, формирование коммуникативной компетенции.

Сценарий деловой игры является базовым элементом и основным документом для ее проведения.

Предлагаем рассмотреть структуру ролевой игры «Детективы».

Сюжет данной игры — расследование преступления, совершенного в уединенном месте, где присутствует определенное количество персонажей. Никого постороннего

³ URL: magistr.tstu.ru/upload/29_12_2012-13_42_00.doc (дата обращения: 10.03.2017).

в этом месте быть не может, следовательно, преступление совершается одним из присутствующих участников. Дополнительное психологическое напряжение достигается за счет того, что преступником может оказаться кто-то из товарищей, не вызывающих подозрений.

Цель ролевой игры «Детективы» — обучение монологической речи на ситуативной основе с использованием аутентичного образца устного монологического сообщения, обучение диалогической речи посредством создания ситуаций общения.

Ход игры

1. Сбор в аудитории, где проводятся практические занятия по английскому языку. Объяснение правил ролевой игры, прав и обязанностей участников (10 мин.).

2. Отбор главных действующих лиц: детектива, следователя, полицейских (10 мин.). Свидетели, жертва преступления и преступник определяются в процессе игры.

3. Чтение преподавателем детективной истории. Звучит фоновая музыка. В этот момент детектив, следователи и полицейские выходят за дверь. Они не знают, что происходит в аудитории, какое преступление совершается. Они приглашаются после совершения преступления (5 мин.).

4. Остальные участники быстро перемещаются по кабинету, на время игры он превращается в городской сквер в ночное время. Преступление происходит в 10 м от кафе, находящегося в этом сквере. (Свет выключен, звучит тревожная мелодия.) Никто, кроме одного курсанта, играющего роль убийцы, не знает, кто же выступает в роли преступника. Преподаватель заранее сообщает ему о его функциях (5 мин.).

5. Преступник незаметно дотрагивается до жертвы. Внезапно раздаётся крик, жертва падает на пол. Орудие убийства тоже падает на пол (5 мин.).

6. Преступник остается почти незамеченным. Начинаются диалоги между свидетелями. Они вызывают скорую помощь, полицию. В это время входят по очереди доктор, полицейские, криминалисты, следователи, эксперты, оперуполномоченные (10 мин.).

7. Беседа полицейских со свидетелями. Составление протокола о составе преступления (5 мин.).

8. Опрос свидетелей следователями, выявление подозреваемых (10 мин.).

9. Выявление преступника. Допрос преступника следователями (10 мин.).

10. Выступление криминалистов, экспертов, оперуполномоченных следственного комитета. Предъявление обвинения преступнику. Арест преступника (10 мин.).

11. Выступление преподавателя с научным обобщением. Подведение итогов. Выставление оценок (10 мин.).

Логическим продолжением данной ролевой игры может быть предложено рассмотрение представленного уголовного дела в суде. Проводить игру рекомендовано на заключительном этапе изучения таких тем, как «Работа прокурора», «Работа адвоката», «Работа участкового». В одной игре в пределах двух академических часов рассматриваются практически все этапы уголовного судопроизводства.

В целях обеспечения иноязычной коммуникативной компетенции и оптимизации процесса обучения

будущих сотрудников полиции рекомендовано воспользоваться следующим сценарием и ролевыми репликами-клише. Последние могут быть изменены и дополнены курсантами в ходе игры.

Script (Сценарий)

Scene 1. Сцена 1.

Teacher. — Good afternoon, cadets! Nice to see you! Today we have an unusual lesson. I offer you to play the game, which is called “Detectives”. After casting you will get card with your role. In this card you will see words, set expression, juridical terms and questions, phrases which can help you to play your role. You have the right to add your phrases, questions, to help your partner to ask or to answer the questions, to dream. You mustn’t interrupt each other and criticize.

We need divide class into some groups: 5 men to present an operative group, 2 persons will be doctors, 4 cadets will play witnesses, 1 of you has a role of killer, 1 of you will be the victim of a crime, but it is a secret. Now let’s cast roles. Imagine that you are in the city park and it is getting dark. You hear the sound of music wafting from café which was located ten meters away from the crime scene.

Scene 2. Сцена 2.

The policemen, the investigators, the operatives of the investigation department, the criminologist, the expert leave the classroom.

The narrator (cadet or teacher) tells the story.

Russia, Moscow city, 2016, Gorky Park. In the spring, especially during May holidays, the Park attracts many people. Couples with children and young people have fun in it. But some people come to cafes to drink alcohol, discuss plans, meet someone, to track down and overhear someone’s conversation. Some of them are drug addicts, thieves, rapists and even serial killers. It was getting dark when I heard cries for help against the background of I’s music.

Scene 3. Сцена 3.

The cadets move around the class, suddenly the victim cries “Help” and falls on the floor.

Witness 1. — (Asking the victim). Oh? Are you o’ key? Quickly call an ambulance. The man is bad.

Witness 2. — I call the police. She is injured.

Witness 3. — Look there is knife in the blood near the body. Is she dead?

Witness 4. — Is she murdered? But who has killed her?

Scene 4. Сцена 4.

A doctor, policemen, criminalists, investigators, experts and officers of the criminal investigation department enter the classroom.

Officers of the Criminal investigation department. — Excuse me, we are to cordon off the area.

Policeman 1. — Good evening, a police captain Petrov. (Interviewing witnesses) Who are you? How did you get here? What happened? What did you see? What have you heard? When did this happen?

Policeman 2. — Now I fill in the Protocol of inspection of the scene. Please introduce yourself. I write a witness., registration address, actual address, passport details. So 10 meters from the café, “Fantasia”, located in Gorky Park, you saw a woman, who screamed and suddenly fell to the ground

when you passed by. The knife was next to the woman, smeared with liquid that looked like blood. This happened between 20.00 and 20.30 PM. Thank you all recorded.

Scene 5. Сцена 5.

Criminalist 1. — Good evening, let me introduce myself, police major Sidorenko. I am in the direction of the Investigative Committee. Let me see. Does anyone know this woman? Is this her bag? Did anyone see the criminal? Who can identify the murderer? Whose knife is this? I'll take a photo, I take samples of blood, the knife- the murder weapon.

Criminalist 2. — At survey of a scene on the sidewalk a spot of fluid of size 3 cm to 4.5 cm was discovered, that looked like blood. I see stains like blood on one of the witnesses. The knife consists of a handle and blade, between which there is a focus-fuse and the separation ring. Along the entire length of the blade, there are layers of substance of brown color. This substance is seized on the gauze that is packed in envelope №1. The sample of the gauze was packed in the envelope № 2. Envelopes are supplied with tags with explanatory inscriptions, signatures of the investigator and the witnesses and the impressions of the seals of the Prosecutor's office. All the subjects will be sent for the examination.

Scene 6. Сцена 6.

Investigator 1. — Lieutenant Colonel Surkov. (The conversation with the suspect Trusovym Sergeem Valeryevichem.) You are suspected of the murder. Do you know the victim? Why did you come to the park this evening?

The suspect: "I know the new citizen two years. We have lived with her for six months. She was unfaithful to me, left for another man. I watched her and when I saw her with him decided to kill".

Investigator 2. Your fingerprints were discovered on the knife. A drop of blood on your clothes belong to the victim.

Expert. Fingerprint examination was conducted. As a result of examination it was established that the fingerprints belong to a previously convicted citizen N. Trusovu, the native of the city Mytisci.

Investigator 2. Did you kill her?

The suspect. — She had to die. It was me who killed her.

The operatives of the investigation department. — You're under arrest on suspicion of murder and you will be delivered to the police. Follow me.

Scene 7. Сцена 7.

The teacher. — For centuries it was customary to assume that the killings because of suspicions of sexual infidelity do mostly chronic alcoholics and the mentally ill; but recent studies have shown that among those who have committed such crimes, alcoholics and crazy make up only about 25%, and the vast majority of "pathological jealous" otherwise in good health. Unfortunately, every fifth murder in Russia takes place because of jealousy. According to reports, about 20% of all domestic murders are committed because of jealousy. The main instrument of domestic murder today is an ordinary kitchen knife, which, as a rule, is always at hand. To reduce the level of murders and prevent crimes, you future police officers, the precinct police officers must pay attention to couples in which quarrels often occur, to pay attention to the women who are frightened by the behavior of their jealous husbands, to conduct interviews with their husbands.

Метод творческих заданий

Рассмотрим подробно существующий в педагогике интерактивный метод творческих заданий.

Творческое задание представляет собой основу любого интерактивного метода. Получая творческое задание, курсант наделяется возможностью создать фундамент для сотрудничества и для самообучения, найти свое правильное решение, основанное на собственном профессиональном опыте, опыте друга. При изучении модуля «Полицейские организации США, Великобритании, России» курсанты знакомятся с историей создания, структурами, реформами, проводимыми в организациях разных стран. На заключительном этапе изучения данных тем курсанты делятся на малые группы и получают творческое задание для самоподготовки. Например, рассказать о состоянии преступности в США, Великобритании, России, сравнить статистические данные трех стран и подготовить бизнес-план на 2017 г., поставить ключевые задачи, внести свои предложения по снижению преступности. Во время подготовки к выступлению каждая подгруппа готовит доклад, презентацию, иллюстративные материалы.

Резюмируя сказанное, отметим, что интерактивные методы пробуждают у обучающихся интерес, поощряют активное участие каждого в учебном процессе, повышают мотивацию к обучению и уровень профессионального владения английским языком.

Список литературы

1. Абдрахманова Л. В. Формирование коммуникативных умений у курсантов технического вуза в процессе реализации профессионально-дискуссионной игровой технологии (на примере предметной области «Иностранный язык»): дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2007. 200 с.
2. Левченко О. Ю. Обучение иноязычному профессионально-значимому диалогическому общению на основе аутентичных социальных контактов (Английский язык, неязыковой вуз): дис. ... канд. пед. наук. Иркутск, 2005. 190 с.
3. Blalock M. Why good communication is good business, from University of Wisconsin? URL: http://www.bus.wisc.edu/update/winter05/business_communication.asp (дата обращения: 07.01.2017).
4. Коньшева М. В. Игровые технологии как средство профессиональной подготовки будущего специалиста // Образование в высшей школе: проблемы и перспективы развития: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 56–61.
5. Нечаев М. П., Романова Г. А. Интерактивные технологии в реализации ФГОС. М., 2016. 208 с.
6. Павленко В. Г. Интерактивные технологии обучения иностранному языку // Уральский научный вестник. 2016. Т. 6. № 2. С. 3–4.
7. Коньшева М. В. Виды интерактивной работы в аудитории. Образование в высшей школе: проблемы и перспективы развития: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2016. С. 52–56.
8. Лицманенко Т. Н. Моделирование профессионально-направленной подготовки юристов средствами английского языка в условиях вуза на основе учебно-ролевых игр: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2002. 202 с.
9. Шаханова Н. А., Прокудина Ю. Б. Применение активных и интерактивных методов обучения на занятиях англий-

ским языком как способ повышения мотивации и эффективности учебного процесса студентов неязыкового вуза // Педагогика высшей школы. 2016. № 3.1. С. 214–217.

10. Эм М. В., Хазраткулова А. В. Использование интерактивных методов при изучении иностранных языков в неязыковом вузе // Молодой ученый. 2016. № 7.2. С. 109–111.

11. Каишев С. С. Интерактивные методы обучения : учеб.-метод. пособие. Минск, 2013. 224 с.

12. Blair R. Innovation approaches to language teaching. New York, 2010. 252 p.

13. Gural, S., Mitchell P. Development of Professional Discourse on the Basis of Interactive language teaching // Language and culture. 2008. № 4, P. 5–10.

14. Mitchell P. StoryLine Method in foreign language teaching: history and major principles // Language and culture. 2013. № 2(24), P. 101–109.

On Interactive Forms of English Lessons at the Rostov Law Institute of the Russian MIA

Mazneva Yu. A.,

Candidate of Sciences (Philology), Lecturer at the Department of Foreign Languages, the Rostov Law Institute of the Russian MIA
Rostov, Russia. e-mail: julimazneva81@yandex.ru

To tackle educational and learning tasks at the English lessons at the institute the following interactive forms are widely employed: "round table", brainstorm, presentations, discussions, contests of practical works and their discussions, practical group and individual exercises, discussion of special videos, group work with the original manuals and illustrative materials, business and role games. Business game is the means of modelling various conditions of professional activity imitating different aspects of human activity and social interaction. Business game method is a specially organized activity aiming to implement the knowledge gained when studying profile subjects, promote the obtained theoretical knowledge, transform it in the activity-based context, develop communicative competence. The scenario of the role-play "Detectives" presented for discussion is a basic element and the main document for its performing and ensures consideration of nearly all the stages of criminal proceedings. The interactive methods under study presume active participation of every cadet in the learning process and increase the level of professional command of English.

Keywords: interactive forms of learning, the English language, scenario of a role-playing, legal lexis, methods of teaching English.

Citation: Mazneva Yu. A. On Interactive Forms of English Lessons at the Rostov Law Institute of the Russian MIA. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. No. 3(70). 2017. P. 45–50.

УДК 378.095 © М. И. Гараев, 2017

Моделирование формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции

Марсель Имамутдинович Гараев,

преподаватель Казанского юридического института МВД России
Казань, Россия. e-mail: m_garaev83@mail.ru

В статье обосновывается актуальность формирования профессионально-этической компетентности у будущих бакалавров в образовательном процессе вуза юридического профиля, обусловленная внедрением концепции обучения и совершенствованием подготовки компетентных специалистов. Проведен теоретический анализ научных подходов к формированию профессионально-этической компетентности у бакалавров юриспруденции. Представлена авторская модель формирования профессионально-этической компетентности как теоретическая основа, направленная на получение новых предметных знаний посредством взаимопроникновения содержания традиционных учебных дисциплин в целях создания единого морально-нравственного потенциала образовательного процесса в юридическом вузе, охарактеризованы ее компоненты и блоки. На основе опытно-экспериментальной работы выявлены критерии эффективности формирования профессионально-этической компетентности у будущих бакалавров-юристов, позволяющие определить уровень ее сформированности: низкий (аморфный), средний (локально-ситуативный) или высокий (автономный).

Ключевые слова: профессиональные компетенции, компетентностный подход, модель, структурные компоненты, теоретические подходы, профессионально-этическая компетентность.

Для цитирования: Гараев М. И. Моделирование формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 50–54.

Современное мировое развитие отмечено рядом факторов, влияющих на сферу высшего образования, среди которых выделяются следующие:

— глобализация, характеризующаяся новыми принципами организации важнейших сфер общественной жизни, их взаимодействия и взаимного влияния;

— ускорение развития технологий, в значительной мере спровоцированное развитием информационных и коммуникационных технологий;

— непредсказуемость общественного развития, сопровождающаяся кризисными явлениями и угрозами окружающей среде, обострившимся столкновением культур;

— важность устойчивого развития общества для противодействия указанным выше угрозам;

— актуализация исследований по совершенствованию профессиональной подготовки будущих конкурентоспособных специалистов в соответствии с современными требованиями [1; 2; 3; 4; 5].

Жизнь человека в современных условиях требует постоянного профессионального роста и личностного развития в рамках концепции обучения в течение всей жизни. Особую важность при этом приобретают ключевые компетенции, которые называются надпрофессиональными, общими, трансверсальными компетенциями. Данная группа компетенций в обязательном порядке интегрируется в учебные программы всех профилей подготовки будущих специалистов.

В настоящее время все бóльшая роль отводится исследованиям в области формирования и развития профессиональных компетенций будущих юристов, которые должны быть способны и готовы к ведению деловых бесед, к межличностным контактам, поскольку их профессиональная деятельность осуществляется в сфере «человек-человек» [6; 7; 8; 9; 10].

На работника сферы юриспруденции возлагается особая моральная ответственность, к нему предъявляются повышенные требования как к личности. Это определяет некое основание для специфичных норм поведения работников правоохранительных органов.

Анализ специальной литературы [5; 6; 10; 11] и собственные изыскания автора показывают, что обеспечить успех дела одна юридически засвидетельствованная квалификация не в состоянии. Необходимы специфичные нормы морали, которые служат не только успешной профессиональной деятельности, но и охране интересов личности.

Реализация федеральных государственных стандартов в высшей школе выдвигает на передний план *компетентностный подход*, который представляет собой комплекс методологических парадигмальных структурных компонентов, направленный на формирование компетентностей и компетенций, основанных на оптимальном соотношении теоретических знаний, умений, способностей, профессионально значимых и личностных качеств, обеспечивающих эффективную подготовку профессионала-специалиста, характеризующегося адекватным представлением о профессиональной деятельности.

Понятие «компетентность» выступает в качестве основного понятия компетентностного подхода, которое объединяет в себе две составляющие образования: интеллектуальную и навыковую. Одной из ключевых компетенций будущих юристов является профессионально-этическая компетентность, которая связана с высокой ответственностью за последствия профессиональных и социальных действий.

Проблема формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции — социально-педагогическая проблема, поскольку формирование личности выпускника (будущего юри-

ста) и достижение им профессионализма на высоком уровне — это социально значимое дело.

Особое место в исследовании формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции занимает моделирование как общенаучный метод научного исследования [2; 7; 12]. Именно моделирование выводит педагогические исследования на уровень методологического знания.

С учетом данного положения в ходе нашей опытно-экспериментальной работы была поставлена цель: разработать модель формирования профессионально-этической компетентности будущих сотрудников правоохранительных органов, которая описывала бы теоретическую основу, направленную на получение новых представлений на основе традиционных предметных знаний посредством взаимопроникновения содержания разных учебных дисциплин, что в итоге сформировало бы единый морально-нравственный потенциал образовательного процесса в юридическом вузе.

При разработке структурных блоков модели мы учитывали то положение, что блоки модели должны отражать системно-координируемое функциональное взаимодействие с общей стратегией подготовки сотрудников правоохранительных органов на основе реализации целевых профильно-ориентированных задач проектирования и реализации нашей модели. В процессе разработки модели формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции мы представили ее как логически выстроенную совокупность элементов, которая включает цели, содержание, проектирование педагогических технологий, а также критерии определения ее эффективности. Разработка нашей модели как педагогической системы осуществлялась в интегративной целостности целевых, содержательных, процессуальных и результативно-диагностических механизмов.

Процесс разработки модели формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции осуществлялся на трех этапах. На первом определялся объект исследования, проходило накопление исследовательских данных о нем; выбирались наиболее существенные переменные и постулаты. Второй этап — построение схемы модели, определение ее структурных компонентов в логической соразмерности и взаимосвязи. На третьем раскрывалась содержательная интерпретация структурных компонентов модели.

Анализ имеющейся литературы по изучению субъективного опыта и перспектив морально-нравственного развития личности будущего сотрудника правоохранительных органов [1; 4; 6; 7; 9] позволил подойти к системному построению процесса формирования его профессионально-этической компетентности. Перспективность данного направления в условиях высшей юридической профессиональной школы связана с необходимостью осознания сущности нравственного потенциала образовательного процесса и вариативностью выбора его структурных компонентов.

В модели формирования профессионально-этической компетентности обучаемых мы выделили целевой,

методологический, структурно-содержательный, технологический, критериально-диагностический блоки и организационно-деятельностный блок — блок с комплексом педагогических условий ее реализации. Дадим им краткую характеристику.

1. Блок модели — целевой, определил цель исследования — формирование профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции. Эффективность нравственно ориентированной право-творческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности во многом зависит от качественной подготовки состояния такой социально-профессиональной группы, как юристы. В целевом блоке модели обозначены стратегическая, оперативная и прогностическая задачи формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции. *Стратегическая* — формирование профессионально-этической компетентности на основе интеграции общих и профессиональных компетенций с учетом морально-нравственного компонента их содержания; *оперативная* — формирование профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции в соответствии с моральным кодексом юриста; *прогностическая* — развитие способности будущего сотрудника правоохранительных органов осуществлять морально-нравственное общение во всех сферах профессиональной деятельности.

2. Блок модели — методологический. В нем отражена методология формирования профессионально-этической компетентности будущих сотрудников правоохранительных органов как совокупность характерных для данной образовательной модели способов достижения эффективности исследуемого процесса. Данные концептуальные теоретико-методологические установки реализуются в методологических подходах, обеспечивающих проектирование и конструирование содержания и технологий формирования профессионально-этической компетентности будущих сотрудников правоохранительных органов (в соответствии с заданной целью и задачами). Этими подходами в нашей модели выступают: *компетентностный, проектно-целевой, личностно ориентированный, герменевтический, коммуникативно-деятельностный, системно-деятельностный.* Кратко охарактеризуем их.

Компетентностный подход направлен на формирование у обучаемых общих и профессиональных компетенций морально-нравственной направленности в структуре их профессионально-этической компетентности.

Проектно-целевой подход определяется как совокупность концептуальных идей, обеспечивающих проектирование педагогической системы в соответствии с заданной целью, стратегически ориентирующих на разработку проектно-целевых механизмов реализации ФГОС.

Личностно ориентированный подход обеспечивает создание условий для развития целостной личности будущего юриста, т. е. формирование готовности к морально-нравственному самоопределению. Личностно ориентированное обучение должно заложить и развить у студента

основы морально-нравственной самореализации, саморазвития, саморегуляции, этической адаптации.

Коммуникативно-деятельностный подход способствует инициативному гуманистическому общению студентов в процессе их профессионально-этического самоопределения, обеспечивает гуманистическое общение на основе реализации следующих функций: эмоционально-ценностной, психологической, познавательно-исследовательской, герменевтической, культуротворческой.

Герменевтический подход создает условия для рефлексивно-творческой способности обучаемых к гуманистическому «смыслопорождению» собственных решений в процессе профессионально-этического самоопределения. Применение в процессе формирования профессионально-нравственной компетентности студентов этого подхода создает условия для рефлексивно-творческого освоения новых знаний морально-нравственной направленности, достижения новых уровней развития нравственной личности обучаемых.

Системно-деятельностный подход — структурирование педагогического процесса как системы компонентов, взаимодействие которых направлено на достижение нравственно ориентированных образовательных и воспитательных целей на основе учета его основных системных свойств: целостности, многоуровневости и интегративности.

3. Блок модели — структурно-содержательный. В этом блоке нашей модели были определены следующие профессионально-личностные *ориентировочные параметры* структуры профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции: *уровень профессионализма* (успешность и стабильность профессионально-творческих результатов, профессионализм, юридическая грамотность); *личностные нравственно ориентированные характеристики* (коммуникабельность, организованность, творческая активность, эмоционально-нравственная эмпатийность); *профессиональные нравственно ориентированные качества* (поиск нового в профессиональной деятельности, способность к эмоционально-ценностной идентификации, морально-образной интерпретации, создание морально-нравственной атмосферы, личностно-профессиональное вдохновение, стремление к нравственному самосовершенствованию); *культурно-нравственные универсалии* как эталоны и нормы профессиональной этики юриста, задающие образцы нормативно-ценностных морально-личностных ориентаций будущих бакалавров юриспруденции в гуманистическом пространстве современной культуры; *морально-нравственное самообразование* в контексте профессионально-этических ценностных ориентаций.

В соответствии с ориентировочными параметрами структуры профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции были выделены следующие структурные компоненты профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции: когнитивный, аксиологический, коммуникативный, эмоциональный, рефлексивный и де-

ягельностный. Структурные компоненты содержания профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции согласуются со следующими содержательными характеристиками учебного материала: суть знаний, связь со стандартом, знания как результат морально-нравственного открытия, содержание знаний как основа нравственно-этической самоорганизации, внутренние ресурсы (морально-личностные структуры: тактичность, доброта, справедливость, порядочность, которые формируют нравственно-личностный опыт будущих бакалавров юриспруденции в определении этического контекста профессиональной деятельности), внешние воздействия — организованная деятельность педагога со студентами через выявление нравственного компонента учебного материала. Объектом деятельности преподавателя становится не студент, а нравственно-формирующее содержание, которое опосредованно влияет на формирование профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции.

4. Блок технологический, в нем представлены технологии, обеспечивающие эффективность формирования содержания профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции: развивающие и проектные. Развивающие технологии способствуют развитию критического мышления юриста, которое можно определить как мышление, помогающее принять обдуманное и осмысленное решение. К личностным компонентам критического мышления студента можно отнести любознательность, рефлексию, рационализм, индивидуальную субъективность, точную нравственно-эстетическую оценку.

По результатам нашего опроса будущих бакалавров, лишь 17% обладают нравственно-этическим компонентом критичности, который складывается из следующих показателей: умения адекватно оценивать свои нравственно-ценностные ориентации и свое личностное мнение не как единственно правильное, быть готовым скорректировать оба параметра; умения реализовать свои этические идеи по собственной инициативе в процессе профессионального общения; умения выделять в эпизодах социума положительные нравственные аспекты.

Системообразующим компонентом *проектной технологии* становится личность обучающегося, обуславливающая наполнение основной профессиональной образовательной программы в части дидактической подготовки такими компетенциями, как умение использовать современные технологии, владение способами проектной и инновационной деятельности в образовании и в предстоящем профессиональном труде, реализация себя как личности, обладающей базовым уровнем компетенций как совокупности гуманитарных знаний, умений, навыков; адаптивность в соответствии с личностными потребностями, потребностями мирового и отечественного рынка труда и др.

Проектная деятельность для будущих юристов выступает как специфичная форма творческой самодеятельности, в процессе которой рождается проект морально-этической направленности. Организация и использование

проектной деятельности будущего бакалавра-юриста в процессе профессиональной подготовки требует выбора вузом юридического профиля новых стратегических и тактических ориентиров. В стратегическом значении проектная деятельность бакалавра (будущего юриста) — это пошаговое становление морально-этического образа будущей профессии. Тактика проектной деятельности выражается в ее уникальных возможностях, проявляющихся в таких нравственно-личностных развивающих функциях, как развитие свободы и творческой инициативы; критическое мышление; эмоционально-ценностное обогащение жизнедеятельности; социально-нравственная ориентация.

5. Блок критериально-диагностический. В процессе исследования были определены следующие *критерии эффективности формирования профессионально-этической компетентности* у будущих бакалавров в образовательном процессе вуза юридического профиля: *когнитивный* — знание базовых этических понятий в системе морально-нравственной терминологии; тезаурус средств нравственно-этического анализа; *эмоционально-ценностный* — положительные моральные чувства и переживания, связанные с морально-этическими отношениями в профессиональной деятельности; дифференцированные и устойчивые морально-нравственные эмоции, возникающие на основе профессионально-этических потребностей; нравственно ориентированное отношение к миру; готовность к эмпатии; нравственный компонент эмоционального интеллекта; *коммуникативный* — способность управлять процессами профессионального общения в соответствии с морально-этическими установками; *рефлексивно-деятельностный критерий* — осознание студентом своих реальных возможностей морально-нравственного влияния на окружающий мир на основе систематической и действенной профессионально-этической саморефлексии.

6. Блок организационно-деятельностный включает комплекс организационно-деятельностных (*дидактических, психологических и образовательно-средовых*) условий эффективности формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции.

На основе выделенных критериев (5-й блок нашей модели) в ходе опытно-экспериментальной работы, проведенной в Казанском юридическом институте МВД России, были выведены три уровня сформированности профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции:

— *низкий (доморальный) аморфный уровень*, который характеризуется отсутствием ценностно-нравственной направленности в профессиональной деятельности, слабой выраженностью моральной ассоциативностью критического мышления, эпизодичностью в проявлении нравственных аспектов профессионального общения;

— *средний, локально-ситуативный уровень*, характеризующийся доминированием внешних форм поведения, отсутствием четких внутренних морально-нравственных ценностных ориентиров в профессиональной деятельности, бессистемным проявлением моральных чувств;

— *высокий, автономный*, характеризующийся внутренней самостоятельной нравственно-этической нормой поведения, наличием осознанных положительных моральных (нравственных) чувств, переживаний, связанных с этическим отношением к другим людям и к своим профессиональным обязанностям в соответствии с нравственно-ценностными ориентациями, выработанными гражданским обществом.

Таким образом, результаты опытно-экспериментальной работы подтвердили эффективность созданных и внедренных в учебный процесс модели и педагогических условий, способствующих повышению уровня профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции, что свидетельствует о достижении поставленной в исследовании цели. Динамика сформированности уровней профессионально-этической компетентности до и после проведения формирующего этапа опытно-экспериментальной работы показала различие исследуемых параметров в пользу экспериментальных групп.

Наше исследование открывает перспективы дальнейших разработок по таким проблемам, как учебно-методическое обеспечение процесса формирования профессионально-этической компетентности будущих бакалавров юриспруденции, использование новых интерактивных технологий в данном процессе в соответствии с изменяющейся научно-технической и социально-образовательной ситуацией в стране.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
2. Мухаметзянова Ф. Ш., Трегубова Т. М., Шайхутдинова Г. А. и др. Формирование моделей компетенций в дополнитель-

ном профессиональном образовании: вопросы теории и инновационная практика : монография. Казань, 2015. 144 с.

3. Трегубова Т. М. Зарубежный опыт развития профессиональных учебных заведений и его использование в отечественной теории и практике профессионального образования // Казанский педагогический журнал. 2005. № 4. С. 16–22.

4. Евтихов О. В., Караваев А. Ф. Формирование основ профессионализма и профессиональной компетентности курсантов в вузе правоохранительных органов как педагогическая проблема // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 128–131.

5. Albach Ph. G. Global Challenge and National Response: Notes for an International Dialogue on Higher Education // CIES. New Letter. 2009. № 143. P. 5–6.

6. Афанасьева О. В., Пищелко А. В. Этика и психология профессиональной деятельности юриста : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 0201 «Правоведение». М., 2004. 220 с.

7. Горбачев В. К. Дидактические условия подготовки будущих юристов к реализации социальных и культурных прав человека : дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2000. 150 с.

8. Hutmacher W. Key Competencies for Europe. Report of the Symposium (Berne, Switzerland, March 27–30, 1996) // A Secondary Education for Europe Project. Oxford, 2006. 72 p.

9. Малюткина Н. С. Педагогические условия формирования социальной компетентности у будущих юристов в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2007. 20 с.

10. Халиулина В. П. Профессиональная этика юриста : учеб. пособие. М., 2004. 161 с.

11. Boyatzis Richard E. The competent manager: a model for effective performance. Cleverand, 2012. 268 p.

12. Селин Б. Н. Концептуальные идеи, закономерности и принципы теоретической модели формирования профессиональной поликультурной компетентности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 1(44). С. 37–38.

Modelling of Formation of Professionally-Ethical Competency of Future Bachelors of Law

Garaev Marsel I.,

Lecturer of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kazan, Russia. e-mail: m_garaev83@mail.ru

The paper proves the relevance of building professionally-ethical competency of future bachelors at a higher law education institution which is determined by the implementation of a life-long education concept and improvement of competent specialists' training. The author conducts a theoretical analysis of scientific approaches to the formation of professionally-ethical competency in bachelors of law. There is the author's own model of formation of professionally-ethical competency as the theoretical basis for getting new knowledge on the subject via inter-penetration of the content of traditional education subjects to create a unified moral potential of an educational process at a higher law education institution; its components and blocks described. Basing on the empirical experimental work the author reveals the criteria of effectiveness of formation of professionally-ethical competency in future bachelors of law. These criteria help in estimating the level of its formation: low (amorphous), middle (local situational) and high (autonomous).

Keywords: professional competences, competency-based approach, model, structural components, theoretical approaches, professionally-ethical competency.

Citation: Garaev M. I. Modelling of Formation of Professionally-Ethical Competency of Future Bachelors of Law. Psychopedagogy in law enforcement. No 3(70). 2017. P. 50–54.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 343.9© Н. А. Тюфяков, 2017

Изменение вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы в пенитенциарном праве зарубежных стран

Николай Александрович Тюфяков,
адъюнкт Омской академии МВД России
Омск, Россия. e-mail: tna-1971@mail.ru

Заложенная в основу большинства стран прогрессивная система отбывания наказания позволяет заключенным поэтапно улучшать свое положение путем последовательного перевода из тюрьмы максимального уровня безопасности в тюрьму с более низким уровнем безопасности. Анализ пенитенциарного законодательства и национальных тюремных систем наиболее развитых стран англосаксонской (Англия, США, Канада) и романо-германской (Германия, Франция, Дания, Швейцария, Швеция, Испания, Италия) правовых систем позволил выявить общие и частные подходы к реализации института изменения осужденным вида исправительного учреждения. Общие подходы заключаются в индивидуальном стимулировании поведения осужденных, результатах этого стимулирования; в отношении заключенных к труду и обучению; в степени риска осуществления ими побега и опасности для общества. Учет данных критериев заложен в основу принятия решения об улучшении правового положения осужденных путем изменения им вида тюремного заключения. Индивидуальное планирование отбытия наказания в виде лишения свободы и создаваемые персональные исправительные программы исполнения наказания в рассматриваемых странах основаны на психологическом подходе к личности осужденного, являются наиболее эффективными методами и средствами достижения целей наказания — ресоциализации осужденных. Положительный опыт исполнения наказания в этих странах может быть положен в основу дальнейшего совершенствования российской уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: институт изменения вида исправительного учреждения, пенитенциарная система, зарубежные страны, заключенные, международные стандарты, тюремные системы, стимулирование поведения.

Для цитирования: Тюфяков Н. А. Изменение вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы в пенитенциарном праве зарубежных стран // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 55–60.

Актуальность изучения вопроса об изменении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения в пенитенциарном праве зарубежных стран обусловлена наличием общих, универсальных, международных знаний в части мотивации осужденных к исправлению, которые позволяют путем сравнительного анализа выделять наиболее эффективные и совершенствовать имеющиеся концептуальные подходы, направления и методы по достижению целей наказания.

Развитие института изменения вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы в законодательствах зарубежных стран происходило с учетом исторических, политических, социально-экономических и правовых особенностей систем исполнения

наказаний, поэтому они в определенной степени отличаются друг от друга¹.

Главные отличия заключаются в построении тюремных систем государств, т. е. исторически сложившихся систем исправительных учреждений, предназначенных для исполнения наказания в виде лишения свободы [1, с. 19].

Попытки унифицировать и выделить сходные характерные черты развития института изменения осужденным вида исправительного учреждения содержатся в ряде международных правовых актов, регламентирующих деятельность тюремных систем. Это минимальные стандартные правила обращения с заключенными (1955 г.)², Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций (Пекинские правила) (1985 г.)³ и др.

¹ Уголовно-исполнительное право России : в 2 т. / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2015. Т. 2 : Особенная часть. С. 493.

² Минимальные стандартные правила обращения с заключенными от 30 августа 1955 г. // Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 290–311.

³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. // Уголовно-исполнительное право : сб. норм. актов / сост. П. Г. Пономарев, В. С. Радкевич, В. И. Селиверстов. М., 1997. С. 106–141.

Предлагаемые нормы, изложенные в международных правовых актах, носят рекомендательный характер, но подлежат максимальному учету при разработке и реализации национальных законодательных актов.

Детальная регламентация и порядок изменения заключенным вида учреждения закреплены в национальных уголовных, уголовно-процессуальных и пенитенциарных законодательствах зарубежных стран. Так, исполнение наказания в английской тюремной системе до настоящего времени осуществляется сочетанием судебных прецедентов и перечисленных норм [2, с. 310].

Отбытие уголовного наказания в условиях тюрьмы является одной из особенностей большинства зарубежных государств. Отбывание наказания именно в условиях тюрьмы «позволяет в значительной мере обеспечить достаточно высокую степень безопасности в целях предотвращения побегов осужденных» [3, с. 95]. Изоляция от общества (как внешняя — от общества, так и внутренняя — друг от друга) является основным средством обеспечения режима в пенитенциарных учреждениях большинства иностранных государств.

Главная особенность тюремного содержания в зарубежных странах — покамерность размещения заключенных в запираемых помещениях на одного-двух человек, реже на четверых-шестерых. В целях недопущения побега заключенные находятся под постоянным визуальным и техническим контролем. По периметру осуществляется вооруженная охрана. Обязательно наличие необходимой инфраструктуры (прогулочные дворики, спортивные сооружения и т. д.).

В ряде европейских государств и США сложилась и эффективно действует особая система тюремных учреждений: тюрьмы супермаксимального уровня безопасности (супермакс), тюрьмы категории «А» (максимального уровня безопасности), тюрьмы категории «В» (среднего уровня безопасности), тюрьмы категории «С» (полуоткрытые, «на полпути к свободе») и тюрьмы категории «Д» (открытые).

Помещение в данные тюрьмы зависит от категории осужденных и степени риска осуществления ими побега. Общим подходом является наличие для каждой категории заключенных собственной гибкой концепции привилегий и стимулирующих мер. П. В. Тепляшин к ним относит «расширение возможностей общения заключенных с внешним миром, т. е. расширение института отпусков, выходов по различным причинам за пределы тюрьмы, визитов со стороны родственников и близких лиц, возможность распоряжаться наличными деньгами, сумма которых выше установленного минимума, разрешение пользоваться собственной одеждой, а не установленного образца, дополнительное время нахождения вне камеры» [4, с. 65–66].

Тюрьмы супермаксимального уровня безопасности впервые появились в США в 1930 г. («Алькатрас»). В Европе подобные учреждения получили свое развитие во второй половине XX в. Тюрьмы предназначены для длительного одиночного содержания заключенных —

особо опасных преступников. Поэтому режим содержания в этих учреждениях максимально суров, исключает контакты между заключенными и минимизирует их количество с внешним миром.

Тюрьмы категории «А» предназначены для содержания заключенных, побег которых может быть чрезвычайно опасным для общества и государства. Поэтому усилия администрации тюрьмы направлены на эффективность охраны заключенных друг от друга в самом учреждении и на охрану периметра.

Тюрьмы категории «В» предназначены для содержания заключенных, которые представляют меньшую степень опасности, поэтому они не требуют высоких условий безопасности, но должны исключать возможность побега. Заключенным разрешено посещать общие прогулочные дворы, библиотеки, спортивные сооружения и т. д. В некоторых тюрьмах данного уровня в США заключенные размещаются в общежитиях.

Тюрьмы категории «С» имеют название «на полпути к свободе». В них содержатся осужденные за совершение менее тяжких преступлений, которым не могло быть назначено альтернативное наказание. В этих же тюрьмах содержатся заключенные, переведенные из тюрем с более высоким уровнем безопасности в порядке поощрения за примерное поведение.

Тюрьмы категории «Д» впервые появились в Англии в 1933 г., затем получили свое развитие и в других странах. В данные учреждения помещаются осужденные за преступления, не представляющие большой общественной опасности, а также заключенные, переведенные из других тюрем с повышенным уровнем безопасности. Особенностью открытых тюрем от закрытых учреждений является то, что в них вообще не предполагается мер против побега заключенных (либо они незначительны). Этот факт определяет эффект психологического доверия к осужденному как человеку, ресоциализирующемуся в общество.

Во многом режим открытых тюрем западного образца сходен с российскими колониями-поселениями. Наибольшее распространение тюрьмы категории «Д» получили в Германии, Англии, Швеции, Дании, Швейцарии и США.

Заложенная в основу большинства стран прогрессивная система отбывания наказания позволяет заключенным поэтапно улучшать свое положение путем последовательного перевода из тюрем максимального уровня безопасности в тюрьмы с более низким уровнем безопасности (вплоть до тюрем категории «Д»).

С. Л. Бабаян выделяет опыт изменения заключенным вида тюрьмы в Швейцарии. Заключенные, отбыв полувину срока наказания, а приговоренные к пожизненному заключению в виде каторжной тюрьмы после десяти лет наказания при хорошем поведении могут быть переведены в открытые учреждения для отбывания наказания, а также могут трудиться вне исправительного учреждения (ч. 3 ст. 37 Уголовного кодекса Швейцарии⁴). Данный перевод может быть осуществлен и в отношении заключенных, хо-

⁴ Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А. В. Серебrenниковой. СПб., 2002. С. 89.

рошо зарекомендовавших себя в рамках предоставляемых отпусков [5, с. 170].

Отдельно остановимся на особенностях тюремной системы Великобритании. М. Л. Греков, характеризуя изменение правового положения заключенных английской пенитенциарной системы, отмечает, что «движение по ступеням с приобретением соответствующих льгот зависит от поведения осужденного. Весь срок заключения распределяется на: пробный период (одиночное заключение); исправительный период (общее заключение с привлечением к труду); условно-досрочное освобождение (по отбытии не менее трех четвертей срока наказания). Между исправительным периодом и условно-досрочным освобождением предусматривается еще один этап — переходное заключение в тюрьме с полусвободным режимом (выход на работу без конвоя, свободное общение с внешним миром) [1, с. 48–49].

Английская тюремная система предполагает регулярный пересмотр категории безопасности всем заключенным, кроме осужденных на срок менее 12 месяцев. Первый срок пересмотра уровня безопасности возможен через 12 месяцев после вынесения приговора либо в «любой момент, когда возникнут значительные изменения в поведении заключенного» [6, с. 428]. В случае повышения их опасности категория безопасности может быть пересмотрена незамедлительно, и они могут быть переведены в тюрьму с более высоким уровнем безопасности.

Тюремная система Франции имеет много общего с тюремными системами многих европейских государств. Особенностью прогрессивной политики отбывания наказания в виде лишения свободы во Франции является реализация ряда положений Оборнской системы, возникшей в США в 1816 г. (город Оборн близ Нью-Йорка). Она представляет систему отбывания наказания и состоит из пяти фаз:

1) заключенный до 45 дней находится в одиночном заключении, где он проходит тщательное психологическое изучение администрацией учреждения;

2) после дифференциации заключенных на исправимых, неисправимых и сомнительных первых в дневное время выводят на совместные работы с другими заключенными, а в ночное помещают в одиночные камеры (по Оборнской системе). Неисправимыми считаются заключенные, систематически нарушающие внутренний распорядок и подвергнувшиеся дисциплинарному наказанию. Данную категорию продолжают содержать в одиночных камерах вплоть до «раскаяния»;

3) исправимым заключенным постепенно увеличивают количество льгот. Заключенным разрешают принимать пищу в общей столовой, участвовать в культурно-массовых и спортивных мероприятиях и т. д.;

4) перевод осужденного на полусвободный режим содержания в открытую тюрьму с возможностью работать за ее пределами и посещать родственников;

5) условное освобождение заключенного.

В случае нарушения внутреннего распорядка тюрьмы, при злостном неповиновении требованиям администра-

ции учреждения либо при совершении преступления заключенный может быть признан «неисправимым» и вновь переведен на одиночное камерное содержание.

Во Франции надзор за исполнением наказания в виде лишения свободы осуществляется специальными судьями по исполнению наказания. Они определяют режим содержания для каждого осужденного и санкционируют их перевод на каждую последующую фазу [7, с. 42].

Сходные черты реализации института изменения осужденным вида исправительного учреждения имеет и пенитенциарная система Соединенных Штатов Америки, поскольку на ее формирование значительное влияние оказала Оборнская система исполнения наказания в виде лишения свободы.

Особенностью североамериканской тюремной системы можно назвать переполненность тюрем и получившее в связи с этим широкое развитие частных тюрем. А. А. Рябинин считает, что в США фактически возникла градация мест заключения на тюрьмы для малоимущего населения и тюрьмы для привилегированных слоев общества с комфортабельными условиями содержания [2, с. 308]. Очевидно, что данная дифференциация не позволяет индивидуализировать наказание и не обеспечивает равенство всех граждан перед законом.

Тюремная система ФРГ при хорошем поведении допускает перевод заключенного из одного исправительного учреждения в другое, в том числе и открытого типа, даже вне зависимости от выполнения индивидуального плана исполнения наказания с формулировкой: «...если это будет способствовать исправлению осужденного или его ресоциализации после освобождения» [8, с. 74].

Закон федеральной земли Бавария (ФРГ) от 10 декабря 2007 г. «Об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы»⁵ определяет порядок подготовки осужденных к освобождению. В целях подготовки осужденного к освобождению и его скорейшей ресоциализации норма определяет необходимость ослабления ему режима содержания, он может быть переведен и в учреждение открытого типа. Важным моментом является согласие заключенного на осуществление данного перевода.

При значительной либерализации ряда положений германской уголовно-исполнительной системы в 2012 г. только 10–20% были помещены в учреждения открытого типа (в 2011 г. — 16%). В федеральной земле Бавария, по данным за 2012 г., в открытых учреждениях содержалось всего 7% заключенных. Остальные осужденные отбывали наказание в исправительных учреждениях закрытого типа [9, с. 88]. Так, законодатель ограничивает переводы рядом личных и социальных требований, предъявляемых к осужденным. Это не только положительное поведение и отношение к труду, но и наличие или отсутствие опасений, что заключенный может уклониться от отбывания наказания в виде лишения свободы (или злоупотребит возможностями открытого заведения и совершит новое преступление).

⁵ URL: <http://www.strafvollzugsarchiv.de> (дата обращения: 24.01.2017).

Европейские тюремные правила формулируют значение труда как основное средство социализации осужденного: «...предоставляемая заключенным работа должна быть... такой, чтобы повышать им квалификацию, позволяющую заняться честным трудом после освобождения»⁶.

По мнению западных специалистов, приобретая трудовые навыки, осужденный эффективнее «адаптируется к социально одобряемой модели поведения» [10, с. 72]. Однако трудовая занятость осужденных выступает скорее как заинтересованность индивида в результатах своей деятельности, рассматривается как одна из сторон правоупорядоченного поведения.

Во всех странах Европы (за исключением Франции) труд осужденных обязателен. В большинстве стран он является оценочным критерием определения исправления и учитывается при переводе в учреждения с более легким режимом. Применяются различные поощрения, стимулирующие трудовую деятельность: дополнительные отпуска, премирование, зачет рабочих дней в срок отбывания наказания и т. д.

Закон ФРГ от 1 января 1977 г. «Об исполнении наказания в виде лишения свободы и мер исправления и безопасности, связанных с лишением свободы»⁷ определяет обязанность заключенных трудиться с учетом их специальности, трудоспособности и состояния здоровья до 5 дней в неделю по 8 часов. Данные условия входят в индивидуальный план исполнения наказания заключенного, обсуждаются с ним и являются основанием для перевода в учреждение открытого типа. Уклонение заключенного от выполнения обязательных работ в учреждении является основанием для пересмотра его положения и перевода в учреждение закрытого типа с более жестким режимом содержания.

Сходные критерии оценки отношения заключенных к труду содержатся в большинстве пенитенциарных законодательств зарубежных стран. Систему зачета рабочих дней в срок наказания применяют ФРГ, Греция, Испания, Франция и т. д.

Иной подход к оценке труда имеется в ряде тюремных учреждений Великобритании. П. В. Тепляшин так пишет: «...основные средства исправления основаны на физическом труде, включающем работу заключенных на объектах по обслуживанию тюрьмы (столовая, пищеблок, ферма и др.). Работают заключенные по будням два раза в день (всего 6 часов). При этом труд не является обязательным и прямо не влияет на получение каких-либо льгот, перевод в тюрьму открытого типа либо досрочное освобождение, но отказываются от него лишь единицы» [4, с. 70].

Специфика данного положения состоит в иной мотивации, которая заключается в следующем. Одиночное содержание в камере, особенно на первоначальном этапе отбывания наказания, без какого-либо физического труда прививает заключенным желание выполнять простые физические работы, а затем и трудиться на каком-либо производстве. М. Грюнхут отмечал: «Принуди-

тельный труд может доставлять страдания, но лишение работы еще более тяготит заключенного» [11, р. 198].

При английском консерватизме, присутствующем во всех сферах жизни, в пенитенциарной системе активно применяются и новейшие достижения психологии, что позитивно сказывается на изменении личности осужденных. Труд осужденных (как социальная реабилитация) входит в разработку индивидуальных исправительных программ и может оцениваться как часть ее выполнения при переводе на следующий уровень безопасности тюремного заключения.

Несколько иная ситуация наблюдается в США, где использование труда заключенных происходит в интересах федеральных корпораций тюремной промышленности и частных фирм. Заключенные используются, как правило, на работах по обслуживанию территории тюрьмы либо по производству какой-либо продукции для нужд учреждения (либо для других исправительных учреждений штата). Уровень оплаты труда очень низок, что не позволяет заключенным тратить заработок на приобретение предметов первой необходимости, на помощь семьям, взносы по страховкам и пенсии по старости.

Данные подходы свидетельствуют о том, что стимулирующего воздействия труда на личность заключенного в американских тюрьмах не происходит, а для пенитенциарной системы и общества в целом концепция исправления осужденных трудом нехарактерна.

Общим недостатком всей тюремной системы США является невозможность привлечения всех осужденных к труду, что не позволяет в полном объеме выполнить типовую исправительную программу. Н. А. Стручков отмечает, что, «не имея возможности осуществить трудовое воздействие на заключенных, тюремное ведомство США, в условиях, когда преступность буквально захлестывает страну, стремится „купить“ у заключенных их исправление различными методами, в частности, предоставлением возможности получить сокращение срока наказания» [12, с. 207].

В некоторых штатах финансовое вознаграждение может быть предусмотрено даже за отдельные достижения осужденных, например, прохождение очередного уровня исправительной программы.

Обучение заключенных и их отношение к обучению (наряду с трудовым воспитанием) занимает одно из ведущих мест в системе исправления заключенных и всячески поощряется, поскольку является важным компонентом ресоциализации.

В ряде западных стран образование заключенных, особенно несовершеннолетних, выходит на первое место. Приоритеты отдаются не труду, а профессиональной подготовке и обучению, что должно быть интегрировано в общенациональную систему образования и профессионального обучения. Особое внимание уделяется образованию молодых заключенных.

⁶ URL: <http://www.strafvollzugsarchiv.de> (дата обращения: 24.01.2017).

⁷ Там же.

Отметим, что ресоциализация именно несовершеннолетних заключенных преобладает в законодательствах многих зарубежных стран, ей уделяется большое внимание, она всячески стимулируется. Участие несовершеннолетних в обучающих программах в США стимулируется денежным вознаграждением, в Канаде сокращением срока наказания до 15 дней. В ряде европейских стран, если несовершеннолетний проходит обучение, он имеет право не работать и получать за это стипендию либо небольшое денежное вознаграждение.

Во Франции обучение в тюремной школе обязательно до 16 лет. Ежегодно, по данным ICPS, из всего контингента несовершеннолетних заключенных до 80% проходит обучение, более 30 тыс. взрослых осужденных и отбывающих наказание получают общее образование, на различных курсах более 20 тыс. проходят профессиональную подготовку [7, с. 41].

Отношение к обучению, несомненно, учитывается при выполнении индивидуальных планов отбытия наказания или программ исправления, и является одним из оснований изменения заключенному вида исправительного учреждения (уровня безопасности).

Таким образом, проведенное исследование пенитенциарного законодательства наиболее развитых стран двух правовых систем позволяет сделать следующие выводы:

1. Институт изменения вида исправительного учреждения для осужденных к лишению свободы в той или иной степени присутствует в пенитенциарных законодательствах большинства зарубежных стран, заложен в основу применяемой в них прогрессивной системы отбывания наказания. Гибкая концепция привилегий и стимулирующих мер (в зависимости от поведения) для каждой категории осужденных позволяет им поэтапно улучшать свое положение путем последовательного перевода из тюрем максимального уровня безопасности в тюрьмы с более низким уровнем безопасности вплоть до тюрем категории «Д», т. е. «открытых учреждений».

Практический интерес для российской уголовно-исполнительной системы должен вызвать опыт зарубежных психологов в изучении личности осужденного, мотивации к улучшению правового положения и скорейшей ресоциализации. Психологи обоснованно считают, что возвращение в общество происходит быстрее, когда человек после длительного заключения возвращается в социум постепенно либо вообще не рвет с ним связей.

Российским осужденным необходимо дать больше возможностей общаться с внешней средой: увеличить количество свиданий и телефонных переговоров с родными и близкими, разработать систему длительных и кратковременных отпусков осужденных, особенно в последние месяцы перед освобождением. Условия быта и общения заключенного перед освобождением должны быть максимально идентичны условиям внешнего мира.

2. Подходы к реализации института изменения вида исправительного учреждения в пенитенциарных законодательствах зарубежных стран достаточно эффективны,

так как основаны на принципе углубленной дифференциации осужденных и максимальной индивидуализации. Осуществляемое индивидуальное планирование отбывания наказания в виде лишения свободы и персональные исправительные программы исполнения наказания основаны на психологическом подходе к личности, являются наиболее эффективными методами и средствами достижения целей наказания.

Полагаем возможным использовать опыт индивидуального планирования исполнения наказания в виде лишения свободы осужденным либо применение персональных и базовых исправительных программ. Актуальным являлось бы личное участие осужденных в составлении планов или программ исполнения наказания. Регулярная аттестация осужденных (не реже одного раза в год) по реализации указанных документов и взятых на себя обязательств могла бы стать дополнительным стимулом для возвращения к нормальной жизни.

3. Особый научный и практический интерес вызывает понимание западными пенитенциаристами оценки критериев осужденных при принятии решения об изменении им вида исправительного учреждения. Поведение осужденного, его отношение к труду и учебе объединяют российский и западный подходы. Однако понимание критериев оценки различное, оно зависит от целей наказания. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством России это исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений (ст. 1 УИК РФ). Законодательства зарубежных стран в качестве целей наказания закрепляют ресоциализацию (либо социализацию) осужденных, т. е. возвращение их в общество. В основе западных моделей лежит определение степени угрозы и опасности для общества в случае побега осужденного. Наличие этой угрозы и опасности (либо их отсутствие) и будет свидетельствовать о поведении осужденного. Указанные основания лежат и в основе классификации осужденных на категории безопасности «А», «В», «С» и «Д», что учитывается при принятии решения о переводе.

Российская модель института изменения вида исправительного учреждения, точнее, ее наличие, призвана стимулировать поведение осужденного своей возможностью изменить его правовое положение. Выбор той или иной линии поведения остается за осужденным. Оценка труда и обучения проектируется на отношение осужденного к этим критериям, иногда не зависит от их наличия при рассмотрении вопроса об изменении вида исправительного учреждения. Трудоустройство осужденных считается первостепенной задачей в мире и является общей проблематикой российских и западных пенитенциаристов.

Европейские тюремные правила и законодательства ряда других стран формулируют значение труда и обучения как основные средства социализации осужденного. Опыт выполняемых им действий должен пригодиться ему после освобождения и помочь быстрее адаптироваться в обществе. Занятость осужденных рассматривается больше как заинтересованность индивида

в результатах своей деятельности, как одна из сторон правопослушного поведения.

В ряде стран Европы (ФРГ, Греция, Испания, Франция) и в США широко применяются нематериальные методы стимулирования труда осужденных, например зачет рабочих дней в срок отбывания наказания. До 90-х гг. XX в. данная система успешно применялась и в СССР. Полагаем, на законодательном уровне целесообразно вернуться к зачету рабочих дней в срок наказания как к дополнительному методу стимулирования труда осужденных.

4. Во Франции и Испании надзор за исполнением наказания в виде лишения свободы осуществляется специальными пенитенциарными судьями, к компетенции которых относятся и вопросы изменения осужденным вида исправительного учреждения (фазы отбывания наказания). В целях более эффективного решения вопросов, связанных с исполнением наказаний в местах лишения свободы, в том числе и изменения осужденным вида исправительного учреждения, полагаем возможным введение института пенитенциарных судей и в российском законодательстве.

Список литературы

1. Греков М. Л. Тюремные системы: состояние, перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 195 с.

2. Рябинин А. А. Проблемы наказания на новом этапе совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства : монография. Домодедово, 2000. 355 с.

3. Бриллиантов А. В. Проблемы классификации осужденных к лишению свободы в целях дифференциации условий отбывания наказания : монография. М., 1995. 144 с.

4. Тепляшин П. В. Современное тюремное право Англии : монография. Красноярск, 2007. 124 с.

5. Бабаян С. Л. Поощрительные институты уголовно-исполнительного права (теория и практика применения) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 592 с.

6. Зубарев С. М., Казакова В. А., Толкаченко А. А. Уголовно-исполнительное право : учебник. М., 2016. 455 с.

7. Слепцов И. В. Пенитенциарная система Франции (краткий обзор) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 2. С. 39–42.

8. Серебренникова А. В. Уголовно-исполнительное законодательство Баварии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4(24). С. 74–78.

9. Чернышева О. М. Реформа в пенитенциарных учреждениях Германии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 4. С. 86–89.

10. Овчинников С. Н. Стимулирование труда осужденных в пенитенциарных системах европейских стран // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 3. С. 72–76.

11. Grunhut M. Penal Reform. A comparative study. Oxford, 1948. 486 p.

12. Стручков Н. А. Советское исправительно-трудовое право. Общая часть. М., 1963. 224 с.

Changing the Type of Correctional Institution for Convicts Sentenced to Deprivation of Liberty in the Penitentiary Law of Foreign Countries

Tyufyakov Nikolay A.,

post-graduate student of the Omsk Academy of the Russian MIA
Omsk, Russia. e-mail: tna-1971@mail.ru

Most countries have developed a progressive system of serving punishment which allows prisoners to gradually improve their position by successive transportations from the maximum security prison to a lower security prison. The analysis of penitentiary legislation and national prison systems in the most developed countries of Anglo-Saxon (England, USA, Canada) and Romano-Germanic (Germany, France, Denmark, Switzerland, Sweden, Spain, Italy) legal systems enabled the author to identify general and specific approaches to the implementation of the institute of changing the type of the correctional institution by the convicts. General approaches include: individual stimulation of convicts' behaviour and the results of this stimulation; prisoners' attitude to work and education; the degree of risk of making an escape and danger to society. Consideration of the given criteria underlies the decision to improve the legal status of the convicts by his changing the type of imprisonment. Individual planning of serving punishment in the form of deprivation of freedom and the designed personal correctional programmes for the enforcement of penalties in these countries are based on a deep psychological approach to the convict's personality and are the most effective methods and means of achieving the objectives of punishment, namely, resocialization of the convicts. A positive experience of execution of punishment in these countries can be the basis for further improvement of the Russian penitentiary system.

Keywords: institute of changing the type of correctional institution, penitentiary system, foreign countries, prisoners, international standards, prison systems, stimulation of behaviour.

Citation: Tyufyakov N. A. Changing the Type of Correctional Institution for Convicts Sentenced to Deprivation of Liberty in the Penitentiary Law of Foreign Countries. *Psychopedagogy in law enforcement*. No. 3(70). 2017. P. 55–60.

ПСИХОДИАГНОСТИКА И ПОЗНАНИЕ ЛИЧНОСТИ

УДК 159 © Г. С. Човдырова, Н. А. Кузьмичева, 2017

Психодиагностическая модель психограммы успешного сотрудника подразделений по делам несовершеннолетних ОВД

Гульшат Сулеймановна Човдырова,

доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия. e-mail: Gulchat 1944@yandex.ru

Надежда Андреевна Кузьмичева,

адъюнкт кафедры юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия. e-mail: dejjonok@list.ru

При разработке психограммы успешных сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних использованы методики Кеттелла, Айзенка, Бойко, Леонгарда, Гилфорда, Холмса и Раге. Диагностируемая эталонная модель психограммы успешного инспектора содержит высокий уровень социального интеллекта, который выражается в интересе к профессии и любви к детям, в умении прогнозировать, предвидеть последствия поведения детей и подростков; предвосхищать их дальнейшие поступки на основе анализа реальных ситуаций общения; предсказывать события (частые гетероагрессии, аутоагрессии), основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений подростков; четко выстраивать стратегию собственного поведения для достижения поставленной цели в работе; ориентироваться в невербальных реакциях, нормо-ролевых моделях и правилах, регулирующих поведение подростков; считывать невербальные сигналы подростка, осознавать их и сравнивать с вербальными; распознавать переживания несовершеннолетних, которые не всегда могут словами точно выразить свои чувства и переживания, особенно дети с пограничным психическим развитием из неблагополучных семей, которые сильно отстали от сверстников в вербализации своих чувств.

Ключевые слова: психограмма, профессионально важные качества, коммуникативность, социальный интеллект, эмпатия, прогнозирование, считывание невербальных сигналов, стрессоустойчивость.

Для цитирования: Човдырова Г. С., Кузьмичева Н. А. Психодиагностическая модель психограммы успешного сотрудника подразделений по делам несовершеннолетних ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 61–67.

В связи с реформированием системы органов внутренних дел актуальными становятся проблемы совершенствования профессиональной деятельности ОВД в области профессионального отбора кадров на службу, диагностики, оценки их надежности.

Отметим, что отдельные профессиографические исследования в рамках различных специальностей проводили А. С. Душкин [1], И. В. Бабичев [2], Г. С. Човдырова [3–5], В. М. Крук, И. Н. Носс [6], Д. И. Кечил [7], И. В. Семчук [8], В. Л. Цветков, Т. А. Хрусталева [9], В. А. Губин [10] и др.

В рамках изучения уровня личностно-профессиональной пригодности сотрудника органов внутренних дел авторами была проведена профессиографическая экспертиза, а также собраны и обобщены первичные эмпирические данные. Например, Д. И. Кечил описал профессиограмму психолога, выявив основные особенности данной специальности, предложил пути повышения

эффективности труда психолога. И. В. Семчук изучала психологов и психологические особенности формирования готовности к профессиональной деятельности в образовательных учреждениях МВД России. А. С. Душкин исследовал профессионально важные качества в структуре профессиональной деятельности психолога, а также психологическое сопровождение профилактической деятельности сотрудников ОВД подразделений по делам несовершеннолетних.

В. Л. Цветков писал, что необходимо усовершенствовать систему подбора и обучения кадров для работы с детьми. Для этого в целях повышения профессиональной компетенции сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, кроме курса повышения квалификации в Московском университете МВД России, он предложил использовать систему служебной подготовки и пересмотреть оценочные критерии эффективности работы подразделений по делам несовершеннолетних [11, с. 40].

Кроме того, отметим, что специальные исследования, проведенные за рубежом по изучению социального интеллекта, позволили определить психологические профессионально важные качества, доступные для диагностики и необходимые для эффективного осуществления прицельной работы сотрудников с различным контингентом граждан, в том числе с несовершеннолетними [12, р. 159–175; 13, р. 9–18; 14, р. 75–83].

Однако анализ отдельных трудов выделил неразработанность проблем, связанных с деятельностью подразделений по делам несовершеннолетних (далее — ПДН), а именно психологического соответствия претендента требованиям профессии.

Таким образом, предварительное включенное наблюдение и экспертные оценки наиболее опытных сотрудников ПДН позволили предположить, что в структуре психогаммы успешного сотрудника ПДН имеются личностные свойства, отличающие его от всех остальных сотрудников подразделения. В связи с этим индивидуальные психологические особенности успешных сотрудников ПДН в виде психогаммы могут стать эталонной моделью для качественного отбора и подбора претендентов на эту службу, что, на наш взгляд, улучшит их эффективность деятельности в целом.

Цель исследования — разработка психогаммы личности успешного сотрудника ПДН.

В исследовании приняли участие инспекторы по делам несовершеннолетних территориальных органов внутренних дел. Выборку экспертов составили наиболее успешные сотрудники, которые в совершенстве знают содержание и специфику работы, имеют стаж работы в должности не менее трех лет.

В понятие успешности мы включили:

- стаж не менее трех лет;
- отсутствие замечаний, взысканий и выговоров в течение года;
- положительную характеристику от подопечных, коллег и начальника;
- карьерный рост, поощрения и награды.

Возраст респондентов составил от 23 до 40 лет. В связи с небольшой численностью коллективов ПДН всего обследовано 250 человек (в нескольких подразделениях территориальных органов внутренних дел г. Москвы).

Мы рассматривали личность инспектора по делам несовершеннолетних с нескольких сторон:

- как он сам оценивает свою работу;
- как оценивают его коллеги;
- как оценивают его начальник и подростки.

Среди всех испытуемых с помощью экспертного опроса и бесед с руководителями подразделений было выделено 54 человека — наиболее успешные инспекторы в своей области, имеющие большой стаж службы. В целях получения более полной картины успешности данных сотрудников мы провели опрос несовершеннолетних. Подростки описали качества личности инспекторов, которые наиболее важны для них.

В ходе изучения личности инспектора ПДН были применены специально разработанные анкеты для ин-

спекторов ПДН, включающие вопросы о психологических качествах специалиста, которыми необходимо обладать для успешной работы, а также анкета (незаконченные предложения), ориентированная на мотивацию в работе. Объединив полученные данные, мы выявили перечень предварительных психологических профессионально важных качеств, которые предъявляет профессия к претенденту. Эти качества получили наивысший балл при экспертной оценке сотрудниками ПДН:

- 1) гуманность, любовь к детям;
- 2) сочувственность/эмпатия, общительность;
- 3) стрессоустойчивость;
- 4) мотивационная направленность на успех в работе;
- 5) воспитанность, вежливость, интеллигентность.

Использованные нами анкеты были направлены на понимание сотрудником своих профессиональных обязанностей, профессионально важных качеств, умений, навыков. Отдельный блок составляли вопросы, ориентированные на определение мотивации инспектора и удовлетворенность своим трудом (табл. 1, где представлены все испытуемые, из которых одну группу составляют успешные сотрудники, а вторую — все остальные).

Таблица 1. Личностные показатели сотрудников ПДН, выявленные с помощью анкет

Исследуемые показатели	Успешные сотрудники, %	Все остальные испытуемые, %
Обладание знаниями, умениями, навыками	78	49
Обладание психологическими профессионально важными качествами	64	62
Положительная мотивация к службе	56	20
Удовлетворенность трудом	44	25

Среди успешных инспекторов по делам несовершеннолетних, участвующих в исследовании, по результатам анкет на первом месте находится владение знаниями, умениями и навыками ($78\% \pm 1,0$, $p < 0,01$). На втором — обладание психологическими профессионально важными качествами ($64\% \pm 1,2$) и положительная мотивация ($56\% \pm 1,3$). Последнее место занимает удовлетворенность трудом ($44\% \pm 1,4$).

Успешные сотрудники (по сравнению со всеми испытуемыми) наиболее развиты в профессиональном плане.

Большинство сотрудников обладает профессионально важными знаниями, умениями, навыками, наибольший процент обладает положительной мотивацией к служебной деятельности, удовлетворены своим трудом, отличия статистически значимые ($p < 0,01$). Низкий процент удовлетворенности трудом говорит о том, что инспекторы ПДН работают в трудных условиях, мало отдыхают и у них чрезмерно загруженный график. Из этого следует, что необходимо усовершенствовать условия труда инспекторов по делам несовершеннолетних. Уве-

личить штат подразделений, чтобы возможно было работать посменно (поскольку не в каждом подразделении есть такая возможность).

Для изучения характерологических особенностей были использованы тест-опросник Айзенка ЕРІ, методика определения акцентуаций характера К. Леонгарда — для исследования структуры личности, т. е. темпераментальных особенностей и типов акцентуаций характера.

Преимуществами данных методик является то, что тест-опросник Айзенка прост по содержанию, имеет шкалу лжи и позволяет четко отнести исследуемого к одному из четырех типов темперамента. Методика К. Леонгарда с помощью определения акцентуаций характера позволяет прогнозировать поведение в тех или иных сложных профессиональных ситуациях.

Среди всех исследуемых инспекторов ПДН преобладающим типом темперамента является холерик (43,2%). Среди наиболее успешных инспекторов ПДН чаще встречаются люди с сангвиническим темпераментом, меланхолики, холерики, флегматики. Это позволяет сделать вывод, что темперамент холерика, эмоционального и неуравновешенного, мешает успешности в профессии инспектора ПДН. Нетерпеливость, резкость и порывистость препятствуют нормальному доверительному контакту с детьми, ухудшают качество монотонной работы с документами.

Таким образом, определение темперамента успешных сотрудников ПДН показало, что преобладающим темпераментом успешности среди них является сангвиник и тенденция к успешности прослеживается у большинства меланхоликов (25%). Последнее обстоятельство можно объяснить выраженной сензитивностью меланхолических личностей, их тревожностью за судьбы детей и родителей, выраженностью у них интуитивно-эмоционального канала восприятия, что находит отзыв с противоположной стороны, облегчает продуктивный контакт с детьми и подростками с нарушенной адаптацией к социальным требованиям.

По результатам опросника Айзенка ЕРІ среди успешных сотрудников преобладающим типом темперамента являются амбиверты (40,2%, $p < 0,05$). Амбиверты включают в себя все виды темпераментов, в плане коммуникативных качеств они обладают тем оптимальным чувством меры, которое располагает к общению и вызывает доверие несовершеннолетних.

Таким образом, для работы инспектором по делам несовершеннолетних наиболее предпочтительны качества сангвиника и меланхолика. Сангвиник — уравновешенный, работоспособный и общительный, а меланхолик — сдержанный, крайне сензитивный, сочувственный. Именно на последнее качество указали эксперты, оно позволяет инспекторам-меланхоликам спокойно, открыто и, хорошо разбираясь в оттенках чувств ребенка, мягко, осторожно ладить, раскрывать мотивы поведения и предсказывать поступки делинквентных подростков. Успешные инспекторы ПДН, как правило, являются амбивертами. Это означает нечто среднее между интровертами (молчаливыми, замкнутыми) и экстравертами (открыты-

ми и контактными, но часто невнимательными, поверхностными и болтливыми).

По методике К. Леонгарда мы выявили распределение акцентуаций характера среди всех инспекторов ПДН, среди успешных наиболее часто встречаются *акцентуированные по демонстративному типу*. Это значит, что инспекторы ПДН очень эмоциональны, демонстративны и легки в установлении контактов. Они выявляют высокую приспособляемость в общении с подростками, их родителями, начальством, эмоционально подвижны, стремятся к лидерству. В то же время сотрудники-холерики склонны к эгоцентризму и могут провоцировать конфликты как с коллегами, так и с подопечными. Это характерно для большинства «всех остальных» сотрудников, что и препятствует их успешности.

Среди всех испытуемых пиком выделяется *гипертимический тип*. Их характеризует общительность, выразительность эмоций, энергичность, инициативность в работе. Таким сотрудникам присущи хорошее настроение и высокий жизненный тонус. Но они болтливы, шумны и поверхностны, что может оттолкнуть ребенка от контакта с таким инспектором. Они недостаточно серьезно относятся к своим обязанностям, трудно переносят условия жесткой дисциплины и монотонную деятельность, поэтому при психодиагностическом отборе их не стоит направлять на работу с детьми, поскольку по темпераменту они больше относятся к холерикам.

Следующее качество всех инспекторов — *эксальтированность*. Это свидетельствует о том, что среди «всех остальных» испытуемых чаще всего встречаются люди эмоциональные, общительные и словоохотливые, так как в течение рабочего дня им приходится очень много общаться с различными категориями граждан. Но они могут быть и паникерами, порывистыми в делах, нередко подвержены сиюминутным настроениям, что может плохо сказываться на их работоспособности и установлении контакта с детьми и подростками.

И последним пиком является *эмотивный тип*. Такие сотрудники чувствительны, гуманны, у них сильно выражено сопереживание. Они отзывчивы и мягкосердечны, но слишком впечатлительны, а трудности воспринимают острее, чем другие. Они могут эффективно работать с детьми, редко конфликтны, но менее стрессоустойчивы. Поэтому психологу нужно работать с ними в плане повышения их стрессоустойчивости и выносливости к трудным условиям несения службы в целом.

Таким образом, в числе успешных инспекторов ПДН в среднем нет акцентуированных личностей (диапазон данных ника достигает от 6,2 до 10,4). Успешные сотрудники проявляют наибольшую ответственность. Но это свидетельствует и о том, что успешный сотрудник ПДН не имеет никаких заостренных черт характера, все свои личностные качества он может сгладить, они находятся под его четким контролем. Он регулирует свое поведение в зависимости от сложившейся ситуации. Такой сотрудник наиболее предпочтителен для работы с трудными подростками, которые по складу характера обладают большим количеством выраженных акцен-

туаций и отличаются несдержанностью, девиантностью и делинквентностью поведения.

Исследование личности инспектора ПДН при помощи опросника Р. Кеттелла показало, что успешные (и все остальные) испытуемые характеризуются как общительные и открытые, готовые к сотрудничеству и внимательные к людям. Сотрудникам свойственны легкость в установлении контактов, мягкосердечие, хорошая память, они запоминают события, фамилии, имена и отчества всех, с кем контактируют.

По методике Кеттелла у наиболее успешных сотрудников ПДН статистически значимо развиты такие качества, как общительность, эмоциональная устойчивость, ответственность, рациональность, практичность, консервативность, сила воли и собранность ($p < 0,001$). Больше процент испытуемых обладает высокой нормативностью поведения, чувством долга, ответственностью, а также развитыми лидерскими качествами.

Социальный интеллект изучался с помощью теста Гилфорда. Для анализа достаточно объемного теста Гилфорда мы разбили результаты в соответствии с каждым из субтестов (табл. 2).

Таблица 2. Показатели социального интеллекта сотрудников по субтестам Гилфорда, %

Уровень	Успешные				Все остальные			
	Субтесты Гилфорда				Субтесты Гилфорда			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Низкий	1	2	3	4	18	18	13	17
Средний	26	37	43	38	37	37	41	45
Высокий	73	58	55	56	45	45	44	38

Субтест 1 наглядно показывает, что большинство успешных инспекторов ПДН (73%) — это лица, **умеющие предвидеть последствия определенного поведения подростков, превосхищать** их дальнейшие поступки на основе анализа реальных ситуаций общения, **предсказывать** события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений подростков. Такой высокий уровень социального интеллекта (73%) помогает четко выстраивать стратегию собственного поведения для достижения поставленной цели в работе. Успешное выполнение субтеста предполагает и умение ориентироваться в невербальных реакциях несовершеннолетних, а также знание нормо-ролевых моделей и правил, регулирующих поведение детей, что немаловажно в профессии инспектора по делам несовершеннолетних ($p < 0,001$).

Из таблицы 2 видно (субтест 2), что опрошенные успешные сотрудники ПДН способны правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, мимике, позам и жестам. Чувствительность к невербальной экспрессии существенно усиливает способность понимать других. **Способность читать невербальные сигналы подростка**, осознавать их и сравнивать с вербальными особенно важна для сотрудника (58%). Эта способность поможет инспектору распознать переживания несовершеннолетних, которые

не всегда могут словами точно выразить свои чувства и переживания. В их практике часто встречаются дети с пограничным психическим развитием из неблагополучных семей, которые сильно отстали от сверстников в вербализации своих чувств ($p < 0,001$).

Большая часть испытуемых обладает высоким социальным интеллектом, что позволяет им быстро и **правильно понимать то, что люди говорят друг другу в контексте определенной ситуации**, конкретных взаимоотношений. Часть успешных сотрудников (6%), имеющих низкий социальный интеллект, компенсировали этот недостаток опытом работы (свыше 10 лет), выраженной эмпатийностью и моральностью поведения (по методике Кеттелла).

Инспекторы с высоким социальным интеллектом способны находить соответствующий тон общения с разными собеседниками в разных ситуациях, имеют большой репертуар ролевого поведения (проявляют ролевую пластичность) ($p < 0,05$). В работе с детьми это особенно важно, так как к каждому ребенку необходим индивидуальный подход.

По методике Гилфорда 56% инспекторов ПДН, наиболее успешных в своей деятельности, **обладают способностью распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике**. Они умеют анализировать сложные ситуации взаимодействия подростков, понимают логику их развития, чувствуют изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников. Путем логических умозаключений они могут достраивать неизвестные и недостающие звенья в цепи этих взаимодействий, предсказывать, как именно ребенок поведет себя в дальнейшем, отыскивать причины определенного поведения. Например, инспектор ПДН может на основе неполных данных **выстроить целостную картину ситуации**, в которой находится несовершеннолетний. Инспектор ПДН, обладающий социальным интеллектом выше среднего, может адекватно отражать цели, намерения, потребности несовершеннолетних, **предсказывать последствия их поведения**.

Таким образом, мы выяснили, что инспекторы ПДН, наиболее успешные в своей работе, — это, как правило, **лица, обладающие высоким социальным интеллектом**. Они способны извлечь максимум информации о поведении людей, понимать язык невербального общения, высказывать быстрые и точные суждения о подростках, успешно прогнозировать их реакции в заданных обстоятельствах, проявлять дальновидность в отношениях с ними. Инспекторы ПДН с высоким социальным интеллектом по большей части коммуникабельны. Им свойственны контактность, открытость, тактичность, доброжелательность, что подтверждается результатами исследования, проведенного по опросникам Кеттелла и Бойко.

Исследование по методике В. Бойко позволило нам рассмотреть у сотрудников выраженность трех каналов восприятия партнера по общению.

Рациональный канал эмпатии характеризует направленность внимания, восприятия и мышления ин-

спектора ПДН на подростка: на его состояние, проблемы, поведение. В рациональном компоненте эмпатии инспектор непосредственно выявляет у несовершеннолетнего его бытийную реальную сущность.

Эмоциональный канал эмпатии фиксирует способность инспектора ПДН эмоционально резонировать с детьми, беспрепятственно входить в энергетическое поле ребенка. Понять его внутренний мир, прогнозировать поведение и эффективно воздействовать возможно только в том случае, если произошла энергетическая подстройка к подопечному.

Интуитивный канал эмпатии свидетельствует о способности инспектора видеть поведение подростков, действовать в условиях дефицита исходной информации, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании. Этот канал эффективен при наличии опыта работы с несовершеннолетними.

Проникающая способность в эмпатии расценивается как важное коммуникативное свойство инспектора ПДН, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. Атмосфера напряженности, неестественности, подозрительности в беседе препятствует раскрытию и эмпатическому постижению подростков.

Мы выявили, что среди всех, в том числе и наиболее успешных инспекторов ПДН, исследованных с помощью методики В. Бойко, преобладает средний уровень эмпатии. Наиболее сильно развит интуитивный канал эмпатии. Это может быть связано с тем, что все испытуемые уже имели опыт работы от 3 до 15 и более лет.

Таким образом, суммируя полученные данные, по результатам экспериментального исследования по шести психологическим тестам и методикам мы разработали эталонную модель успешного инспектора ПДН, которую практические психологи, используя указанные методики, могут применять для отбора и подбора сотрудников ПДН.

Диагностируемая эталонная модель психогаммы успешного инспектора ПДН выглядит следующим образом:

1. Высокий уровень социального интеллекта, который выражается в интересе к профессии и любви к детям:

— умение прогнозировать, предвидеть последствия поведения детей и подростков;

— способность предвосхищать их дальнейшие поступки на основе анализа реальных ситуаций общения, предсказывать события (частые гетероагрессии, аутоагрессии), основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений подростков, четко выстраивать стратегию собственного поведения для достижения поставленной цели в работе;

— умение ориентироваться в невербальных реакциях несовершеннолетних, знание нормо-ролевых моделей и правил, регулирующих поведение подростков (методика Гилфорда, субтест 1, $p < 0,001$);

— способность считывать невербальные сигналы подростка, осознавать их и сравнивать с вербальными;

— распознавание переживаний несовершеннолетних, которые не всегда могут словами точно вы-

разить свои чувства и переживания (это дети с пограничным психическим развитием из неблагополучных семей, которые сильно отстали от сверстников в вербализации своих чувств (методика Гилфорда, субтест 2, $p < 0,001$));

— правильное понимание вербальных сигналов подростков: то, что они говорят в контексте определенной ситуации, конкретных взаимоотношений;

— способность находить соответствующий тон общения с разными подростками в разных ситуациях;

— *опыт ролевого поведения* (т. е. проявление ролевой пластичности), что очень важно в работе с детьми, так как к любому ребенку необходим индивидуальный подход (методика Гилфорда, субтест 3, $p < 0,05$).

2. Выраженная развитость каналов восприятия-эмпатии и коммуникативности (определялась по методике Бойко):

— *развитость рационального канала эмпатии*: направленность внимания, восприятия и мышления инспектора ПДН на состояние, проблемы, поведение подростка;

— способность непосредственно выявлять реальную бытийную сущность детей и подростков;

— мотивированность на сущность деятельности;

— *развитость эмоционального канала эмпатии* выявляет способность инспектора ПДН эмоционально резонировать с детьми: сопереживать, соучаствовать, что важно для вхождения в энергетическое поле ребенка, чтобы понять его внутренний мир, прогнозировать поведение и эффективно воздействовать на него, создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности;

— умение поставить себя на его место (идентифицировать);

— *развитость интуитивного канала эмпатии* выявляет способность инспектора, предчувствуя, видеть поведение подростков в условиях недостатка информации, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании.

3. Характерологические особенности, выявленные методикой Кеттелла:

— *отношение к окружающим людям*: характеризуются как личности *общительные, открытые*, внимательные, готовые к сотрудничеству; им свойственны легкость в установлении контактов, мягкосердечие. Обладают *хорошей памятью и наблюдательностью*, запоминают события, фамилии, имена и отчества всех, с кем контактируют. У успешных сотрудников более *развито конкретное мышление*, они четко и быстро выполняют поставленные задачи. Выявляют высокую *способность к соблюдению правовых и общественных норм*;

— *отношение к труду*: умение *соблюдать этические служебные нормы*: корректно ведут себя с начальством, эмоционально выдержаны, дипломатичны. *Легко находят выход из сложных ситуаций, обладают высокой стрессоустойчивостью*, хладнокровны, уверены в себе и своих силах. Как и все сотрудники в целом, они консерваторы, несколько склонны к морализации и нравоучениям. В то же время они практичны, реалистичны с конкретным воображением, что характеризует их как отличных работников.

Отсутствуют выраженные акцентуации характера по методике К. Леонгарда.

4. Темпераментальные качества успешных инспекторов ПДН, выявленные методикой Айзенка:

— преобладание сангвинического и меланхолического темперамента. Преобладающим темпераментом среди успешных сотрудников является сангвиник, тенденция к успешности прослеживается у большинства меланхоликов. Последнее обстоятельство можно объяснить выраженной сензитивностью меланхолических личностей, склонностью к переживаниям, тревожностью за судьбы детей и родителей, выраженностью интуитивно-эмоционального канала восприятия, что находит отзыв с противоположной стороны, облегчает продуктивный контакт с детьми и подростками с нарушенной адаптацией к социальным требованиям.

5. Тип личности по шкале «интроверсия — экстраверсия»: среди успешных инспекторов ПДН большинство амбивертов, представляющих нечто среднее между экстравертами и интровертами т. е. в их характере преобладает равновесие.

В процессе эксперимента мы выявили, что большинство сотрудников ПДН являются холериками — 43,2%, из них успешные составляют 22,8%, в то время как сангвиники только 25,7%, среди них успешных 35,7%. Получается, что холерики охотно идут на эту службу, сангвиники с меньшим желанием, хотя они более успешны. Почему? Почему среди холериков не так много успешных, меланхоликов меньше, но они тоже более успешны, флегматики тоже более успешны, чем холерики? На наш взгляд, это можно объяснить тем, что холерики устраиваются на службу, не представляя сути работы, делая это поспешно, будучи уверенными, что они сильные и быстрые, а потому справятся. Сангвиники проявляют большую избирательность, флегматики и меланхолики, как правило, не уверены, что справятся с детьми, предполагая, что с ними нужно быть быстрыми и мобильными. Но на деле оказывается, что в данной работе важны не быстрота и мобильность, а *вдумчивость и наблюдательность в виде социального интеллекта, сопереживание и любовь к детям*. Поскольку холерики стремятся на эту работу ошибочно, полагаясь на свою силу и мобильность, то психологам необходимо обучать их терпимости, терпеливости, сопереживанию и наблюдательности, в противном случае следует рекомендовать переход в другие подразделения, не связанные с работой с детьми.

Согласно полученной психодиагностической модели (психогамме) при отборе и подборе кадров в ПДН мы рекомендуем использовать две группы методик:

1) тесты, определяющие личностные качества инспекторов: опросник Кеттелла, личностный опросник Айзенка (ЕРІ), методика определения акцентуаций характера Леонгарда;

2) методики, определяющие коммуникативные качества: методика диагностики уровня эмпатических способностей Бойко, тест Гилфорда, определяющий социальный интеллект, методика Холмса и Раге на стрессоустойчивость.

Эти две группы методик в совокупности позволят практическому психологу выявить *основные психологические профессионально важные качества*, которыми должен обладать претендент на службу в подразделения ПДН.

Список литературы

1. Душкин А. С. Психологическое сопровождение профилактической деятельности сотрудников органов внутренних дел подразделений по делам несовершеннолетних : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 20 с.
2. Бабичев И. В. Акмеологические факторы развития профессионально важных качеств оперативных сотрудников правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 20 с.
3. Човдырова Г. С. Психодиагностика профессионально важных качеств оперативных сотрудников полиции для общения с гражданами // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1(52). С. 38–43.
4. Човдырова Г. С., Митрохина Н. А. Психологическая структура профессиограммы в научных исследованиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61). С. 97–101.
5. Човдырова Г. С. Психологические профессионально важные качества оперативных сотрудников различных направлений деятельности системы МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 197–200.
6. Караваев А. Ф., Крук В. М., Носс И. Н., Виноградов М. В. Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органах внутренних дел и оценки надежности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 106–113.
7. Кечил Д. И. Особенности профессиограммы труда психолога служебной деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 20 с.
8. Семчук И. В. Психологические особенности формирования готовности к профессиональной деятельности психологов в образовательных учреждениях МВД России : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 24 с.
9. Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Профиль профессиональных компетенций психолога органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61). С. 22–25.
10. Губин В. А., Егоров Д. А. Личный пример офицера как педагогическое условие воспитания военнослужащих — контрактников частей внутренних войск МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3(58). С. 38–41.
11. Цветков В. Л. Психология деятельности сотрудников органов внутренних дел по профилактике и преодолению асоциального поведения малолетних : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 50 с.
12. Callahan S. M. Intelligence and giftedness. New York, 2000. 306 p.
13. Guilford J. The nature of human intelligence. New York, 1967. 538 p.
14. Guilford J. The ability to convert functions. Journal of creative behavior. New York, 1983. 207 p.

Psychodiagnostical Model of Psychogramme of a Successful Officer of Juvenile Delinquency Units

Chovdyrova Gulchat S.,

Doctor of Sciences (Psychology), Doctor of Sciences (Medicine), Professor at the Department of Legal Psychology, V. Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Moscow. e-mail: Gulchat 1944@yandex.ru

Kuzmicheva Nadezhda A.,

post-graduate student at the Department of Legal Psychology, V. Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russia, Moscow. e-mail: dejjonok@list.ru

The methods of Cattell, Eysenk, Boyko, Leongard, Guildford, Holmes, Rahe have been used to develop the psychogramme of a successful officer of juvenile delinquency units. The diagnosed standard model of a psychogramme of a successful officer of juvenile delinquency units comprises a high level of social intelligence manifested generally in interest and love to children, that is in abilities to foresee child and juvenile behaviour consequences, apprehend their further actions estimating real communications, predict events (frequent hetero-aggressions, autoaggressions) basing on comprehension of juvenile feelings, thoughts and intentions, develop a distinct strategy of their own behaviour to achieve the goals in their work; be competent in non-verbal reactions, norm and role patterns and rules regulating juvenile behaviour (Methods of Guildford, subtest 1 ($p < 0.001$)); reveal and understand juvenile non-verbal signs, compare them with verbal ones; identify feelings of juveniles not always being able to verbally express their feelings especially children with border psychic development from problem families who fall behind their peers in verbalization of feelings (Methods of Guildford, subtest 2 ($p < 0.001$)).

Keywords: psychogramme, professionally important qualities, communicative ability, social intelligence, empathy, forecasting, revealing of non-verbal signs, stress tolerance.

Citation: Chovdyrova G. S., Kuzmicheva N. A. Psychodiagnostical Model of Psychogramme of a Successful Officer of Juvenile Delinquency Units. Psychopedagogy in law enforcement. No. 3(70). 2017. P. 61–67.

УДК 159.9.072.533 © С. В. Горностаев, 2017

Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности

Станислав Викторович Горностаев,

кандидат психологических наук, доцент, докторант Академии ФСИН России
Рязань, Россия. e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Служебная лояльность — это система характеристик психоповеденческой интегрированности служащего в группу или группы, функционирующие в профессионально-служебной сфере. Основные диагностируемые параметры служебной лояльности — перечень групп, в которые интегрирован служащий, степень интеграции в них. Составляющие лояльности — ее структурные компоненты (психологическая и поведенческая стороны) и динамический деятельностный компонент. Наиболее обоснованный подход к диагностике лояльности как целостного явления и к диагностике служебной лояльности — изучение личностных черт, имеющих общегрупповое значение. Методика цветowych метафор И. Л. Соломина является эффективным средством диагностики служебной лояльности. Модификация методики, предназначенная для диагностики служебной лояльности, была успешно апробирована на выборке сотрудников пенитенциарной системы. Основным критерий оценки лояльности той или иной группы, при интерпретации данных методики цветowych метафор, — сравнительная привлекательность цвета для испытуемого, которым он обозначил оцениваемую группу. Способ выявления психологических причин и условий формирования лояльности группе — анализ группы понятий, обозначенных тем же цветом, что и оцениваемая группа. С ростом стажа службы и служебного статуса у испытуемых увеличивается выраженность актуальных лояльностей группам, относящимся к профессионально-служебной сфере.

Ключевые слова: лояльность, структура лояльности, служебная лояльность, методика цветowych метафор, психологическая диагностика, актуальные лояльности, потенциальные лояльности.

Для цитирования: Горностаев С. В. Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 67–72.

Под термином «служебная лояльность» понимается система характеристик психоповеденческой интегрированности служащего в группу или группы, функционирующие в профессионально-служебной сфере. Как основные параметры служебной лояльности рассма-

тривается перечень групп, в которые интегрирован служащий, а также степень интеграции в них.

Необходимость исследования и психологической работы со служебной лояльностью сотрудников правоохранительных органов была подтверждена в результате

теоретического анализа [1; 2; 3], в ходе которого показано значение служебной лояльности для эффективности служебной деятельности и личного благополучия служащих, а также в ходе опроса 186 служащих уголовно-исполнительной системы, занимающих руководящие посты в учреждениях и территориальных органах ФСИН России.

Диагностика любого явления предполагает предварительное выделение его структуры.

В лояльности условно выделяются структурные компоненты (психологическая и поведенческая стороны) и функционально объединяющий их динамический компонент — деятельность.

Структурные компоненты.

Психологическая сторона:

1) идентификация с группой: представление человека о существовании группы, о характеристиках «типичного члена группы» (по целям, интересам, правилам поведения и типичным действиям в типичных социальных ситуациях), о составе группы, о критериях членства и границах группы, чувство и осознание сходства, причастности, общности, принадлежности, включенности, дифференциация от чужаков;

2) субъективная ценность группы, основ ее объединения и групповых отношений, а также их связь с базовыми ценностями личности, убежденность в достоинстве группы и ее членов;

3) интегрированность в индивидуальную мотивацию общегруппового мотивационного основания (субкультура, порядок, общегрупповой паттерн), включающего ориентирующие (мифы, убеждения, ценности, цели, идеалы, смыслы, символы и т. п.) и детализирующие (жизненные программы, представления о социальной структуре и типичных ролях группы, нормы, обязательства, традиции и т. д.) компоненты;

4) производные чувства и отношения: доверие; надежда на лучшее в будущем группы, кредит доверия группе, вера в ее позитивную сущность; эмоциональная теплота, сопереживание членам группы, ответственность перед группой; переживание гордости или вины перед группой, чувства справедливости или несправедливости социальных ситуаций в группе.

Поведенческая сторона включает линию поведения и отдельные акты, соответствующие групповому порядку, направленные на:

1) поддержание существования и функциональности системы принадлежности (сохранение себя в группе как продуктивного группового ресурса, поддержание функциональных связей в группе, необходимое реагирование на возникновение угроз, использование возможностей для адаптации и развития группы);

2) реализацию группой своего предназначения, отраженного в групповом сознании.

Динамический компонент появляется в ходе взаимодействия структурных компонентов, актуализирует их и позволяет им существовать, функционировать и развиваться — деятельность, направленная на реализацию общегруппового мотивационного основания.

Выбор средств диагностики особенностей служебной лояльности был затруднен отсутствием устоявшихся в науке и практике позиций в отношении ключевых точек, по которым может быть диагностировано явление в целом.

Административно-правовой подход к служебной лояльности традиционно в качестве такого критерия рассматривает служебное поведение [4–11]. Однако данная позиция не выдерживает контраргументов представителей феноменологического подхода к проблемам лояльности.

Так, И. Босормени-Надь и Дж. Спарк утверждают, что так называемое лояльное поведение может детерминировать не идентификация и присвоение группового паттерна, а, например, «внешнее принуждение, осознанная заинтересованность в членстве, осознанное чувство обязанности...» [12, р. 39]. При этом логика «правильности» или «неправильности» того или иного поведения лояльных членов групп может быть понятна только членам группы, но не внешним наблюдателям. «Лояльное поведение», рассматриваемое авторами, как следование логике социальной системы, реализация ее паттерна, не зависит от того, как это поведение оценивается и воспринимается: «Демонстративно непослушный и „отклоняющийся” ребенок может ... быть самым лояльным членом семьи» [12, р. 160]... «Поведение одних членов группы по отношению к другим, которое кажется шокирующе деструктивным и раздражающим, может не восприниматься как таковое взаимодействующими, если оно соответствует основам групповой лояльности» [12, р. 40]... «Больной или плохой член может эффективно дополнить роль другого выдающегося, социально креативного члена системы» [12, р. 41]. Лояльность в социальных системах исследуется авторами не в отношении формально и осознанно установленных, а в отношении объективно существующих порядков, выработавшихся в системе, воспринимаемых и воспроизводимых членами групп во многом на бессознательном уровне. Авторы отмечают, что без знания реального системного порядка невозможна оценка поведения членов системы на предмет лояльности системе, ее порядку, объединяющему группу и делающему ее системой. Они описывают лишь общие черты активности лояльного члена группы: «Лояльный член будет стремиться согласовывать свои интересы с интересами группы. Участвует в делах своей группы, разделяет групповую точку зрения, принимает к руководству или... очень уважительно относится к групповому этическому кодексу поведения» [12, р. 42]. Групповая этика считается авторами специфически групповым, исторически сложившимся, динамическим образованием, конкретизированным в поведенческих паттернах.

Возможность изучения служебной лояльности через служебное поведение не согласуется с позициями представителей характерного для отечественной психологии деятельностного подхода.

А. Н. Леонтьев указывал: «В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ откры-

вает лишь средства для достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит и в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру — оболочку, которая зависит от объективных условий, иногда случайных» [13, с. 185].

К условиям государственной службы вполне применима позиция В. Н. Мясищева: в условиях свободного взаимодействия могут проявляться истинные отношения, но в условиях, тормозящих или подавляющих, в условиях несвободы и зависимости истинные отношения во взаимодействии не проявляются, а скрываются и маскируются [14]. В поведении проявляются истинные отношения, но характер поведения зависит от внешних обстоятельств и при существующей тесной связи между процессом взаимодействия людей и их взаимоотношениями, она, как правило, остается скрытой от внешних наблюдателей. Люди на государственной службе психологически отчуждены от собственной поведенческой активности [15], которая не может напрямую охарактеризовать их личность. Часто к государственным служащим применимы слова А. Н. Леонтьева: «Первое основание личности — есть богатство связей индивида с миром. Но речь идет о действительных, а не об отчужденных от человека отношениях, которые противостоят ему и подчиняют его себе» [13, с. 193].

А. А. Бодалев писал: «...у разных людей отношения, сходные по своему содержанию, обычно выражаются в действиях и поступках, отмеченных индивидуальной манерой поведения, выработавшейся у личности в процессе ее развития» [16, с. 9].

Таким образом, трудностью психологической диагностики лояльностей через служебное поведение выступает отсутствие очевидных для интерпретации исследователей связей между объективно наблюдаемыми поведенческими признаками и комплексным психоповеденческим феноменом, подлежащим изучению.

Методологическое решение проблемы открывает позиция А. В. Петровского: межличностные связи, опосредованные ценностями, а также содержанием и смыслом совместной деятельности, «заключены в конкретных индивидных свойствах, но к ним несводимы» [17, с. 61]. Поэтому, на наш взгляд, они могут быть изучены через те личностные свойства, которые отражают указанные особенности совместной деятельности.

К таким свойствам мы можем отнести самоидентификацию с группами, осуществляющими ключевые для личности деятельности, а также смыслы, ценности, цели и стратегии взаимодействия в деятельности.

Помимо сугубо методологических проблем, существуют проблемы демонстрации социальной желательности обследуемых служащих, выступающих недобровольными клиентами, проблемы их психологических защит,

а также указанные выше проблемы серьезной представленности лояльностей на бессознательном уровне, ориентирующие исследователей на применение хорошо защищенных диагностических методик с неочевидным для испытуемых механизмом оценки и целями применения, позволяющих исследовать не только осознаваемые, но и бессознательные пласты психики.

Описанным выше теоретико-методологическим позициям и целям диагностики служебной лояльности сотрудников правоохранительных органов в наибольшей мере соответствует методика цветowych метафор (далее — МЦМ) И. Л. Соломина [18], которая была апробирована в ходе масштабного исследования особенностей служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы России. В ходе исследования более тысячи сотрудников методика зарекомендовала себя как валидный, надежный и информативный психодиагностический инструмент, обладающий возможностями не только диагностики служебной лояльности, но и интерпретации ее индивидуально-психологических факторов. Ранее И. Л. Соломин указывал на возможности использования семантической диагностики для изучения лояльности сотрудников [19], наше исследование эмпирически подтвердило такую возможность.

Предпочтение было отдано МЦМ в силу ее высокой защищенности от намеренных искажений результатов (что в ходе пилотажного обследования было подтверждено на значительной выборке профессиональных психологов, знакомых с проективными методами), а также в силу способности методики выделить неосознаваемые испытуемым особенности его лояльности, что подтверждалось испытуемыми пилотажной группы после интерпретации индивидуальных результатов.

К задачам методики относилось выявление структуры лояльностей обследуемого, а также индивидуальных причин интеграции и дезинтеграции с отдельными группами в профессионально-служебной сфере, поведенческих стратегий, реализуемых в группах лояльности, доминирующих эмоций и чувств, ценностей и мотивов, связанных с группами лояльности, а также отношения признанных ценностей государственной службы с отдельными группами лояльности. Таким образом, методика несла нагрузку по изучению содержания и индивидуально-психологических факторов лояльностей испытуемых.

Процедура применения методики предполагает, что испытуемый выбирает для каждого предъявляемого понятия один из восьми предложенных цветов, который теснее всего ассоциируется у него с предъявленным понятием. После выбора подходящих цветов для всех понятий-стимулов цвета ранжируются испытуемым по степени привлекательности.

В отличие от процедуры получения сознательных оценок, выбор для значимых понятий-стимулов цветowych метафор обеспечивает преодоление как психологических защит, так и социальной желательности ответов испытуемых, позволяет обратиться к неосознаваемым пластам психики.

В стимульный материал использованного варианта МЦМ были включены восемь стандартных цветов Люшера и 80 понятий-стимулов:

— предложенные И. Л. Соломиным ключевые маркеры: «мое увлечение», «интересное занятие», «мое прошлое», «мое настоящее», «мое будущее», «какой Я на самом деле», «каким Я хочу быть»;

— потенциальные группы лояльности, функционирующие в служебной сфере, выделенные в результате теоретического анализа и проведения фокус-групп с практическими работниками уголовно-исполнительной системы, проходившими обучение на Факультете повышения квалификации и первоначальной подготовки и Высших академических курсах Академии ФСИН России в 2015 и 2016 гг.: «карьерная команда», «мое подразделение», «госслужащие», «сотрудники правоохранительных органов», «сотрудники УИС», «друзья по службе», «клиенты по службе», «сообщество профессионалов», «коллектив в целом»;

— наиболее вероятные потенциальные группы лояльности вне служебной сферы (для сравнения и анализа соотношения с лояльностями в служебной сфере): «семья», «друзья вне службы»;

— базовые человеческие эмоции: «радость», «интерес», «презрение», «удивление», «гнев», «страх», «печаль», «отвращение»;

— социальные чувства: «вина», «гордость», «стыд»;

— ключевые социальные стратегии по Томасу: «сотрудничество», «соперничество», «компромисс», «избегание», «приспособление»;

— основные ценности: «безопасность», «традиции», «самостоятельность», «новизна», «самоутверждение», «забота», «удовольствие», «здоровье», «общение», «деньги», «творчество», «самореализация», «духовность», «покой», «активность», «уважение»;

— ролевой конструкт «Я на службе»;

— теоретически выделенные психологические конструкты лояльности:

а) конструкты ценности: «хорошие люди», «плохие люди»;

б) конструкты идентификации: «мой ближний круг», «чужие люди»;

в) конструкты интериоризации: «согласие», «противоречия»;

г) конструкты групповых чувств: «чувство как дома» и «отчуждение», «доверие» и «подозрение», «единство» и «разобщенность», «включенность» и «изолированность»;

— эталонные для конструирования отношений понятия (из набора понятий И. Л. Соломина): «моя мать», «мой отец»;

— категории, отражающие наиболее общие регуляторы поведения: «разум», «эмоции»;

— понятия-эталонны деятельности госслужащего: «общее благо», «законность», «справедливость»;

— мотивы групповой интеграции и дезинтеграции: «угроза», «препятствие», «мерзость», «пустое место», «причастность», «выгода», «понимание», «идеал». Ряд мотивов, не отраженных в данной группе, указаны в приведенных выше группах ценностей и эмоций.

Интерпретация результатов базировалась на ранее сделанных теоретических выводах о том, что при описании структуры лояльности служащего можно выделить как минимум два возможных уровня психоповеденческой интеграции личности в группу:

1) актуальную лояльность, предполагающую наличие необходимых структурных элементов и их системное функционирование за счет динамического компонента — интегрирующей их ведущей групповой деятельности;

2) потенциальную лояльность — наличие отдельных психологических и (или) поведенческих компонентов лояльности, пока не объединенных в единую функцию динамическим компонентом лояльности — общей деятельностью на основе общего мотивационного основания.

Степень лояльности испытуемого каждой из оцениваемых групп устанавливалась по следующему критерию.

К группам актуальной лояльности, предполагающей включение идентификации с группой в ядерную структуру личности и ее реализацию в соответствии с групповым паттерном (самореализация личности в группе), были отнесены группы, обозначенные первым и вторым выбранным (самым приятным для испытуемого) цветом.

К группам потенциальной лояльности, предполагающей психологическую либо поведенческую интеграцию с членами оцениваемой группы (идентификация и психологическое сходство, не реализуемые в общей деятельности, взаимодействие с группой по ее правилам, по причинам, не связанным с самоидентификацией и психологическим сходством с этой группой), были отнесены те группы, которые ассоциировались с цветами под номерами три и четыре.

Группы, ассоциируемые с цветами, которые были выбраны пятым и шестым по счету, оценивались как группы, не имеющие для испытуемого значения (группы нулевой лояльности). Среди них встречались и те, которые ранее имели значение, но были обесценены испытуемыми в силу их практической недоступности.

Группы, ассоциирующиеся с двумя цветами, выбранными в последнюю очередь (наименее привлекательные цвета), оценивались как противопоставляемые группе принадлежности, отрицаемые либо остро дефицитные для испытуемого.

Чтобы осознать, какие ценности побуждают испытуемого интегрироваться с теми или иными группами, какие поведенческие стратегии реализуются им в этих группах, какие эмоции переживаются и какие потребности удовлетворяются там, анализировались категории, обозначенные тем же цветом, что и оцениваемая группа, т. е. группа понятий, обозначенных одним цветом, анализировалась в целом.

Например, если группу «мое подразделение» испытуемый обозначил цветом, который он затем как наиболее привлекательный выбрал первым, то данная группа оценивалась как группа актуальной лояльности. Обозначенные тем же цветом понятия «уважение» и «безопасность» интерпретировались как ценности, достигаемые участием в этой группе, понятие «компромисс», обозначенное тем же цветом, указывало на поведенческую

стратегию, используемую испытуемым в группе, «мой отец» — на наиболее вероятный источник ценностей, стратегий и эмоций, проявляемых при взаимодействии с данной группой, и т. д.

Описанная выше стандартная процедура интерпретации в подавляющем большинстве случаев оказалась адекватной и достаточной для получения точных результатов. Около 80% респондентов, с которыми после интерпретации результатов была получена обратная связь, оценили результаты диагностики как достоверные, 15% — как преимущественно достоверные, только 5% посчитали их недостоверными, что указывает на высокую валидность данной модификации методики. Ретестовая надежность оценивалась на этапе пилотажного исследования на курсантах и слушателях Академии ФСИН России. Было отмечено, что менее надежно методика работает на лицах до 22 лет и лицах, переживающих на момент исследования личностные кризисы.

Методика может применяться как при индивидуальной диагностике, так и в исследовательских целях. В результате применения методики к различным категориям сотрудников уголовно-исполнительной системы установлен факт, что с ростом стажа службы и служебного статуса увеличиваются количество и выраженность лояльностей, относящихся к служебной сфере. Если у сотрудников, занимающих должности младших специалистов и специалистов в профессионально-служебной сфере, не выявлено актуальных лояльностей, которые бы разделяли более 40% обследованных, относящихся к обозначенной категории, то у руководителей среднего звена выявляются актуальные лояльности в профессионально-служебной сфере, которые присущи 50% обследуемых. Например, 75% руководителей отделов (групп) воспитательной работы территориальных органов ФСИН России демонстрируют психоповеденческую интеграцию в группу «сообщество профессионалов», хотя оценка лояльности этой группе в указанной выборке очень неоднородна, вплоть до неприятия и психологического противопоставления себя данной группе. Что касается руководителей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, то у этой категории обследуемых выявлены актуальные лояльности в профессионально-служебной сфере, которые можно считать характерными для названной категории сотрудников. Более 70% обследованных начальников исправительных учреждений демонстрируют лояльность группам, обозначенным как «друзья по службе», «сотрудники УИС», «коллектив в целом», «сообщество профессионалов», «мое подразделение». Указанные лояльности руководителей по степени выраженности не уступают ключевым лояностям из внеслужебной сферы («семья» и «друзья вне службы»).

В качестве возможных целей практического применения данной модификации МЦМ можно отметить:

- 1) выявление актуальных лояльностей сотрудника в целях прогнозирования его поведения и выбора эффективных аргументов в ходе индивидуального воздействия;
- 2) комплексную оценку отношения сотрудника к служебной деятельности в целях оценки потенциала

его карьерного роста и необходимости индивидуальной работы с сотрудником;

3) выявление и использование индивидуально-психологических факторов, влияющих на психологическую интеграцию сотрудника в группы, существующие в профессионально-служебной сфере для управления этим процессом в случае необходимости.

В результате проведенного исследования МЦМ подтвердила свою способность к диагностике служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Успешный опыт применения дает основания предполагать, что методика с минимальными доработками относительно набора потенциальных групп лояльности может быть успешно применена в целях диагностики служебной лояльности сотрудников не только уголовно-исполнительной системы, но и других правоохранительных органов.

Список литературы

1. Горностаев С. В. Психологические проблемы служебной лояльности сотрудников правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 4(63). С. 39–41.
2. Горностаев С. В. Служебная лояльность сотрудников как научная проблема и фактор обеспечения безопасности и эффективности в функционировании уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1(92). С. 133–138.
3. Горностаев С. В., Щелкушкина Е. А. Психологические проблемы влияния служебной лояльности на эффективность отдельных элементов деятельности государственных служащих // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 186–191.
4. Оболонский А. В. Государственная служба (комплексный подход). М., 2000. 440 с.
5. Музяков С. И. Служение как социальная модель реализации ценностных оснований воинской деятельности // Армия и общество. 2008. № 2. С. 37–41.
6. Педьч М. В. Социокультурные аспекты формирования эффективной бюрократии : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2012. 25 с.
7. Mentzelopoulos A. M. Federal government public service ethics: managing public expectations. URL: <https://dspace.library.uvic.ca/handle/1828/2361> (дата обращения: 15.07.2014).
8. Wellisz S. H. Bureaucracy: Department of Economics Discussion Papers. URL: <http://academiccommons.columbia.edu/item/ac:112594> (дата обращения: 24.07.2014).
9. Kasiński M. Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. URL: <http://dspace.uni.lodz.pl:8080/xmlui/handle/11089/1575> (дата обращения: 08.07.2014).
10. Waterford J. Loyalty versus the public interest. URL: <http://apo.org.au/commentary/leaking-public-interest> (дата обращения: 14.07.2014).
11. Bowal P., Brierton T. D. & Campbell C. The Whistleblower Defence to Employment Dismissal. URL: <http://hdl.handle.net/1880/47956> 15/07/2014 (дата обращения: 15.07.2014).
12. Boszormenyi-Nagy I., Spark G. Invisible Loyalties: Reciprocity In Intergenerational Family Therapy. Hagerstown, 1973. 409 p.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность и личность // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 165–196.
14. Мясницев В. Н. Личность и неврозы. Л., 1960. 428 с.
15. Бовин Б. Г., Федорова Е. М. К вопросу о психологической профилактике профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2015. № 4. С. 110–118.
16. Бодаев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. 200 с.

17. Петровский А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 57–66.

18. Соломин И. Л., Чернышкова М. П., Суворина Н. Ю. Использование методики цветowych метафор И. Л. Соломина

в практике психологов уголовно-исполнительной системы : метод. пособие. СПб., 2012. 69 с.

19. Соломин И. Л. О «цветowych метафорах» и не только о них // Психологическая газета. 2001. № 2. С. 16–19.

Colour Metaphors Method as the Means of Diagnosing Officer's Loyalty

Gornostaev Stanislav V.,

Candidate of Sciences (Psychology), Associate-Professor, Doctorate Degree Student of the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service Ryazan, Russia. e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Loyalty is the system of an officer's psycho-behavioural integration into a group or groups operating in a professional sphere. The main diagnosed parameters of officer's loyalty are the listed groups where an officer is integrated into and the degree of the integration. The elements of loyalty are its structural components (psychological and behavioural facets) and the dynamic operational component. The most proved approach to diagnosing loyalty as an integrative phenomenon, and officer's loyalty, in particular, is the study of personal traits which are meaningful for the whole group. I.S. Solomin's method of colour metaphors is an effective means of diagnosing officer's loyalty. Modification of the method aiming to diagnose officer's loyalty was successfully tested with a group of penitentiary officers. The main criterion for estimating loyalty to a certain group when interpreting data of colour metaphors method is a relative preference given by the respondent to the colour he marks the estimated group with. The means of revealing psychological causes and conditions of formation of loyalty to a group implies analysis of the concepts marked by the same colour as the estimated group. On average with the increase of service length and official status of the respondents their relevant loyalties to the groups involved in the professional service sphere are more intensively expressed.

Keywords: loyalty, structure of loyalty, officer's loyalty, colour metaphors method, psychological diagnostics, relevant loyalties, potential loyalties.

Citation: Gornostaev S. V. Colour Metaphors Method as the Means of Diagnosing Officer's Loyalty. Psychopedagogy in law enforcement. No. 3(70). 2017. P. 67–72.

УДК 159.9© А. А. Набока, 2017

Межличностное оценивание психолога ОВД в профессиональном окружении в зависимости от профессиональной позиции

Алла Александровна Набока,

заместитель начальника отдела морально-психологического обеспечения УМВД России по Белгородской области, адъюнкт Академии управления МВД России Белгород-Москва, Россия. e-mail: alla_naboka@mail.ru

Для решения задачи, направленной на исследование особенностей процессов межличностного оценивания, протекающих в ближайшем социальном окружении, было сформировано две группы психологов территориальных ОВД по 32 человека со стажем работы от 5 до 15 лет. Применялась методика Т. Лири. Выявлено, что психологи ОВД с высокой профессиональной позицией (в процессе межличностного оценивания психолога ОВД) проецируют такие качества, как самостоятельность, дружелюбность и альтруистичность. Психолог ОВД глазами представителей правоохранительных органов наделяется качествами, характерными для профессиональной группы правоохранительной системы, — доминантностью, уверенностью и настойчивостью. Представителями своей профессиональной группы проецируются профессионально важные качества практической психологической деятельности: доброжелательность, гибкость, мягкость и отзывчивость. Установлено, что обобщенный образ психолога ОВД в процессе межличностного оценивания в исследуемых группах психологов имеет статистически значимые различия в оценке психолога ОВД представителями своей и иной профессиональной среды.

Ключевые слова: межличностное оценивание, профессиональная позиция, отношение.

Для цитирования: Набока А. А. Межличностное оценивание психолога ОВД в профессиональном окружении в зависимости от профессиональной позиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 72–76.

Межличностное оценивание психолога ОВД как представителя профессии «человек-человек», в основе которой лежат гуманистические ценности, происходит в профессиональной среде правоохранительной системы, где доминируют власть и принуждение. Профессия психолога как ценностно-нормативная система с доминированием ценности внутреннего мира другого человека находится в противоречии с ценностно-нормативной

системой профессиональной среды правоохранительных органов. По мнению А. М. Бричкина и С. И. Савиной [1, с. 99], правоохранительная система, являясь силовой структурой, формирует у сотрудников (в том числе и у психолога) позицию силы, связанную с проявлением таких качеств, как авторитарность или агрессивность. Профессия психолога, напротив, ориентируется на гуманистический подход, предполагает сохранение равно-

правной позиции, проявление сензитивности и эмпатийности. Характеризуя особенности профессиональной среды, в которой происходит профессиональная деятельность психолога ОВД, А. М. Бричкин и С. И. Савина подчеркивают, что «психолог ОВД включен в жесткую иерархическую систему, его отношения с коллегами обусловлены субординацией, находясь в системных отношениях, психологу крайне сложно удерживать нейтральную позицию и практически невозможно быть в роли эксперта системы, к которой он сам принадлежит» [1, с. 99]. Аналогичной позиции придерживается Е. Н. Гущина [2]. Она считает, что специфическими условиями деятельности практического психолога ОВД являются уставные взаимоотношения, а также амбивалентность профессиональной позиции психолога как специалиста и как офицера ОВД. В связи с этим интересно изучение феноменов межличностного оценивания психолога ОВД, протекающих в ближайшем профессиональном окружении (в зависимости от его профессиональной позиции).

В научной литературе профессиональная позиция исследуется с двух ракурсов. С одной стороны, как внешняя позиция, например, как статус, положение и роль личности в системе общественных отношений. С другой — как внутренняя позиция, т. е. как интегральное внутриличностное образование. В социологических исследованиях понятием «позиция» определяется место личности в структуре общественных отношений через множество социальных ролей, которыми обусловлена предрасположенность индивида к конкретному восприятию условий деятельности и к определенному поведению в этих обстоятельствах, обусловленных предыдущим социальным опытом. Такое понимание данного понятия мы находим в научных работах Ч. Кули [3], Р. К. Мертона [4], Т. Парсонса [5], Дж. Мида [6] и др.

Психологические концепции рассматривают данную дефиницию с точки зрения теории отношений, теории личности и профессионального самосознания специалиста. В психологии профессиональная позиция специалиста в большинстве случаев трактуется через категорию «отношение». По мнению В. Н. Мясищева, это стержневая характеристика содержания личности, определяющая степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности [7]. Б. Ф. Ломов вводит понятие «субъективное отношение», подразумевая не только объективную связь личности с ее окружением, но и ее субъективную позицию в этом окружении. Субъективная позиция в большей степени отражает эмоционально-чувственное отношение личности к различным сферам жизнедеятельности, в частности, к сфере профессиональной деятельности и общения, что и определяет характер поведения и деятельности человека [8].

Интерес представляют теоретические воззрения, рассматривающие профессиональную позицию сквозь призму профессионального самосознания специалиста. По мнению И. И. Чесноковой, профессиональная позиция, которая отражается в эмоционально-ценностном отношении к профессии и себе как к профессионалу, является

структурным компонентом профессионального самосознания [9]. С точки зрения В. В. Столина, самосознание в его когнитивной и эмоциональной форме может детерминировать не только отношение с окружающими, но и стиль, характер общения с ними, самосознание в форме самопознания и самоотношения, может влиять на развитие тех или иных черт и на развитие личности профессионала в целом [10]. В структуре самосознания, представленной Ю. Б. Гиппенрейтер, с «образом себя» соседствует «отношение к себе», которое в сфере профессиональной деятельности и в профессиональном самосознании отражает профессиональную позицию личности [11].

Профессиональная позиция выступает как одна из форм проявления субъектности психолога как профессионала, преломляется через субъектные характеристики. Наряду с категорией «профессиональная позиция» ученые выделяют и понятие «профессиональная субъектная позиция» личности. Субъектность как качество личности, возникающее на определенном уровне ее развития, проявляется в познавательном и деятельностном отношении к миру, а также в отношении к другим людям и обществу. Именно это и отражает позицию человека, его субъектность, которая отражается, согласно С. Л. Рубинштейну, в выходе личности с уровня «Я — общество» на уровень «Я — Ты», в открытии «Другого» как личности и способности субъекта строить отношения с «Другим» [12]. Образ субъектно-субъектных отношений особенно актуален в профессии психолога, где предметом профессиональной деятельности выступает личность, что требует реализации ценностей альтруизма и творчества.

Таким образом, анализ различных теоретических подходов к пониманию понятия «профессиональная позиция психолога ОВД» позволяет заключить следующее: профессиональная позиция с точки зрения личности как субъекта общественных отношений определяется как совокупность социальных ролей, ролевых предписаний, объективных требований к личности профессионала, с которыми связаны ее права и обязанности, определяющие ее поведение и профессиональную деятельность. Профессиональная позиция с точки зрения личности как субъекта профессиональной деятельности представляет собой интегральную характеристику личности, которая находит свое отражение в системе профессионально значимых мотивов, ценностных ориентаций и установок, отвечающих за отношение специалиста к профессиональным целям и средствам их достижения, за регуляцию поведения и профессиональной деятельности. Профессиональная позиция с точки зрения профессионального самосознания личности представляет собой эмоционально-ценностное отношение к себе как субъекту профессиональной деятельности (самоотношение) и другим как к субъектам профессионального общения.

С точки зрения В. Н. Мясищева, отношение личности к другим — взаимоотношения, поскольку через совместную деятельность люди определенным образом относятся друг к другу. Межличностное оценивание связано с формированием образа человека в совместной профессио-

нальной деятельности и общении, который помогает прогнозировать поведение и последовательность действий. В процессе профессионального межличностного оценивания, протекающего в ближайшем социальном окружении, формируется обобщенный образ психолога, а также профессиональные «Я-образы», выступающие характеристиками профессиональных отношений и единицами профессионального самосознания психолога ОВД.

Для решения задачи, направленной на исследование особенностей процессов межличностного оценивания, протекающих в ближайшем социальном окружении, в зависимости от профессиональной позиции психологов ОВД методом случайного выбора было сформировано две группы психологов ОВД по критерию уровня сформированности профессиональной позиции.

Экспериментальную группу составили психологи ОВД с высоким уровнем профессиональной позиции со стажем работы в органах ОВД от 5 до 15 лет (32 чел.). Для них характерны:

- доминирование профессионально значимых мотивов и ценностей;
- активное и деятельное отношение к профессиональной деятельности;
- высокий уровень владения знаниями, приемами, методами и технологиями различных видов практической психологической деятельности, обеспечивающий ее эффективность как в стандартных, так и в экстремальных ситуациях;
- позитивное профессиональное самоотношение;
- высокая саморегуляция и рефлексия профессиональной деятельности;
- проявление творческой активности, ответственности и инициативности.

Контрольную группу составили психологи ОВД с низким (репродуктивным) уровнем профессиональной

позиции со стажем работы в органах ОВД от 3 до 15 лет (32 чел.). Для психологов этой группы характерны:

- зависимое, пассивное отношение к профессиональной деятельности;
- противоречивость мотивационно-ценностной сферы или доминирование престижных мотивов и ценностей;
- достаточный уровень владения знаниями, приемами, методами и технологиями отдельных видов практической психологической деятельности в стандартных ситуациях;
- противоречивое профессиональное самоотношение и недостаточная саморегуляция и рефлексия профессиональной деятельности.

Исследование особенностей межличностного оценивания психолога ОВД в системе профессиональных отношений проводилось с помощью методики Т. Лири.

Проанализируем результаты исследования межличностного оценивания обобщенного образа психолога ОВД в системе профессиональных отношений у представителей профессиональной психологической деятельности: психолог ОВД глазами самого психолога и коллеги-психолога (рис. 1).

У психологов обеих групп получен профиль психолога ОВД, соответствующий научным представлениям о социальном образе психолога, поскольку ведущими качествами психолога ОВД в межличностном взаимодействии являются дружелюбие (психолог ОВД $M=6,3 \pm 0,32$, $M=6,7 \pm 0,27$), психолог ОВД — коллега-психолог ($M=6,5 \pm 0,27$, $M=6,7 \pm 0,25$ у психологов с высокой и низкой профпозицией соответственно), альтруизм (психолог ОВД $M=5,5 \pm 0,23$, $M=4,3 \pm 0,24$); психолог ОВД — коллега-психолог ($M=5,8 \pm 0,24$, $M=4,3 \pm 0,19$ у психологов с высокой и низкой профпозицией соответственно).

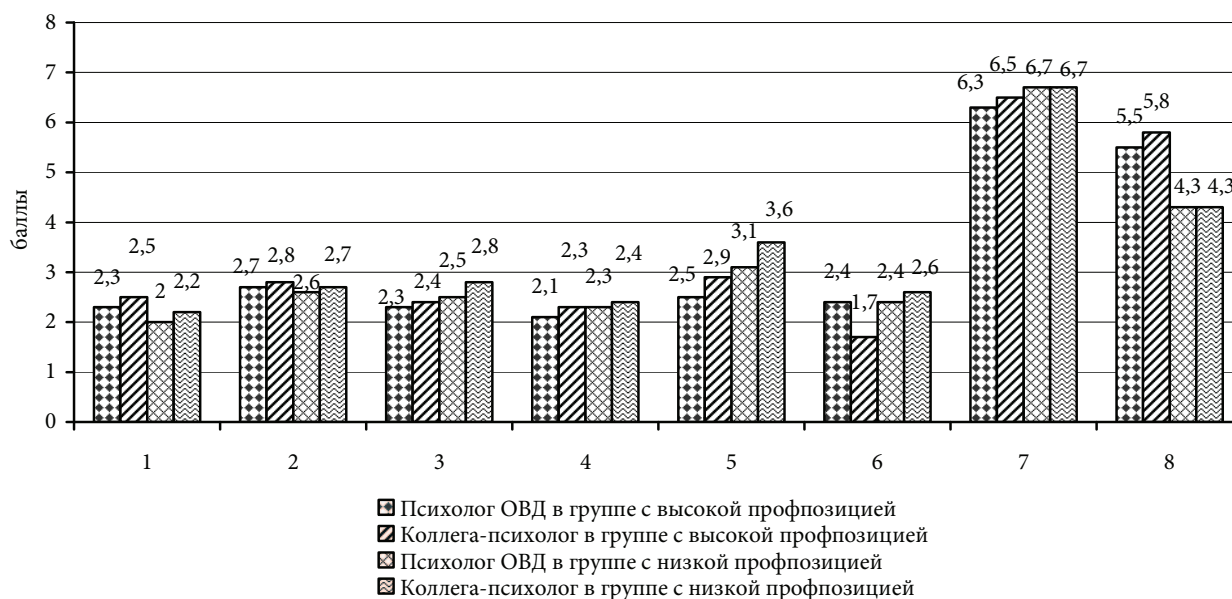

Рис. 1. Межличностное оценивание психолога ОВД психологами и коллегами-психологами

Примечание. Здесь и в последующем рисунке показатели: 1 — авторитарность, 2 — эгоистичность, 3 — агрессивность, 4 — подозрительность, 5 — подчиняемость, 6 — зависимость, 7 — дружелюбность, 8 — альтруистичность.

Полученные результаты показывают, что психолог ОВД оценивает себя и коллегами-психологами в межличностном взаимодействии оценивается как склонный к сотрудничеству, гибкий, компромиссный и дружелюбный, ответственный и эмоционально отзывчивый по отношению к людям.

Сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента показал, что у психологов с высокой профессиональной позицией психолог глазами коллеги-психолога (в отличие от самого психолога) статистически значимо отличается низким уровнем зависимости ($t=3,8, p<0,01$), т. е. коллеги оценивают его как менее конформного, ожидающего помощи и советов, в отличие от самого психолога ОВД. У психологов с низкой профессиональной позицией психолог глазами коллеги-психолога (в отличие от самого психолога) статистически значимо отличается высокой подчиняемостью ($t=2,8, p<0,01$), т. е. коллеги-психологи, по мнению психологов с низкой профессиональной позицией, оценивают его как более уступчивого и способного подчиняться при выполнении своих обязанностей. Психологи с высокой профессиональной позицией, в отличие от психологов с низкой профессиональной позицией, оценивают психолога ОВД как менее подчиняемого ($t=2,5, p<0,05$) и более альтруистичного ($t=3,6, p<0,01$), как более способного отстаивать свое мнение при выполнении служебных обязанностей, проявлять эмпатию, поддержку и сочувствие.

Межличностное оценивание психологами ОВД с разным уровнем профессиональной позиции обобщенного образа психолога ОВД с сотрудниками и руководителями ОВД имеет несколько иную картину (рис. 2).

У психологов с высокой профессиональной позицией психолог ОВД глазами сотрудников ОВД наделяется профессионально значимыми межличностными качествами альтруизма ($M=6,2\pm 0,26$) и дружелюбия ($M=5,8\pm 0,26$), а также доминантными качествами личности, связанными с упорством и настойчивостью (авторитарность $M=4,2\pm 0,23$). Межличностное оценивание психолога

глазами руководителя у психологов с высокой профессиональной позицией характеризуется профилем психолога ОВД, соответствующим научным представлениям о социальном образе психолога, для которого характерны дружелюбие ($M=7,0\pm 0,22$) и альтруизм ($M=5,4\pm 0,17$).

У психологов с низкой профессиональной позицией профиль психолога ОВД глазами сотрудников и руководителей ОВД также соответствует профессионально значимому профилю психолога с доминированием качеств дружелюбия (психолог ОВД глазами сотрудника ОВД $M=4,7\pm 0,2$; психолог ОВД глазами руководителя $M=6,1\pm 0,27$) и альтруизма (психолог ОВД глазами сотрудника ОВД $M=5,0\pm 0,25$; психолог ОВД глазами руководителя $M=4,2\pm 0,2$).

Более полную картину об особенностях межличностного оценивания психолога ОВД в исследуемых группах психологов дает статистический анализ показателей с помощью t-критерия Стьюдента, согласно которому психологи с высокой профессиональной позицией, в отличие от психологов с низкой профессиональной позицией, оценивают психолога ОВД с точки зрения сотрудников ОВД как более дружелюбного ($t=3,2, p<0,01$), альтруистичного ($t=3,4, p<0,01$), доминантного ($t=3, p<0,01$) и ориентированного на себя ($t=2,2, p<0,05$). У психологов с высокой профессиональной позицией оценка психолога ОВД глазами руководителя также имеет статистически значимые различия: психолог ОВД глазами руководителя менее подчиняем ($t=2,6, p<0,05$) и зависим ($t=4,3, p<0,01$), более дружелюбен ($t=2,8, p<0,01$) и альтруистичен ($t=4,7, p<0,01$).

Обобщенный образ психолога ОВД в процессе межличностного оценивания в исследуемых группах психологов имеет статистически значимые различия в оценке психолога ОВД представителями своей и иной профессиональной среды. Межличностное оценивание психолога ОВД самим психологом и коллегой-психологом статистически значимо отличается низкой доминантностью от оценивания психолога ОВД сотрудником ОВД (в группе психологов с высокой

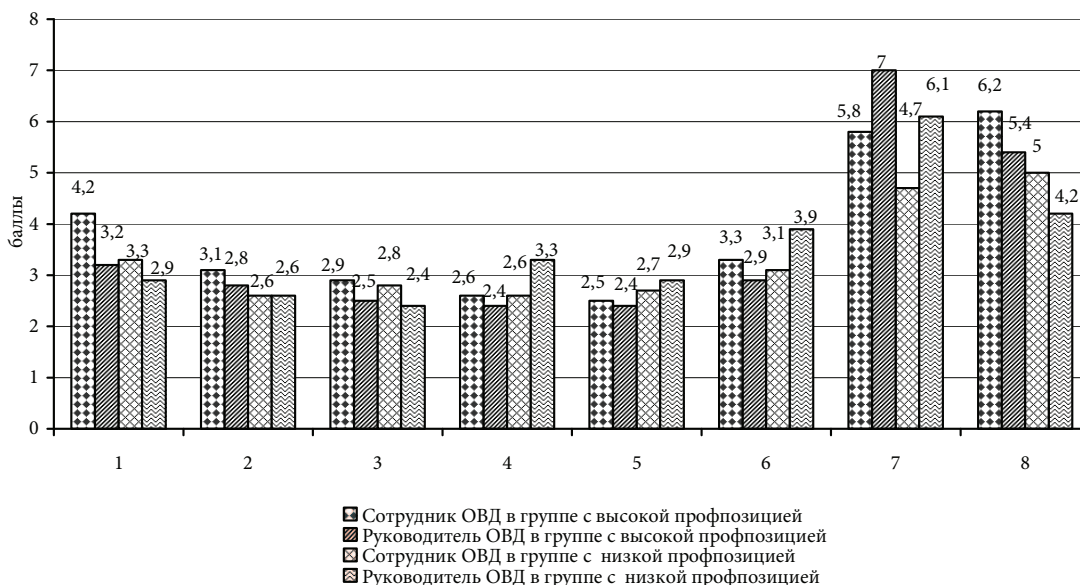

Рис. 2. Межличностное оценивание психолога ОВД сотрудниками и руководителями ОВД

профессиональной позицией $t=6,9$ и $t=6,1$, $p<0,01$ соответственно; в группе психологов с низкой профессиональной позицией $t=5,2$ и $t=4,1$, $p<0,01$ соответственно) и руководителем ОВД (в группе психологов с высокой профессиональной позицией $t=3,1$ и $t=3,8$, $p<0,01$ соответственно; в группе психологов с низкой профессиональной позицией $t=4,4$ и $t=3,1$, $p<0,01$ соответственно).

Таким образом, психологи ОВД с высокой профессиональной позицией, в отличие от психологов с низкой профессиональной позицией, характеризуются когнитивной оценкой психолога ОВД как менее подчиняемые и более альтруистичные; глазами коллеги-психолога — как менее подчиняемые; глазами сотрудников ОВД — как более дружелюбные, альтруистичные, доминантные и ориентированные на себя; глазами руководителя ОВД — как менее подчиняемые и зависимые, более дружелюбные и альтруистичные. В Я-отраженном образе психолога ОВД глазами представителей правоохранительных органов проецируются качества, характерные для профессиональной группы, в которой психолог осуществляет свою профессиональную деятельность, — доминантность, уверенность и настойчивость. В Я-отраженном образе представителей своей профессиональной среды отражаются качества, которые являются профессионально важными в практической психологической деятельности: доброжелательность, гибкость, мягкость и отзывчивость.

Список литературы

1. Бречкин А. М., Савина С. И. Профессиональное сопровождение психологов — будущее или настоящее // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2004. № 2(22). С. 99–101.
2. Гущина Е. Н. Основные направления деятельности психологической службы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2(20). С. 113–116.
3. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994. С. 172–179.
4. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 118–124.
5. Парсонс Т. Система координат и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994. С. 448–463.
6. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994. С. 121–122.
7. Мясичев В. Н. Психология отношений. М.-Воронеж, 2011. 400 с.
8. Ломов Б. Ф. Системность в психологии: избранные психологические труды. М.-Воронеж, 2011. С. 424.
9. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977. 144 с.
10. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983. 284 с.
11. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию : курс лекций. М., 2005. 332 с.
12. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб., 2012. 288 с.

Interpersonal Evaluation of a Police Psychologist in Professional Environment determined by Professional Position

Naboka Alla A.,

Deputy Head of the Moral Psychological Support Department on work with the personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Belgorod region, 4-year post-graduate student of the Russian MIA Administration Academy
Belgorod-Moscow, Russia. e-mail: alla_naboka@mail.ru

To solve the task of investigating the peculiarities of interpersonal evaluation processes in a close social circle due to the professional position of police psychologists there were formed two groups consisting of thirty-two psychologists from territorial law enforcement agencies each, their work experience being from five to fifteen years. The method of T. Leary was used. It was revealed that in interpersonal evaluation of a police psychologist police psychologists with a high professional position in comparison with psychologists with a low professional position project such qualities as independence, friendliness and unselfishness. A police psychologist viewed as by law enforcement representatives is endowed with qualities typical for a professional law enforcement group, that is dominance, confidence and persistence. Representatives of their professional group project the following professionally important qualities: amicability, flexibility, gentleness and sympathy. It is proved that the general image of a police psychologist in the process of interpersonal evaluation in the groups of psychologists under study have statistically significant differences in the evaluation of a police psychologist given by representatives of their own or another professional circle.

Keywords: interpersonal evaluation, professional position, attitude.

Citation: Naboka A. A. Interpersonal Evaluation of a Police Psychologist in Professional Environment determined by Professional Position. Psychopedagogy in law enforcement. No. 3(70). 2017. P. 72–76.

ИНФОРМАЦИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 15-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ИМ. В. Я. КИКОТЯ (30–31 МАЯ 2017 г., г. МОСКВА)

УДК 159.9 © С. Н. Федотов, О. А. Ульянина, 2017

Образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы

(обзор материалов международной конференции, посвященной 15-летию образования
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя)

Сергей Николаевич Федотов,

доктор психологических наук, профессор, начальник учебно-научного
комплекса психологии служебной деятельности Московского университета
МВД России им. В. Я. Кикотя
Москва, Россия. e-mail: fedotovsn@rambler.ru

Ольга Александровна Ульянина,

кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами Академии управления МВД России
Москва, Россия. e-mail: lelia34@mail.ru

Профессиональное образование психологов и социальных педагогов органов внутренних дел осуществляется по новым федеральным образовательным стандартам высшего образования. Обмен мнениями по актуальным проблемам профессионального образования психологов, социальных педагогов других ведомственных вузов, практическими психологами системы МВД России предоставляет уникальную возможность творческого роста, совместного анализа профессиональных проблем и определения путей их решения в развитие психологической работы в системе морально-психологического обеспечения МВД России. Психологическая работа должна соответствовать новым реалиям, целям и задачам морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников. Успешное решение базовых задач системы МВД России не мыслится без активного внедрения достижений психологии в оперативно-розыскную и следственную деятельность, повышения психологической культуры управленческих кадров, эффективного отбора, обучения и воспитания нового поколения полицейских.

Ключевые слова: профессиональное образование психологов, морально-психологическое обеспечение, координация подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Для цитирования: Федотов С. Н., Ульянина О. А. Образование сотрудников ОВД. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы (обзор материалов международной конференции, посвященной 15-летию образования Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 77–82.

В год пятидесятилетия Университета выбор темы конференции не был случайным. Приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных учреждений МВД России» Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя был наделен функциями учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений психологического обеспечения органов внутренних дел», а профильным подразделением-заказчиком выступил Департамент государственной службы и кадров МВД России. Для комплексного руководства профильной подготовкой в вузе создан соответствующий Учебно-научный центр.

Профессорско-преподавательский состав вуза осуществляет специализированное научное и методическое обеспечение профильной подготовки, участвует в работе ведомственных координационно-консультативных организаций. Так, ведущие специалисты Университета участвуют в работе функционирующего на базе Департамента государственной службы и кадров МВД России Координационно-методического совета по психологическому обеспечению работы с личным составом органов, подразделений, учреждений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Кроме того, Московскому университету им. В. Я. Кикотя доверена координация подготовки сотрудников орга-

нов внутренних дел психолого-педагогического профиля путем обеспечения работы Учебно-методической секции деятельности подразделений психологической работы органов внутренних дел Российской Федерации.

За полтора десятка лет вузом пройден значительный путь в этом направлении. Многолетняя предварительная работа позволила создать в 2011 г. Учебно-научный комплекс психологии служебной деятельности, включающий три кафедры: психологии, юридической психологии, педагогики. В 2016 г. на базе соответствующего факультета образован Институт психологии служебной деятельности, обеспечивающий реализацию образовательных программ высшего образования, подготовки научно-педагогических кадров, профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел.

Всего Университетом выпущено более 1000 специалистов отмеченного направления для системы МВД России. Кроме того, вуз активно ведет работу в сфере международного сотрудничества, осуществляя обучение иностранных специалистов психолого-педагогического профиля для шести стран СНГ и трех государств дальнего зарубежья.

Особую роль в профильной подготовке кадров играет созданный на базе вуза диссертационный совет, принимающий к защите кандидатские и докторские диссертации по психологии труда, теории и методике профессионального образования и физического воспитания.

Конференция получила широкий отклик, объединив специалистов различного уровня — ученых, преподавателей и практиков, представляющих Департамент государственной службы и кадров МВД России, Высшую аттестационную комиссию Минобрнауки России, Российскую академию образования, семь образовательных и научных организаций МВД России, в том числе Академию управления МВД России, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Санкт-Петербургский и Краснодарский университеты МВД России, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, более чем 15 образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов в области педагогики и психологии, включая Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский государственный психолого-педагогический университет, Московский педагогический государственный университет, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации.

Особо отметим участие в пленарном заседании конференции:

— начальника Департамента государственной службы и кадров МВД России генерал-лейтенанта внутренней службы *Владимира Леонидовича Кубышко*;

— первого заместителя Директора бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступности на территории СНГ (БКБОП) генерал-майора полиции *Патриса Кенесовича Нокина* и руководства Бюро от МВД Азербайджанской Республики, от Полиции Республики Армения, от МВД Республики Молдова, от МВД России, от МВД Республики Таджикистан и от МВД Республики Узбекистан;

— академика РАО, председателя экспертного совета ВАК по педагогике и психологии, доктора психологических наук, профессора *Александра Ивановича Донцова*;

— академика РАО, декана психологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктора психологических наук, профессора *Юрия Петровича Зинченко*;

— академика РАО, директора Федерального проекта «Крепкая семья», заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора педагогических наук, профессора *Артура Александровича Реана*;

— члена-корреспондента РАО, профессора кафедры социальной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета, доктора педагогических наук, профессора *Анатолия Викторовича Мудрика*;

— академика РАО, главного научного сотрудника лаборатории «Научных основ детской практической психологии» Психологического института Российской академии образования, доктора психологических наук, профессора *Ирины Владимировны Дубровиной*;

— члена-корреспондента РАО, заведующего кафедрой военной психологии Военного университета Минобороны России, заслуженного деятеля науки РФ, доктора психологических наук, профессора *Александра Григорьевича Караяни*.

В мероприятии участвовали сотрудники практических органов внутренних дел, профессорско-преподавательский состав, адъюнкты, курсанты и слушатели Университета.

Работа конференции осуществлялась в рамках трех секций:

1) Состояние и перспективы подготовки специалистов в контексте актуальных задач психологической работы в органах внутренних дел;

2) Психологическое обеспечение служебной деятельности: состояние и перспективы;

3) Педагогика вчера, сегодня, завтра.

Ведущие эксперты в области педагогики и психологии служебной деятельности, принимавшие участие в конференции по проблемам профессионального образования сотрудников органов внутренних дел, проводимой 30–31 мая 2017 г. Московским университетом МВД России им. В. Я. Кикотя, отметили следующее.

Успешное решение поставленных Президентом Российской Федерации и министром внутренних дел Российской Федерации задач по обеспечению правопорядка и безопасности в стране требует разработки новых подходов и психотехнологий работы с личным составом по обеспечению оперативно-служебной деятельности и совершенствованию правоохранительной системы в целом.

Руководство МВД России в последнее время последовательно укрепляет кадровое и материальное состояние системы морально-психологического обеспечения подразделений и служб органов внутренних дел. Это большие ресурсы, которыми ведомство стремится эффективно управлять. Психологи достойно выполняют свою работу, в том числе в ходе спецопераций в Северо-

Кавказском регионе, зонах стихийных бедствий, местах проведения крупных международных мероприятий и спортивных соревнований. Психологической службой давно пройден этап становления. В настоящее время она каждый день подтверждает свою необходимость, вносит заметный вклад в совершенствование работы с кадрами, в создание благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах, в управление органами внутренних дел, в оказание психологической помощи руководителям и личному составу.

В системе МВД России работают подразделения по делам несовершеннолетних, сотрудники которых осуществляют тесное взаимодействие со школами, семьями, помогая преодолевать детям и взрослым трудные жизненные ситуации, защищать права ребенка. В настоящее время специалистами кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности осуществляется интенсивный поиск эффективных технологий межведомственного сотрудничества, способных обеспечить профилактику и коррекцию отклоняющегося поведения подрастающего поколения.

Участники конференции в своих выступлениях отметили, что меняются социально-экономическая ситуация в стране и структура преступности, появляются новые угрозы и вызовы. Так называемая «гибридная война», развязанная против России, придает новую динамику и расставляет новые приоритеты в проводимой реформе органов внутренних дел. Психологическая работа должна соответствовать новым реалиям, новым целям и задачам морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности сотрудников. Успешное решение базовых задач системы МВД России не мыслится без активного внедрения достижений психологии в оперативно-розыскную и следственную деятельность, необходимо повышать психологическую культуру управленческих кадров, проводить эффективный отбор, обучение и воспитание нового поколения полицейских.

Участники конференции обратили особое внимание на то, что оперативно-розыскная деятельность насыщена не только интеллектуально, но и сопряжена с риском для жизни и здоровья сотрудников, что требует от них профессионально-психологических знаний, умений и навыков, а также высокого уровня коммуникативной компетентности. Экспериментально доказано, что расследование уголовных дел эффективнее осуществляется при наличии системы психологического обеспечения. Однако эта система тоже нуждается в современных научно-методических разработках, в новых психологических технологиях организации и проведения оперативно-розыскных, следственных, тактических и профилактических операций, психологических мероприятий по созданию благоприятных условий для развития и использования профессионально-психологического потенциала следователя, сотрудника органов дознания и самого психолога.

По мнению участников конференции, важнейшим критерием эффективности работы психологов по-прежнему считается уровень профилактики чрезвычайных происшествий, коррупционных проявлений,

нарушений служебной дисциплины и законности среди личного состава, а также предупреждение гибели сотрудников при исполнении служебного долга, психической заболеваемости личного состава, текучести кадров в первые годы службы, увольнений со службы (в том числе по отрицательным мотивам).

По-новому понимается и традиционная для многих проблема повышения результативности формирования высококвалифицированного и надежного кадрового состава, отвечающего современным требованиям государства и общества. Работать хорошо способны многие, а вот работать творчески умеет не каждый. Кадровый дефицит — это недостаток специалистов с качественно иными компетенциями. Чтобы воспитать такого полицейского, нужно принципиально изменить всю систему его профессиональной подготовки. На протяжении нескольких лет в Министерстве внутренних дел Российской Федерации проходил первый этап реформы профессиональной подготовки кадров, связанный с реформой образовательных организаций. Сократилось их количество, остались наиболее сильные вузы, обладающие хорошей материальной и учебно-методической базой. Затем было проведено реформирование системы первоначальной профессиональной подготовки полицейских. На всех этапах реформы психологи принимали активное участие в работе с кадровым резервом ОВД, в морально-психологическом обеспечении курсантов и слушателей ведомственных образовательных организаций.

Участники конференции отметили, что в работе психологов все еще встречается брак. Мы знаем, как дорого он обходится, к каким тяжелым последствиям может привести неверная оценка морально-психологического климата в служебном коллективе, психологического состояния сотрудника или личностных качеств кандидата на службу в полиции.

Данные мониторинга состояния дисциплины и законности в органах внутренних дел свидетельствуют о том, что все еще значительным остается количество преступлений и происшествий, имеющих психологические корни. Не удается существенно сократить количество ДТП со смертельным исходом, совершенных по вине сотрудников, в том числе в состоянии алкогольного опьянения. Недостаточно эффективно проводится профилактика суицидов, неправомерного применения оружия и спецсредств. В подразделениях по делам несовершеннолетних встречаются случаи формального отношения сотрудников к выполнению социально-педагогических задач, в связи с чем несовершеннолетние, совершившие правонарушения, не получают реальной возможности для просоциального, законопослушного становления.

Важнейшая задача психологов в органах внутренних дел заключается в активизации профилактики нарушений служебной дисциплины и законности, в том числе коррупционного поведения среди сотрудников, в оказании помощи руководителям при формировании здорового морально-психологического климата в служебных коллективах. Стратегическое направление решения этой задачи — сосредоточение усилий на формировании ка-

дровых резервов всех уровней, а также последовательное развертывание системы обеспечения надежности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

По мнению участников конференции, проблемы совершенствования психологической и социально-педагогической работы в органах внутренних дел требуют активного внедрения эффективных технологий, психодиагностических методов и методик. Необходимы инновационные подходы, теории и экспертно-диагностические системы на базе современных информационных технологий. Именно поэтому следует продолжать поиски и разработку новых принципов построения методов психологической, социально-педагогической работы, которые были бы адекватны современным вызовам и угрозам, возникающим перед сотрудниками органов внутренних дел.

С учетом состоявшегося обсуждения признано, что профессиональное образование психологов и социальных педагогов органов внутренних дел должно осуществляться по новым федеральным образовательным стандартам высшего образования с учетом определенных целей и задач. Необходимы:

1. Выработка общих стандартов и эталонов качества образования и научно-исследовательской деятельности образовательных организаций системы МВД России. Повышение качества и эффективности образования, развитие практической составляющей, интенсификация образовательного процесса в контексте разработки и реализации основной образовательной программы по специальностям 37.05.02 «Психология служебной деятельности», 44.05.01 «Педагогика и психология девиантного поведения (ФГОС ВО) в образовательных организациях МВД России».

2. Совершенствование существующей научной и образовательной системы, психологической и воспитательной работы с личным составом в полном соответствии с международными стандартами работы полиции, внедрение отечественного и международного опыта подготовки кадров в систему образовательных организаций высшего образования МВД России.

Качественная реализация компетентного подхода в подготовке специалистов для органов внутренних дел, усиление практической направленности преподавания учебных дисциплин психологического блока на факультетах юридического профиля, практикоориентированной подготовки курсантов и слушателей в области социальной педагогики, а также расширение межвузовского сотрудничества и взаимных стажировок профессорско-преподавательского состава образовательных организаций МВД России, формирование авторских коллективов для подготовки учебников и учебно-методических пособий в соответствии с требованиями ФГОС ВО. Реальным вкладом психологов в морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников должна стать подготовка учебников «Психологическая работа в органах внутренних дел», «Профессионально-личностная подготовка сотрудника ПДН».

3. Организация и осуществление целевой подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел по программам «Профессиональный психологический отбор сотрудников органов внутренних дел» и «Технологии обеспечения надежности сотрудника органов внутренних дел» в интересах освоения ими технологий обеспечения надежности сотрудника органов внутренних дел, процедур профессионально-психологического отбора и проведения специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа. Постоянное повышение профессионального мастерства, научной квалификации педагогических работников (профессиональная переподготовка; повышение квалификации; стажировки; командировки в целях обмена профессиональным опытом в образовательные организации высшего профессионального образования и дополнительного профессионального образования МВД России).

4. Поддержка инновационных методов, способов, средств и психотехнологий в подготовке психологов, социальных педагогов и профессиональных кадров для органов внутренних дел в целом. Совершенствование методического обеспечения образовательного процесса посредством внедрения новейших обучающих систем и технологий, творческого поиска новых форм и методов в педагогической деятельности, применения компьютерной техники и современных технических средств обучения. Применение новых технологий моделирования виртуальной реальности в обучении. Использование технологии биологической обратной связи в реабилитации сотрудников. Недостаточно использовать одни только бумажные или компьютеризированные методики. Новые технологии — это те средства, которые помогли бы решать задачи непосредственно с личным составом.

5. Широкое использование видеотехнологий в формировании профессиональных компетенций у слушателей в процессе преподавания «Интегративного практикума психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел», «Тренинга комплексного моделирования профессиональной деятельности». Внедрение в образовательный процесс видеопортфолио. Как вид образовательной технологии оно состоит из аудиовизуально зафиксированных на физическом носителе (видеокассета, видеодиск и т. п.) компетенций и профессионально важных качеств личности обучающихся. Эта педагогическая технология занимает особое место в повышении у слушателей мотивации к достижению положительных результатов в учебно-профессиональной деятельности. Применение слушателями взаимной и самоанализа, а также контроль и оценка выступают как дополнительные факторы успешного решения комплексных задач, в том числе видеозадач. Демонстрация сложных профессиональных навыков и компетенций, а также профессионально важных качеств личности перед видеорекамой — своеобразный итог проведенных репетиций.

6. Определение основных направлений научной деятельности кафедр, учебно-научных комплексов образовательных организаций МВД России, актуальных, практи-

чески значимых проблем и конкретной тематики научных исследований, а также контроль за их соответствием приоритетным направлениям деятельности МВД России.

В частности, практикоориентированный и комплексный подходы, реализуемые в образовательных организациях высшего образования МВД России, должны иметь научно обоснованные критерии, при помощи которых может быть определена готовность выпускника выполнять должностные обязанности психолога органов внутренних дел.

При этом профессиональный психологический отбор в органы внутренних дел (как одно из приоритетных направлений психологической работы) необходимо обеспечить комплексом валидных методов психодиагностического исследования. Их разработка и утверждение для последующего практического использования должна осуществляться группой ученых на систематической и плановой основе при непосредственном участии практических психологов органов внутренних дел.

Разработка научно обоснованных профессиограмм и психограмм сотрудников органов внутренних дел является актуальной и выступает необходимым условием решения проблемы, связанной с прогнозированием успешности осуществления профессиональной (оперативно-служебной) деятельности кандидатами на службу в органы внутренних дел. Поддержка разработки частных теорий, концепций, доктрин по научным специальностям 13.00.08 и 19.00.03.

Совместно с территориальными органами (подразделениями) ОВД актуально создание экспериментальных площадок для проведения научных исследований в рамках научных специальностей 13.00.08 и 19.00.03.

7. Тесное взаимодействие с Координационно-методическим советом по психологическому обеспечению работы с личным составом органов, подразделений, учреждений системы МВД России, учебно-методическими советами и объединениями по образованию в сфере морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, научно-практическими секциями Совета МВД России по науке и передовому опыту в территориальных подразделениях МВД России, а также другими научными, научно-консультативными и научно-методическими советами.

8. Поддержание на должном уровне материально-технического обеспечения образовательного процесса. Развитие учебной и лабораторной базы для проведения учебных занятий и научно-исследовательской деятельности, внедрение в учебный процесс практикоориентированных занятий на базе специализированных лабораторий и кабинетов. Например, как в Московском университете МВД России: психодиагностики и системно-ситуативного анализа деятельности; психо-

физиологических исследований с использованием полиграфа и вегетативного резонансного теста; индивидуального психофизического тренинга и саморегуляции; групповых психологических тренингов и консультирования; психофизиологии; социально-психологического тренинга профессионального общения; визуальной диагностики и психологического портретирования; профайлинга; педагогического мастерства.

9. На основе анализа современных отечественных и зарубежных подходов и возможностей созданной материально-технической базы выделить несколько приоритетных направлений в подготовке психологов, социальных педагогов, которые позволят выпускникам соответствовать современным требованиям и непротиворечиво включиться в реализацию программ, реализуемых ДГСК МВД России и территориальными органами внутренних дел:

— освоение современных наукоемких методов исследования профессиональной деятельности: системно-ситуативный анализ деятельности (ССАД), системно-ситуативный анализ поведения (ССАП), системно-ситуативный анализ конфликтов (ССАК);

— освоение технологии разработки и применения специализированных методов профессионально-психологической диагностики и подготовки, исходя из данных, получаемых ССАД;

— освоение современных аппаратных методов психологического и психофизиологического исследования и коррекции: полиграф, мультиспихометр, аппаратура биорезонансной диагностики и коррекции и др.;

— освоение методов психической саморегуляции и методики обучения этим методам;

— освоение методов непосредственной психологической диагностики и воздействия: НЛП, профайлинг, а также методики обучения этим методам;

— расширение курсов психологического портретирования и профессиональной коммуникации (переговорный процесс):

— освоение методов социально-педагогического наблюдения, социально-педагогических коммуникаций, смысложизненно-ориентационной профилактики несовершеннолетних.

В связи с этим обмен мнениями по актуальным проблемам профессионального образования психологов, социальных педагогов с представителями других ведомственных вузов, с практическими психологами системы МВД России предоставляет всем уникальную возможность творческого роста, совместного анализа профессиональных проблем и определения путей их решения, а также вносит весомый вклад в дальнейшее развитие психологической работы в системе морально-психологического обеспечения МВД России.

Law Enforcement Officers' Education. Pedagogy and Psychology of Service: Current State and Prospects (Overview of Materials of the International Conference Dedicated to 15th Anniversary of V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (held on May 30-31, 2017, in Moscow)

Fedotov Sergey N.,

Doctor of Psychology, Professor, chief of Service Psychology Studies and Science Centre, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs Moscow, Russia. e-mail: fedotovsn@rambler.ru

Ulyanina Olga A.,

Candidate of Sciences (Sociology), Associate-Professor at the Department of Psychology, Pedagogy and Human Resources Management, Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs Moscow, Russia. e-mail: lelia34@mail.ru

Professional education of psychologists and social pedagogues at law enforcement agencies is carried out according to new Federal Standards of Higher Education. Sharing views on urgent problems of professional education of psychologists and social pedagogues at other departmental higher educational institutions organized among practical psychologists of the Russian Ministry of Internal Affairs provides a unique opportunity for creative development, joint analysis of professional problems and finding solutions for the development of psychological work in the moral and psychological maintenance of the Russian Ministry of Internal Affairs. Psychological work must fit new realities, meet new purposes and tasks of moral and psychological maintenance of officers' service. Nowadays no successful solution of basic tasks of the Russian Ministry of Internal Affairs is available without active implementation of achievements in psychology into crime detection and investigation, increased psychological culture of managerial personnel, effective selection, training and education of a new generation of police officers.

Keywords: professional education of psychologists, moral and psychological maintenance, coordination of law enforcement officers' training.

Citation: Fedotov S. N., Ulyanina O. A. Law Enforcement Officers' Education. Pedagogy and Psychology of Service: Current State and Prospects (Overview of Materials of the International Conference Dedicated to 15th Anniversary of V. Ya. Kikot' Moscow University of the Russian Ministry of Internal Affairs (held on May 30-31, 2017, in Moscow). Psychopedagogy in Law Enforcement. No. 3(70). 2017. P. 77–82.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ

Уважаемые коллеги!

Требования к представляемым материалам

1. Общие правила. Принимаются статьи, отражающие результаты самостоятельных и завершенных исследований. Описания пилотажных исследований, отчетов, не имеющих научных выводов, дублирование ранее опубликованных работ в качестве отдельной статьи к рассмотрению не принимаются. Материалы статьи не должны содержать некорректных заимствований.

Автор рукописи гарантирует, что не нарушает Закон об охране авторского права, иные законодательные нормы, принимает на себя ответственность за точность и информативность излагаемых сведений.

2. Авторы представляют в редакцию:

— статью, оформленную в соответствии с требованиями (название статьи, от 4 до 12 слов). Название должно быть информативным, лаконичным, соответствовать научному стилю текста, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему (предмет) исследования и содержание работы. Заглавие должно легко восприниматься читателями и поисковыми системами;

— индекс УДК, соответствующий теме статьи;

— сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень, ученое звание, должность);

— полное название организации, с указанием формы собственности, ведомственной принадлежности каждого из авторов, адрес с почтовым индексом. Необходимо придерживаться унифицированного названия организации, как правило, зафиксированного в уставе организации;

— аннотацию (abstract). Она должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной в соответствии с логикой изложения материала, компактной (от 100 до 150 слов);

— ключевые слова (key words) (6-8 речевых единиц) из текста статьи.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ перевод метаданных на английский язык осуществляется силами редакционной коллегии.

3. Требования к представляемым материалам:

— статьи принимаются в формате doc, docx, rtf. Шрифт — Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;

— объем рукописи — 20–25 тыс. знаков, включая рисунки и таблицы, больший объем допускается в индивидуальном порядке, по решению редакции. Текст тщательно вычитывается и подписывается авторами;

— иллюстративный материал должен быть ориентирован на черно-белую печать. Формат графических файлов для растровой графики — TIFF или JPEG, разрешение — 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы и т. д. должны быть сделаны в векторных программах (не в Word) и сохранены в формате EPS или AI;

— сокращения и символы, единицы измерения должны соответствовать принятым стандартам (в системе СИ и ГОСТ 7.0.12-2011);

— в списке литературы авторы упоминаются в порядке цитирования. Все ссылки на литературные источники в тексте статьи печатаются арабскими цифрами в квадратных скобках, например: [5, с. 6]. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой, например: [10, с. 9; 12, с. 50] (ГОСТ Р 7.0.5–2008). При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального цитирования;

— источники без указания автора материала, нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.), пояснения, замечания, которые не будут проиндексированы в базах данных цитирования, указываются в сносках внизу страницы и в список литературы не выносятся;

— самоцитирование автора допускается, но не более 20% от количества источников в списке.

Журнал является рецензируемым. Все статьи рецензируются, независимо от ученых званий и степеней авторов. Рецензирование осуществляют специалисты по тематике рецензируемых материалов, которые имеют в течение последних трех лет публикации в указанной сфере.

Рукописи принимаются к рассмотрению по электронной почте в режиме online. E-mail редакции: karavaevmvd@mail.ru. Авторы могут присылать рукописи по адресу: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7. Омская академия МВД России, журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» (с пометкой «Караваяев А. Ф.»). тел.: +7 (913) 971-80-28.

Электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе на сайте журнала <https://ома.мвд.рф/Nauka/rio/psihopedagogika>, <https://ома.мвд.рф/Nauka/rio/psihopedagogika-eng> и на сайтах научных электронных библиотек по адресу: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. Номера размещаются в РИНЦ (Science Index), электронные архивы выпусков журнала находятся в открытом доступе в НЭБ (Научной электронной библиотеке).

С подробными требованиями к оформлению статьи можно также ознакомиться в разделе «Информация для авторов» на сайте журнала <https://ома.мвд.рф/Nauka/rio/psihopedagogika>, <https://ома.мвд.рф/Nauka/rio/psihopedagogika-eng>.

Публикации в журнале бесплатные.

Подписные индексы:

41979; 41980 — по объединенному каталогу «Пресса России»;

11310 — по каталогу «Почта России».

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству!

INFORMATION FOR AUTHORS AND SUBSCRIBERS

Dear colleagues!

Regulations On Submitting The Manuscript By The Author

1. General rules. The submitted materials shall comprise the results of original and completed research. Descriptions of pilot researches, reports missing scientific outcomes, duplication of earlier published works as an article are not admissible. The submitted materials shall not contain inappropriate borrowings.

The author of the manuscript is responsible for observing the copyright law and other legislative norms, accuracy and information value of the data conveyed. Publication of the materials in the peer-reviewed journals is the means of scientific communication and contributes largely to the corresponding field of science. The editorial office supports the mentioned communications and observes publishing ethical requirements.

2. The authors provide the editorial office with:

— the article arranged according to the requirements (the title — from 4 to 12 words). The title shall be of much information value, concise, conform to scientific style of the text, contain the main keywords describing the subject-matter of the research and its content. The title shall be comprehensible for readers and search systems;

— universal decimal classification (UDC) index in accordance with the subject-matter of the article;

— data about the author (family name, middle name, first name in full form, science degree, academic rank, position);

— full name of the organization, describing the form of ownership, each author's membership in a department, address with a zip-code. It is advisable to use the uniform name of the organization usually given in the organization's bylaw. When giving address in English it is necessary to observe English grammar rules and give the information as follows (according to rules of punctuation): apartment number, street, city, zip-code, county;

— the abstract. It should be informative, original, meaningful, structured according to the logics of the material, concise (100–150 words);

— keywords (6–8 lexical units) from the text of the article.

To be put on the English version of the journal site and in the Russian Science Citation Index system the translation of metadata is carried out by the editorial board.

3. Requirements to the submitted materials:

— the articles are admitted in the doc, docx, rtf file format, Times New Roman font — 14 pt, with 1,5 line spacing;

— the volume of the manuscript — 20–25 thousand characters, including pictures and tables, a larger volume is admissible in certain cases only, upon the editorial office resolution. The text is thoroughly proof-read and signed by the authors. Graphs, schemes, diagrams etc. must be fulfilled in vector programmes (not in Word) and saved in EPS or AI formats;

— contractions and symbols, measure units must conform to the standards adopted (in the International System of Units and GOST 7.0.12-2011);

— in References the authors are mentioned as cited. All the references in the article are given in ciphers in square brackets, e.g. [5, p. 6]. It is admissible to refer to different resources from the Reference list, their running numbers being separated by a semicolon, e.g. [10, p. 9; 12, p. 50] (GOST R 7.0.5–2008). When the reference is repeated, it takes the number of its first mentioning;

— resources with no author, normative documents (rulings, laws, instructions, etc), explanations, notes which will not be indexed in citation databases are given in footnotes at the bottom of the page and are not included in the reference list;

— self-citation is admissible if not exceeding 20% of the whole number of resources from the references list.

The journal is peer-reviewed. All articles are peer-reviewed despite the authors' academic ranks or science degrees. Peer-reviewing is carried out by the experts in the fields of the materials under review, the experts have got publications in the mentioned field during the last three years.

Manuscripts are admitted by e-mail on-line. E-mail: karavaevmvd@mail.ru. The authors can send the materials to the address: the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, journal "Psychopedagogy in law enforcement" (subject: "to Karavaev A. F."), 7, pr. Komarova, Omsk, 644092, phone: +7 (913) 971-80-28.

The electronic versions of the journal are available at the website <https://oma.mvd.ru/Nauka/rio/psihopedagogika-eng> and the websites of the scientific electronic libraries: <http://www.elibrary.ru>; <http://www.cyberleninka.ru>. The issues are placed in the Russian Science Citation Index system, electronic archives of the journal are available at elibrary.ru

As for detailed requirements to the arrangement of the article you can consult section "Information for authors" at the website <https://oma.mvd.ru/Nauka/rio/psihopedagogika-eng>.

The publications are free of charge.

Subscription codes:

41979; 41980 — United catalogue "Russian Printed Media";

11310 — "Russian Post".

Welcome to cooperate!